

Этнографическія замѣтки на пути отъ г. Никольска до г. Тотмы.

СОДЕРЖАНІЕ.

Рѣка Югъ. Его вершина. Анфалова могила. Рыбы южской системы. Деревня Аксентьева. Волокъ и Угорье. Артели барочниковъ и двинскихъ пильщиковъ; судорабочіе: коренные и присада. Сокольское болото. Волокъ черезъ суземъ. Дер. Мякишева. Гармонщикъ. Помѣщики—крестьяне и половники. Игра въ карты и лодыжки. Садка хмѣля. Сѣнокосы. Выкашивание луга общиной. Вятскіе починки въ системѣ р. Вохмы. Поземельные обычаи дер. Аксентьевой. Дер. Вахня. Общественныя мельницы. Приголовашки и кобылки. Характеристика мѣстныхъ жителей. Дѣтскія игры. Дер. Зеленцова. Приѣмки. Положеніе стариковъ и старухъ. Положеніе женщины. Гуртовщикъ. Липа на сѣверной сторонѣ уралоалаунской гряды. Демонологія и предрасудки. Кипяченіе воды калеными камнями. Дер. Подболотье. Озера въ Никольскомъ лѣсничествѣ. Качули, катушки. Бесѣдки и игрища. Дѣвицы—гостыи. Этнографическія замѣтки о земледѣліи и скотоводствѣ. Село Андреевское. Ломки известняка. Окаменѣлости. Дегтярные заводы. Сборы духовенства. Старинныя ямы или провалища. Катанье шляпъ и шерстяной обуви. Одежда мѣстныхъ жителей. Преданія о случаяхъ выселенія въ Сибирь. Дев. Княжева. Медвѣди. Грибы. Пища мѣстныхъ жителей. Дер. Менькова. Леденгское усолье. Положеніе рабочихъ. Низкая рабочая плата. Сѣверный олень на уралоалаунской грядѣ. Птицеловство. Мѣстныя слова. Поговорки. Народныя названія нѣкоторыхъ растений. Пѣсни.

Мы выступили пѣшкомъ изъ Никольска по дорогѣ въ Тотму 6 августа 1872 г. Общество наше состояло изъ двухъ семействъ харьковскихъ малороссянъ, трехъ солдатъ, уроженцевъ Костромской губерніи, и меня.

Подъ самымъ городомъ мы переправились черезъ р. Югъ на паромѣ.

*) Этотъ замѣчательный трудъ нашего извѣстнаго путешественника-натуралиста, даровитаго наблюдателя и писателя Г. Н. Потанина съ 1872 г. лежалъ въ Архивѣ Общества. Ознакомившись съ этими Этнографическими замѣтками, мы сочли пріятнымъ долгомъ ознакомить съ ними читателей «Живой Старины». Здѣсь они найдутъ множество живыхъ и важныхъ замѣтокъ, наблюденій общегеографическаго и специально этнографическаго характера о странѣ и населеніи одного изъ угловъ Сѣвера Европейской Россіи. Этотъ прекрасный трудъ имѣетъ большую цѣну и въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніи. Онъ представляетъ много важныхъ данныхъ и соображеній для историковъ славяно-русской колонизаціи Сѣвера, для всѣхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, интересующихся вопросами общиннаго землевладѣнія, наконецъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія нашихъ администраторовъ (напр. послѣднія страницы этой первой статьи о суземѣ и о запрещеніи крестьянамъ заводить новые въ немъ починки). *Ред.*

Рѣка эта замѣчательна своимъ извилистымъ теченіемъ; во-первыхъ, если мелкія ея извилины привести къ одной средней линіи, то и эта средняя представитъ странный крюкъ; сначала рѣка течетъ на югъ до устья восточной Анданги, потомъ на западъ до устья р. Пермась и наконецъ на сѣверъ; такъ что отъ г. Никольска, лежащаго уже на той части Юга, гдѣ онъ течетъ на сѣверъ, до вершинъ этой рѣки считается немного болѣе 40 верстъ. Во-вторыхъ, кромѣ этой кривизны общаго теченія, Югъ дѣлаетъ множество мелкихъ излучинъ; отъ Никольска до Пермаса горой считается 35 верстъ, по рѣкѣ же будетъ около 50, слѣдов., на 1 версту средней линіи теченія приходится 2 версты дѣйствительнаго теченія. Эти излучины, по здѣшнему, кулиги, Югъ вырѣзываетъ не въ луговомъ наносѣ, а въ материкѣ; дуга онъ въ этихъ мѣстахъ не имѣетъ, и берега его обставлены угорьями, или крутыми, или медленно возвышающимися по мѣрѣ удаленія отъ берега. Изъ этого слѣдуетъ, что такое кривое теченіе рѣки находится въ связи съ гористымъ характеромъ Никольскаго уѣзда.

Югъ беретъ начало изъ Золотавинскаго болота; изъ Никольска жители ходятъ къ вершинамъ Юга ежегодно цѣлыми партіями за брусникой, эти партіи сначала ѣдутъ туда въ телѣгахъ по дорогѣ на Пермась, потомъ сворачиваютъ влѣво, переѣзжаютъ р. Андангу и останавливаются на р. Мѣшочной (или Мисошной), верстахъ въ 15 отъ верховины Юга. Здѣсь они устраиваютъ лагерь и далѣе расходятся цѣпкомъ. Лагерь этотъ бываетъ на Мѣшечной выше ея устья, потому что самое устье недоступно, и жители говорятъ: неизвѣстно, существуетъ ли оно,—такъ оно завалено „хламомъ“ т. е. валежникомъ; такія заваленныя хламомъ мѣста называются здѣсь „заломками“. Ниже лагера по р. Мѣшочной начинается хаотическое смѣшеніе растущихъ и поваленныхъ деревьевъ, мховъ и болотистой почвы. Какъ въ степяхъ рѣки теряются въ пескахъ, не достигая устья, такъ Мѣшечная теряется въ заломкахъ. Югъ, какъ мнѣ рассказывалъ одинъ изъ очевидцевъ, течетъ не изъ самаго болота; но, доходя до болота, еловый лѣсъ или, какъ здѣсь говорятъ, суземъ — слово, вполне соответствующее сибирскому; „тайга“ — вдругъ прекращается; далѣе слѣдуетъ покатость въ нѣсколько сотъ сажень, имѣющая паденіе къ лѣсу, съ твердой почвой, поросшей травой; когда поднимешься по этой покатости, увидишь передъ собой горизонтальное болото; оно заросло мелкой сосной и бѣлымъ (оленьимъ) мхомъ; есть на немъ клюква; окружность его будетъ около 8 верстъ. Если болото окружено со всѣхъ сторонъ такою же покатостью, обращенною прочь отъ озера, то, значить, оно лежитъ на вершинѣ конуса; у самой окраины сузема (т. е. при подошвѣ этого конуса) стоитъ старая береза около 1 ¹/₂ четверти въ поперечникѣ, изъ-подъ основанія которой

вытекаетъ родникъ — это и есть начало р. Юга. Югъ быстро разрастается; въ 10 верстахъ отсюда онъ уже шириною 10 сажень. Здѣсь онъ круто-берегъ, глубокъ и сильно „заломанъ“, т. е. заваленъ ломью; иногда поваленныя деревья образуютъ прочныя мосты черезъ рѣку. Но по большей части не слѣдуетъ довѣряться этимъ мостамъ: съ виду прочныя, они разрушаются въ черепки и пылъ подъ ногой человѣка. Въ этой части теченія, въ Югъ впадаютъ слѣва р. Пеженга, справа Мисошная, Плоская, Черная и Качугъ. Самая верхняя деревня по Югу — Высокая, выше ея нѣтъ селеній; выше лежитъ только Дунилова пустынь. Рубка лѣса обыкновенно производится на 5 верстѣ отъ деревни Высокой; но выше Высокой находится такой толстый лѣсъ, какого ниже уже не встрѣчается; рѣдко кто однако-жъ рубить его здѣсь, потому что въ 18 верстахъ отъ Высокой находится „ломъ“, который перегораживаетъ рѣку, и Югъ течетъ подъ ломомъ на протяженіи 25 сажень *).

Этотъ характеръ Югъ сохраняетъ до Куревина починка, до сихъ поръ онъ узкій и глубокий и течетъ тихо; отъ Куревина до Пермаса пойдутъ переборы. Въ этой верхней части Юга лежитъ группа селеній, извѣстныхъ подъ названіемъ „андангскихъ починковъ“; ихъ имена: Куревинъ починокъ, Завражье село, Старишна, Сорокина и Высокая; всѣ они лежатъ на р. Югѣ, а не на Андангѣ. Селенія эти основаны спутниками новгородскаго боярина Анфала, который бѣжалъ отъ народной ярости изъ Новгорода. Здѣсь же находится и Анфалова могила; не доѣзжая моста черезъ Андангу (близъ ея устья), отъ дороги отдѣляется тропа влѣво въ лѣсъ, которая и приводитъ къ Анфаловой могилѣ; тропа эта называется Бабьей; Анфалова могила имѣетъ видъ обширной ямы, усыпанной камнями, изъ которыхъ нѣкоторые такъ велики, что не подъ силу свезти на одной лошади. Мѣстные жители говорятъ, что тутъ жилъ Анфаль разбойникъ и тутъ умеръ **).

*) Ломъ этотъ засыпанъ землей только у берега и тутъ поверхъ него растутъ вишнякъ; въ серединѣ же рѣки онъ состоитъ изъ голыхъ, обнаженныхъ отъ коры деревьевъ, которыя въ межень лежатъ плотно одинъ на другомъ, но половодье поднимаетъ ихъ, и тогда ломъ представляетъ колыхающуюся подъ ногой поверхность.

**) «Во время разрыва съ Новгородомъ вел. кн. Василья Дмитріевича (1389—1425 г.) во главѣ новгородскихъ приверженцевъ князя стояло семейство бояръ Никитиныхъ. Но когда попытка великаго князя овладѣть Двинскою областю, принадлежавшею Новгороду, не осуществилась, то одинъ изъ нихъ, Анфаль, избѣгая мести согражданъ, перешелъ съ Ваги на Сухону и двинулся по ней къ Устюгу. Разбитый новгородцами у Медвѣжьей горы, онъ прошелъ черезъ Устюгъ и вверхъ по Югу направился къ Камѣ; по тамъ сошелся съ непріязненными Устюгу, который покровительствовалъ ему, Вятчанами, занявшими уже предварительно мѣста по рр. Вохмѣ, Вочу и Моломѣ, остановился при впаденіи въ Югъ р. Анданги, гдѣ и умеръ. Спутники Анфала пристроились при его могилѣ и положили начало нѣсколькимъ поселеніямъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «Андангскихъ починковъ», жители которыхъ считаютъ себя потомками Новгородцевъ, а многіе изъ нихъ даже носятъ фамиліи Новгородцевыхъ». Памяти. кн. Вологод-

Рыбой Югъ около г. Никольска очень бѣденъ; онъ богаче ею въ вершинахъ, гдѣ пещерообразныя норы между стволами деревь, лежащими на днѣ рѣки, благопріятствуютъ размноженію рыбъ. Здѣсь водятся щуки, язи и сиги; отъ Куревина до Пермаса, гдѣ много находится переборовъ, по переборамъ водятся хайрузы. Головель водится въ р. Шарженгѣ и въ Югу ниже г. Никольска, отъ д. Кудриной до д. Ворониной; лещи въ Югу ниже д. Подосиновца (въ 60 верстахъ отъ г. Никольска). Лохъ (*Salmo haimatus*, Cuv.?) кажется иногда встрѣчается въ Югу около Никольска заблудными экземплярами. Недавно поймали лоха 8 ф. вѣсомъ въ р. Рыстюгѣ, около дер. Нижній Рыстюгъ, слѣдовательно не далѣе 10 в. отъ города. Названіе р. Лохи приписываютъ тому, что будто въ ней попадаетъ лохъ.

На 3-й верстѣ отъ города мы прошли чрезъ деревню Аксентьеву. Деревня эта сгорѣла въ 1870 году и почти вся вновь выстроена; она состоитъ изъ прямой улицы, что здѣсь можно встрѣтить только въ деревняхъ когда-то погорѣвшихъ. Обыкновенно же деревенскія улицы здѣсь бываютъ кривыя, и направленіе ихъ едва замѣтно. Аксентьевскій пожаръ показываетъ между прочимъ, какъ тяжелы для крестьянъ лѣсные налоги. Деревня, состоявшая изъ 29 дворовъ, сгорѣла почти вся; пожаръ былъ осенью, когда начались уже холода; крестьяне должны были жить на улицѣ, пока не поставили для себя маленькихъ хлѣвушекъ, чтобъ какъ-нибудь перезимовать; хлѣбъ пекли поочередно въ тѣхъ четырехъ избахъ, которыя остались отъ пожара, хлѣбъ въ амбарахъ весь сгорѣлъ. Зимой крестьяне начали рубить лѣсъ для постройки своихъ избъ; никольскій лѣсничій объявилъ имъ, что онъ долженъ будетъ считать ихъ порубку самовольной и представить на нихъ со стороны казны искъ. Крестьяне возили лѣсъ, а объѣздчикъ записывалъ каждое бревно; такимъ образомъ на аксентьевцевъ, было насчитано лѣснымъ вѣдомствомъ 600 рублей; между тѣмъ начесть этотъ былъ сдѣланъ, когда аксентьевцы нарубили развѣ только половину того, сколько нужно для окончательной постройки деревни, а при томъ лѣсное вѣдомство облагало вырубленный лѣсъ только половиной пошлины. Во сколько же тысячъ рублей оцѣнится вся деревня, если принять въ расчетъ возку лѣса и постройку избъ и дворовъ. Кто бы могъ ожидать, чтобъ бѣдная деревня могла такъ дорого стоять; а между тѣмъ у насъ привыкли ни во что цѣнить крестьянскую избу, потому что она обстроивалась въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, и

ской губерніи 1861 г. Ст. «Колонизація русскими Вологодской губерніи», стр. 112. Кромѣ Анфаловой ямы, имя этого новгородца сохранилось еще въ двухъ названіяхъ въ Никольскомъ уѣздѣ; есть двѣ деревни, одна Анфалова, другая Анфаловъ Наволокъ, есть также Курдюмовъ наволокъ; названіе показываетъ, что Курдюмъ былъ также прокладыватель путей черезъ сузѣмъ.

возникла со всеми своими дворами и повѣтями незамѣтно для самихъ хозяевъ; не цѣня этотъ трудъ прошлыхъ поколѣній, мы часто дѣлаемъ насильственные переселенія. Начетъ лѣснаго вѣдомства напугалъ крестьянъ, и нѣкоторые изъ нихъ вовсе не возили лѣсу. Между тѣмъ аксентьевское общество подало прошеніе о прощеніи имъ насчитанныхъ на нихъ денегъ; авторъ прошенія взялъ съ нихъ 120 рублей, хотя въ сущности ему работы было не болѣе, какъ на 5 рублей. Исправникъ со своей стороны представилъ донесеніе о положеніи аксентьевцевъ, заслуживающемъ сожалѣнія; онъ представилъ и расчетъ, сколько еще нужно аксентьевцамъ дорубить лѣсу. Прошеніе подействовало, штрафныя деньги были сложены, и кромѣ того аксентьевцамъ было разрѣшено дорубить то количество лѣсу, какое назначено исправникомъ. Казна великодушно отказалась отъ 600 рублей, а какой-то сочинитель вмѣсто нея положилъ себѣ въ карманъ 120 рублей. Этимъ не кончилось; оказалось, что тѣ, которые самовольно рубили до разрѣшенія и не послушались лѣсничаго, оказались съ лѣсомъ, тѣже которые послушались лѣсничаго и воздержались отъ порубки, остались безъ лѣсу; первые вырубили еще до разрѣшенія больше, чѣмъ нужно было по расчету исправника, и выстроили себѣ избы и дворы; когда вышло разрѣшеніе отпустить аксентьевцамъ безплатно опредѣленное исправникомъ количество лѣсу, по расчету лѣснаго вѣдомства имъ ужъ не приходилось ничего додавать противъ исправнической смѣты. Что было дѣлать тѣмъ, которые остались безъ лѣсу—а это были конечно бѣднѣйшіе, потому что бѣдные и потому не возили ранѣе лѣсъ, что не имѣли къ тому средствъ, и потому, что боялись, чтобъ взысканіе штрафа не раззорило бы ихъ окончательно. Потребовать лѣсъ отъ богатыхъ, значило бы потребовать, чтобы они разрушили часть своихъ построекъ. Какъ кончилось это дѣло, мнѣ неизвѣстно.

Въ 8 верстахъ отъ Никольска мы прошли деревню Рыстѣгъ; это послѣдняя деревня къ волоку; за ней начинается волокъ, т. е. лѣсъ; такіе волока находятся между каждыми двумя рѣками; колонизація здѣсь распредѣляется только по рѣкамъ; гдѣ рѣка, тамъ по обѣ стороны ея на „угорьяхъ“ т. е. на выступающихъ вдоль рѣки возвышенностяхъ расчищены поля и расположены деревеньки. Рѣдкія деревни находятся на низменностяхъ, возлѣ самой рѣки. Между такими колонизаціонно рѣчными системами остается хоть какой-нибудь лѣсъ, который и называется волокомъ; къ срединѣ волока лѣсъ всегда гуще, къ полямъ рѣже; чѣмъ длиннѣе волокъ, тѣмъ лѣсъ выше и дремучѣе, чѣмъ короче, тѣмъ меньше ростомъ и густотой. Въ самыхъ длинныхъ волокахъ на срединѣ встрѣчаются даже моховыя болота, на которыхъ растутъ низкая сосна, бѣлый мохъ и кляква. Волокъ, въ который мы входили, отдѣляетъ полосу полей р. Юга отъ полосы полей

р. Кипшенги; подъ словомъ, поле, здѣсь разумѣются только тѣ площади, которыя распаханы земледѣльцами, т. е. нивы; въ этомъ исключительномъ смыслѣ и я воздѣ буду употреблять его въ своемъ дневникѣ. Полей, которыя бы не были нивами, здѣсь нѣтъ. Мы пересѣкли южную полосу полей (собственно только лѣвую половину полосы) поперекъ отъ Никольска до Рыстюга—здѣсь она имѣетъ 8 верстъ ширины.

Крестьяне деревень, лежащихъ вокругъ Никольска, по Югу и рѣчкамъ, въ него текущимъ, кромѣ обыкновенныхъ сельскихъ работъ, въ зимнее время занимаются постройкой барокъ на берегу Юга. Барки здѣсь строятся для сплава въ Архангельскъ хлѣба и льну; прежде шли черезъ Никольскую пристань рогожи, льняное-сѣмя и пшеница; нынѣ этого товара отсюда не отпускается; барки строятся на берегу Юга подлѣ города и выше его верстахъ въ двухъ; даже иногда строятъ въ Пермасѣ; ежегодно строится не болѣе пятидесяти барокъ; въ 1872 г. было выстроено 36. Барки принадлежали купцамъ: Спирину, Яранцеву, Грибанову, Карпову, Казакову и Ногину.

Хлѣбъ сюда идетъ преимущественно изъ Яранскаго и Котельничскаго уѣздовъ Вятской губерніи; его везутъ гужомъ въ село Вознесенское на р. Вохмѣ; подвозъ его начинается съ того времени, какъ дорога установится и продолжается до распутицы; приказчики хлѣбныхъ торговцевъ живутъ въ этомъ селѣ и скупаютъ хлѣбъ на воскресныхъ базарахъ; въ зиму 1870—1871 покупали хлѣбъ 60 в., въ зиму 1871—1872—50 в. с. пудъ. Купивъ хлѣбъ, приказчики тотчасъ же отправляютъ его въ Никольскъ. Возятъ гужомъ крестьяне изъ-подъ Никольска—они ѣдутъ въ село Вознесенье, раскидывая по дорогѣ сѣно и овесъ и, пріѣхавъ въ Вознесенье съ пустыми телѣгами, накладываютъ въ нихъ хлѣбъ и на обратномъ пути скармливаютъ лошадямъ распределенное по дорогѣ сѣно и овесъ.

Никольская пристань вызываетъ организацію трехъ сортовъ артелей: 1) артелей барочниковъ, 2) артелей двинскихъ пильщиковъ и 3) артелей сплавныхъ.

1) Барочники составляютъ артели по 8, 10 челов. Онѣ состоятъ изъ крестьянъ ближайшихъ къ городу деревень, изъ которыхъ нѣкоторыя въ 20 верст. отъ города; деревни эти именно: Аксентьева, Рыстюгъ, Коныгина, Животова, Мокрецова, Селиванова, Абатурова, Кумбисеръ, Петряева, Большой Дворъ, Старыгина, Захарова, Кудрина (въ 25 верст. отъ г. Никольска внизъ по Югу), Ирдонова, Байдарово, Солотнова, Разсохина, Носкова, Кяинкина гора (Высокая гора тожь), Коурцева и друг. Артели состоятъ изъ разнодеревенцевъ, такъ что однодеревенцы раскиданы по разнымъ артелямъ; даже родные братья попадаютъ въ разные артели; одинъ изъ артельщиковъ

называется подрядчикомъ или плотникомъ; онъ ведетъ счеты съ купцомъ, хозяиномъ барки и распоряжается работой. Барочники заподряжаются осенью, при сдачѣ податей за вторую половину года; безденежье заставляетъ ихъ браться за такую дешевую цѣну, что изъ платы, которую они получаютъ, имъ не остается почти никакого барыша. Еще весной, по спускѣ барокъ и отплытіи ихъ, подрядчику или плотнику хлѣботорговцы выдаютъ впередъ 7 рублей „кокорныхъ“; осенью, передъ сдачей податей, онъ получаетъ задатокъ по 10 р. на человѣка, 80 рублей на всю барку, и, ссужая этими деньгами крестьянъ, организуетъ изъ нихъ около себя будущую артель. Слѣдовательно, большее или меньшее экономическое порабощеніе артельщиковъ находится въ зависимости отъ тяжести податей—чѣмъ онѣ строже взыскиваются, тѣмъ больше необходимости для крестьянъ искать помощи у капиталиста. За постройку барки изъ хозяйскаго лѣса берутъ 130, 125 и 120 рублей, кромѣ того 1¹/₂ пуда трески и 1 пудъ соли. За постройку сырой барки, т. е. изъ своего лѣса,—230—240 р. с. Топоры барочники имѣютъ свои, напарья и веревки хозяйскія. При рядѣ выговариваютъ „пріятныхъ“ денегъ 3 рубля, а если не выговариваютъ денегъ, то просятъ во время постройки денегъ на водку; сложивъ 6 клѣтокъ или „городковъ“, на которыхъ будетъ въ послѣдствіи покоиться барка, и положивъ на нихъ кобылины, идутъ къ хозяину просить: „давай, хозяинъ водки, кобылину примораживать“, сплотивъ днище, передъ тѣмъ, какъ начать огибать, просятъ „окружное“, „зазѣмъ размочить“—иначе ломается; передъ постановкой карги на кормѣ „карговое“ и т. п. При выговорѣ 3 рублей „пріятныхъ“ все таки выговариваютъ ведро, рѣдко два „при рядѣ“, т. е. когда дается задатокъ, и это ведро выпивается барочниками съ ихъ бабами и родными, которые тогда приходятъ въ городъ. Рабочая плата получается барочниками по частямъ три раза: 1) осенью—задатокъ; 2) потомъ получаютъ часть въ Благовѣщенье, которое здѣсь называется „бабынымъ праздникомъ“; въ этотъ - то день бабы приходятъ въ городъ, и барочники, мужья ихніе, обязаны поить ихъ водкой; прежде, говорятъ, этотъ день не проходилъ безъ того, чтобъ какая-нибудь баба не сгорѣла съ вина *); 3) въ послѣдній разъ барочники получаютъ спускное при спускѣ барки. При спускѣ барки хозяинъ еще покупаетъ четверть или штофъ водки; подрядчикъ получаетъ за спускъ 10 рублей „попечительныхъ“; тѣ трое, которые послѣдніе подрубаютъ колья подъ баркой во время спуска, получаютъ по 25 или 50 коп. „подломныхъ“. Въ баркѣ считается 4 пая,

*) Говорятъ, что по степени угощенія въ этотъ день бабы судятъ о любви мужа; поэтому мужъ, желающій показать женѣ свою нелюбовь, нарочно оставляетъ свою жену безъ угощенія въ этотъ день; напротивъ любящій мужъ старается какъ можно болѣе напоить свою жену.

по 2 человѣка въ паю: иногда работаютъ двое поочередно, одну недѣлю одинъ, другую другой; тогда при дѣлежѣ каждый изъ нихъ получаетъ по $\frac{1}{4}$ пая.

Артель нанимаетъ въ городѣ квартиру, т. е. помѣщается въ одной избѣ съ хозяиномъ-мѣщаниномъ, платятъ за это 7 рублей; при этомъ покупаютъ чугуны и чашки, такъ что за квартиру, чашки и чугуны вмѣстѣ сходятъ съ человѣка по 1 р. с. По окончаніи работъ, чугуны и чашки снова продаютъ. Харчъ, кромѣ трески и соли, свой; хлѣбъ, крупу, гороховую муку, галанку (т. е. брюкву) и лукъ приносятъ въ понедѣльники изъ дому (каждую субботу всѣ барочники расходятся по деревнямъ и возвращаются только въ понедѣльникъ утромъ). Постное масло, и если отъ хозяина не выговорено, то рыбу и соль покупаютъ на рынкѣ. Иногда становятся по двѣ артели въ одну избу, такъ что въ избѣ длиной 6 аршинъ помѣщается около 25 взрослыхъ человѣкъ.

Тѣ, которые взялись строить сыру барку, должны сами вырубить и вывозить лѣсъ изъ сузѣма въ городъ на берегъ р. Юга. Возка лѣса начинается съ Рождества, постройка барокъ около масляницы, а около Пасхи постройка кончается.

Берутся за постройку барокъ большею частью люди побѣднѣе или больше-семейные, у которыхъ найдется праздный членъ въ семействѣ. Болѣе состоятельные этимъ не занимаются, но нанимаются у барочниковъ возить лѣсъ изъ сузѣма на Югъ. Другой барочникъ не имѣетъ лошадей, чтобъ вывезти весь лѣсъ на берегъ (и такихъ много), и потому нанимаетъ богатаго коннаго крестьянина вывезти часть, а иногда и весь лѣсъ. По цѣнамъ, которыя барочники платятъ коннымъ мужикамъ, можно составить приблизительный расчетъ стоимости вывозки лѣса на цѣлую барку. Вотъ онъ:

12—14 бревенъ на днище по 1 р. 40 к. одно . . .	16 р. 80 к.
28 паровыхъ (т. е. такихъ, подъ которыми необходимо запрячь пару лошадей) конца зазѣму по	
1 р. 60 к.	46 „ 80 „
6 оздъ *) по 1 р. 40 к. каждая	8 „ 40 „
2 стрѣлы по 40 к. каждая	— „ 80 „
8 ухватовъ по 30 к. каждый	2 „ 40 „
48—50 вокоръ по 35 каждая	16 „ 80 „
2 карги и 2 подушки паровыя по 1 р. 60 к.	
каждая	3 „ 20 „

*) Оздъ—«одна изъ поперечныхъ связей, балоковъ на баркѣ или рѣчномъ суднѣ, отъ борта къ борту; на оздѣ посажена потясъ» (вол.—К а с п. средняя связь на лодкѣ, родъ лавки (банки) съ дырой по срединѣ для мачты. (Слов. Даля).

48 коротышей по 25 коп.	12 р. — к.
48 рѣшетинъ по 10 к.	4 „ 80 „
отъ 22 до 24 порубней по 60 к.	13 „ 20 „
3 поносныхъ, по 5 лошадей подъ каждую, по 3 р. 50 к.	
за каждую *)	10 „ 50 „
колья, жердя, городиннику, по 5 воевъ на человѣка,	
по 30 к. возъ.	2 „ 40 „
2 трубицы по 20 к.	— „ 40 „

Всего . . . 138 р. 50 к.

Прибавивъ къ этому 7 рублей за квартиру, да 2 руб. на масло (10 фунт.), 80 к. пудъ соли, 4 р. 80 к. на 1¹/₂ п. трески и 4 р. на 2 п. говядины, стоимость всѣхъ издержекъ артели, не считая собственныхъ трудовъ, будетъ 157 р. 10 к. Такимъ образомъ, принимая высшую цѣну получаемую барочниками за постройку, 240 р., останется изъ рабочей платы для дѣлежа всего 82 р. 90 к.; раздѣливъ этотъ остатокъ на 8 полупаевъ, получимъ 10 р. 36 к. на каждый полупай или на каждого человѣка. Такъ какъ барка строится въ теченіе не менѣе 60 дней, получимъ рабочую плату за каждый день въ 17 только копеекъ. Если принять въ расчетъ, что барочники при этомъ харчуются на-половину на свой счетъ, т. е. изъ дому носятъ хлѣбъ, крупу и проч., изъ этихъ 17 к. еще нужно сдѣлать вычетъ, такъ что въ дѣйствительности рабочій день барочника оплачивается не болѣе, какъ 10 копѣйками. Мой расчетъ еще умѣренный. Сами барочники оцѣниваютъ круглымъ числомъ полупай вывозки въ 24 руб., слѣдовательно вывозку цѣлой барки въ 192 рубля. Слѣдов., прибавивъ расходы на квартиру и харчъ, придется на человѣка не болѣе, какъ по 3 р. 60 к., т. е. рабочій день оплатится 6-ю коп.; оцѣнивъ количество хлѣба, крупы и пр., потребляемыхъ крестьяниномъ въ день, въ 6 коп., окажется, что онъ строить барку бесплатно. Разумѣется этотъ печальный результатъ не замѣтенъ на практикѣ, потому что не всегда случается, чтобъ полупай весь лѣсъ нанмалъ вывозить—или часть онъ вывезетъ самъ, или часть лѣсу уже вывезена самимъ судохозяиномъ; въ этомъ случаѣ крестьянинъ все-таки получаетъ на руки деньги; деньги эти однакожъ далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительной стоимости его труда, такъ что барочникъ болѣе бы выгадалъ, если бъ продалъ овесъ, который онъ долженъ теперь употребить на кормъ лошадей. Но если выдается такой случай, что барочникъ принужденъ весь лѣсъ нанять вывезти другого человѣка, такіе всегда не только ничего не

*) Платять и по 16 рублей за три поносныхъ.

получаютъ на руки, но еще рубля 2, 3 остаются въ долгу у подрядчика. Только необходимость имѣть деньги ко дню Кузьмы и Демьяна для уплаты податей, совершенное отсутствіе другихъ зимнихъ занятій, расчетъ, чтобъ лошадямъ дать зимой какую-нибудь работу и наконецъ желаніе полакомиться болѣе вкусной пищей съ треской и постнымъ масломъ, и изрѣдка имѣть водку, принуждаютъ крестьянина браться за постройку барки. Самая постройка не тяжела, говорятъ крестьяне, но возка лѣса изъ сузѣма мучительна. „Работа труженная тогда, говорятъ они, въ поту каждый день по самую рубашечную завязку! Кабы не были пьяницы, Христу были бы помощники“!

Спускъ барки событіе въ жизни артели, а спускъ барокъ вообще событіе и для цѣлаго города. На берегу тогда сбѣгается смотрѣть многочисленная публика. Барка обыкновенно стоитъ на 6 „городкахъ“ или клѣткахъ; городокъ состоитъ изъ коротенькихъ бревнышекъ, сложенныхъ какъ въ основаніяхъ вѣтряныхъ мельницъ; кромѣ того днище барки подпираютъ до полу-сотни кольевъ въ руку толщиной. Городки расположены въ два ряда, параллельныхъ берегу; одинъ рядъ городковъ съ городской стороны продольной оси барки, другой съ рѣчной (барка стоитъ вдоль берега, и спускается въ воду бокомъ). При спускѣ три городка, подпирающіе барку съ рѣчной стороны, разбираются; отъ днища къ водѣ кладутся „поскользни“, посыпанные снѣгомъ, „саломъ“. Когда подъ барку подведены рычаги, и она опоясана веревкой, начинается религіозная церемонія. Судохозяинъ угощаетъ артель водкой; потомъ, какъ барочники, такъ и 60 человѣкъ уже нанятыхъ бурлаковъ, которые составятъ впослѣдствіи экипажъ спускаемой барки, садятся на землю; проходитъ нѣсколько минутъ въ молчанія, какъ это бываетъ на проводинахъ, затѣмъ встаютъ, снимаютъ всѣ шапки и молятся; и артель барочниковъ съ топорами за поясами уходитъ подъ барку; два или три изъ нихъ въ однѣхъ только рубахахъ и штанахъ; артельщики начинаютъ рубить колья изъ подъ барки; быстро лѣсъ кольевъ рѣдѣетъ; „плотникъ“ указываетъ своимъ товарищамъ, гдѣ рубить и вообще распоряжается, чтобъ лѣсъ рѣдѣлъ равномерно; наконецъ удары топоровъ становятся рѣже, кольевъ уже осталось мало, и барочники, которые помоложе, выбѣжали изъ подъ барки; осталось только трое и кольевъ осталось также только три—на этихъ трехъ кольяхъ опирается цѣлая половина барки; публика притихаетъ; это минута самаго возбужденнаго театральнаго любопытства толпы; здѣсь жизнь цѣлой артели зависитъ отъ неправильнаго удара товарища; необходимы дружная работа и сознаніе, что отъ тебя зависитъ судьба нѣсколькихъ товарищей; такимъ образомъ вырабатывается чувство долга и братства.

Вылетаютъ изъ подъ барки и послѣдніе три кола; раздается трескъ.

барка сваливается на бокъ, закрываетъ плотника и его товарищей и катится въ воду, а три фигуры въ рубахахъ бѣгутъ изъ подъ нея въ противоположную сторону. Плотникъ—герой этого дня. Зрѣлище это замѣняетъ здѣсь театръ, замѣной котораго служатъ еще конфирмаціи преступниковъ и эшафотъ, похороны съ плакальщицами, свадьбы и сдача въ рекруты. Предоставляю читателю самому обсудить, слѣдуетъ ли эти народныя средства къ удовлетворенію сценической потребности оставлять на этой зародышной степени ихъ развитія, гдѣ вмѣсто иллюзіи служить дѣйствительная драма.

Прежде, говорятъ, еще было опаснѣе спускать барки—не выработана была послѣдовательность, въ которой слѣдуетъ ронять волю; тогда у послѣднихъ подстановокъ рыли ямы, чтобъ можно было лечь въ нее при спускѣ; передъ спускомъ служили молебень и плотникъ причащался св. тайнъ *); онъ былъ одѣтъ только въ рубаху и штаны; лапти, поясъ и даже крестъ снимали при этомъ, чтобъ не было на тѣлѣ ничего, за что бы могло зацѣпить днищемъ и увлечь плотника въ воду. Искусство спусканія усовершенствовано самими барочниками; эмпирически дощупались они до центра тяжести барки и выслѣдили эту линію, по которой слѣдуетъ его перевести отъ центра барки до послѣдняго кола. Передовой пристанью въ искусствѣ баркостроенія въ южной системѣ служитъ Нотульская, на р. Лузѣ. Здѣшнія и Нотульскія барки сидятъ въ водѣ по 8 и 9 четвертей, а барки, которыя строятся въ Лямскомъ на Лузѣ по 12 четвертей. Никольскія барки въ Архангельскѣ продаются за 30 рублей.

2) Двинскія артели пильщиковъ. Пилка лѣса для барокъ производится особыми артелями, которыя приходятъ въ Никольскъ съ Двины; пильщики нанимаются по двѣ пары на барку; рабочая плата—30 коп. за „рѣзъ“, такъ что одно зазѣмное дерево, требующее 5 рѣзовъ, даетъ имъ 1 р. 50 к. с. Пильщики зарабатываютъ въ день отъ 1 р. до 1 р. 20 к. Они должны имѣть свои пилы и весь свой харчъ.

3) Сплавные, т. е. бурлаки, которыхъ иронически зовутъ по Двинѣ оравушкой. Они раздѣляются на коренныхъ и присѣду. Проходные это тѣ, которые пойдутъ на баркѣ отъ Никольска вплоть до Архангельска;

*) Старики впрочемъ не помнятъ, когда это было, и можетъ быть это не болѣе, какъ одно изъ тѣхъ преданій, которыя встрѣчаются въ народѣ о необходимости человѣческой жертвы въ предпріятіяхъ, въ которыхъ человѣкъ долженъ вести борьбу съ какой-нибудь стихіей, въ особенности съ водой. Около Вологды я слышалъ преданіе, будто при постройкѣ канала, соединяющаго Кубену съ Шексной, купецъ подричникъ долго не могъ справиться съ стихіей; наконецъ строитель узналъ, что стихія требуетъ въ жертву двухъ человѣкъ; онъ подыскалъ двухъ такихъ «безчастныхъ» людей, которые согласились, впередъ поныанствовать и погулявъ на счетъ кушца, утонуть въ водѣ. Послѣ этого каналъ былъ конченъ.

присада нанимается только до Устюга, потому что сплавъ до этого города опасенъ по мелководью и излучистому теченію р. Юга.

Коренные или проходные организуются десятками въ своихъ деревняхъ; родные братья встрѣчаются въ разныхъ артеляхъ, такъ что попадають не только на разные барки, но даже и къ разнымъ купцамъ; большинство проходныхъ съ Двины, начиная отъ Устюга, приходятъ сюда артели даже изъ Тулгаса и Николы Шилинскаго (послѣдній 100 в. ниже Нижней Тоймы, 400 вер. отъ Устюга). Они идутъ до Никольска пѣшкомъ, питаются однимъ хлѣбомъ и дѣлая утомительные переходы; оба эти условія вызываютъ между ними куриную слѣпоту, которой они часто страдаютъ въ это время, тогда какъ эта болѣзнь на мѣстныхъ жителей не распространяется. Они получаютъ по 16 рубл. сер. каждый сплавной; это впрочемъ лоньшаки, т. е. такіе, которые ходили на баркахъ того же купца въ прошлый разъ. Не лоньшаки получаютъ по 10 рубл. и даже по 8. Кромѣ того хозяинъ даетъ на каждого человѣка по 2 пуда муки на всю путину; изъ нихъ артель 15 пудовъ перепекаетъ на хлѣбъ, а пудовъ 5 продаетъ дорогой мукой. На барку ставится до Устюга 60 человѣкъ (коренные и присада), а ниже 35, 40 чел. (одни коренные); десятки на баркѣ не соединяются въ одну общую артель—каждый десятокъ ведетъ свое хозяйство отдѣльно. Котель даетъ хозяинъ свой до Устюга, а въ этомъ городѣ артель должна купить другой; очагъ дѣлается общій на палубѣ; это деревянный ящикъ, на днѣ котораго насыпанъ толстый слой земли; внутрь ящика могутъ войти до 6 человѣкъ для куренія табаку; передъ Архангельскомъ очагъ сбрасывается съ барки въ воду.

Присада садится на барки безъ рады. Они не составляютъ артелей; въ Устюгѣ купецъ расплачивается съ присадой по произволу, самъ оцѣнивая заслугу каждого, кому дастъ больше, кому меньше. Платятъ большею частью по 5 и 6 рублей, иногда и по 10 рубл., а одинъ никольскій купецъ даже по 1 р. 50 к. и никогда больше 3 рублей, кромѣ того они получаютъ хлѣбъ и соль отъ хозяина и тоже безъ положенія, сколько отпустить; поэтому они стараются украсть, возьмутъ на день да опять снова идутъ получать, будто не брали. Присада это ближайшіе къ городу крестьяне, народъ большею частью бѣдный, многіе изъ нихъ идутъ только изъ за того, чтобъ хлѣбъ получать. Для квартиры они большею частью нанимаютъ у мѣщанъ бани, когда какъ коренные помѣщаются въ избахъ. Отъ хозяевъ присада не требуютъ никакой посуды, потому что ѣдятъ за все время сплава только воду съ хлѣбомъ и потому платятъ только за квартиру по 1 и 1½ к. съ человѣка за ночь, тогда какъ коренные платятъ по 35 коп. съ человѣка „до отстоя“, т. е. за все время сколько простоятъ—три дня или цѣлую

недѣлю. Считаая по 30 чел. присады на 40 барокъ, всего собирается сюда этихъ бѣдныхъ людей 1200 человекъ.

Кромѣ присады на барки садятся въ Никольскѣ двинскіе нищіе, которые въ половинѣ зимы проходятъ мимо на Вахму и въ Вятскую губернію, а весной сходятся къ Никольской пристани. Въ Устюгѣ барки ссаживаютъ присаду, вдоль Двины оставляютъ нищихъ, но за то за 300 верстъ отъ Архангельска на барки начинаютъ садиться женщины, которыя занимаются въ Архангельскѣ сортировкой льна. У купца Грибанова работаетъ такихъ женщинъ до 300. Онѣ садятся на барки по 2, по 3 вмѣстѣ; на дорогу онѣ берутъ съ собой изъ дому только сухари и развѣ еще крупу. Платы за славъ съ нихъ не берутъ, а только иногда заставляютъ „за поносную подергать“. Въ Архангельскѣ артели коренныхъ распадаются, и члены ихъ или возвращаются домой или нанимаются въ Архангельскѣ для работъ по приготовленію льна къ заграничной отправкѣ. Хотя положеніе коренныхъ гораздо лучше, чѣмъ присады, но и на нихъ двинское населеніе смотритъ, какъ на людей будто низшаго класса и встрѣчаетъ ихъ насмѣшливой кличкой: оравушка! Это не столько вѣроятно происходитъ отъ грубости ихъ труда, сколько изъ того униженнаго, подкабальнаго отношенія коренныхъ къ барочнымъ прикащикамъ. Нынче эти отношенія смягчались, побои бывають рѣже, но и теперь еще прикащикъ держитъ палку въ рукѣ, какъ эмблему своей власти. „Форсу надъ нами имѣють“, говорили мнѣ коренные. Сколько я замѣтилъ, они очень тяготятся своимъ положеніемъ, въ которомъ они можетъ быть иногда принуждены исполнять совсѣмъ безцѣльные капризы прикащика, который хочетъ только покомандовать.

Недоходя до деревни Варыпаевой, мы вышли изъ волока, и передъ нами снова показались поля, засѣянные хлѣбомъ; у деревни Мякишевой мы достигли р. Кишненьги, по угорьямъ которой разсѣяно много деревень. Кишненьга беретъ начало изъ Сокольскаго болота и впадаетъ въ Югъ. Сокольское болото лежитъ на В. отъ г. Никольска; изъ него течетъ нѣсколько рѣкъ: Кудонга и Кишненьга въ Югъ и Пыстюгъ, Мичугъ и Лундонга въ рѣки, текуція въ Волгу. Оно отдѣляетъ населенную площадь р. Юга отъ населенной площади р. Кемы. Сокольское болото верстъ 20 длиной; лѣтомъ оно въ средней своей части не проходимо. Въ южной его части водятся лоси и сѣверные олени (*Cervus tarandus*, L.). Одинъ крестьянинъ изъ деревни Кумбисеръ, которая лежитъ близъ р. Лохи, назвалъ мнѣ болото, изъ котораго вытекаетъ Югъ, также Сокольскимъ; и когда я замѣтилъ ему, что Сокольское болото лежитъ въ вершинахъ Кишненьги, онъ отвѣчалъ мнѣ, что это все одно болото, что оно обошло Никольскъ съ юга, вышло къ вершинамъ Лохи и отсюда протянулось за Сысолоу, къ Сибири. Въ самомъ

дѣлъ сузѣмъ около Никольска образуетъ дугу, выгибъ которой обращенъ на ю. къ Волгѣ, а концы на с. къ Двинѣ; западный конецъ находится въ вершинахъ Кемы и Анданги, восточный въ вершинахъ Юга и Вохмы. Этотъ Никольскій сузѣмъ покрываетъ собой ту часть алауно-уральской гряды, которая проходитъ черезъ Никольское лѣсничество; направленіе сузѣма на картѣ соотвѣтствуетъ, я думаю, направленію гряды.

Изъ сузѣма, т. е. съ гребня этой гряды текутъ рѣки однѣ въ Волгу, другія въ Бѣлое море. По срединѣ сузѣма если не тянется сплошное болото, то по крайней мѣрѣ рядъ болотъ, изъ которыхъ Сокольское самое большое. Болота эти моховыя; на нихъ растутъ низкая сосна и бѣлый мохъ. Если принять, что они расположены по гребню алауно-уральской гряды, то характеръ ея въ этой части будетъ напоминать Становой и Яблонный хребты Сибири, бока которыхъ поросли еловымъ лѣсомъ, а гребни покрыты болотами. Главная порода, которая составляетъ сузѣмъ—ель; въ восточной части Никольскаго лѣсничества, особенно по р. Моломѣ, умножается количество пихты, но въ западной части, по рр. Лундонгѣ и Кемѣ ея мало.

Лиственница встрѣчается только въ Козловской казенной дачѣ, между рр. Югомъ и Западной Андангой, гдѣ ея найдено два насажденія. Къ востоку отъ этого мѣста встрѣчаются лиственницы отдѣльными экземплярами внутри деревень; такъ наприм. одинокая лиственница есть въ деревнѣ Бродовицы, къ ю. отъ Пермаса; другая такая же одинокая въ какой-то деревнѣ, къ в. отъ Павиной: третья въ дер. Афонинѣ, на р. Калюгѣ; крестьяне думаютъ, что онѣ саженыя, но не помнятъ, кто сажилъ.

Сузѣмъ, т. е. еловые лѣса, покрываетъ обѣ покатости алауно-уральской гряды; почва въ самомъ сузѣмѣ также болотиста, или лучше грязна; болота въ еловыхъ лѣсахъ наши лѣсничіе называютъ въ отличіе отъ моховыхъ, находящихся въ центрѣ сузѣма, травяными. Характеръ этихъ болотъ различенъ; на травяномъ болотѣ нога путника вязнетъ въ грязь, но на глупинѣ не болѣе четверти находитъ хотя и скользкій, но твердый грунтъ; путникъ не чувствуетъ опасности, но за то переходъ черезъ такое болото утомителенъ и непріятенъ—обувь марается въ грязи, ноги устаютъ, и идти приходится подъ темнымъ сводомъ елей. Напротивъ по моховому болоту идти весело, оно открыто, грязи нѣтъ, но за то почва зыблется подъ ногами, и путникъ иногда боится погибнуть.

Скатъ алауно-уральской гряды кажется круче къ сѣверу, чѣмъ къ югу; рѣки текущія въ Югъ, короче тѣхъ, которыя текутъ въ Ветлугу и Уньжу. По рассказамъ крестьянъ и теченіе рѣкъ, впадающихъ въ эти послѣднія, тише, чѣмъ теченіе Юга. Барки отъ Никольска до Устюга, т. е. разстояніе

въ 400 верстѣ, проходить въ 5 сутокъ съ остановками въ ночное время; съ какой быстротой плывутъ плоты по Вохмѣ и Ветлугѣ, мнѣ неизвѣстно *). Мѣста по Вохмѣ и Вачѣ ровныя; такихъ угодій, какъ по Югу и его притокамъ, тамъ нѣтъ.

Можетъ быть сузѣмъ прежде до колонизаціи былъ гораздо шире; всѣ нынѣшніе волока и волочки между порѣчьями и теперь еще по большей части въ связи съ сузѣмомъ; небольшія же трехверстные моховыя болота на волокахъ можетъ быть только отрывки Сокольскаго болота, которое нѣкогда раскидывало узкія рѣкоподобныя вѣтви по всѣмъ водораздѣламъ этого края. Что было здѣсь прежде, можетъ быть можно догадываться по картинѣ, какую представляетъ одна изъ мѣстностей Сибири, такъ называемая Васюганская тундра. Между Обью и Иртышемъ по самой срединѣ этого междурѣчья тянется узкое болото, около 50 верстѣ шириной и до 500 в. длиной подъ туземнымъ названіемъ улу-сазъ, что по татарски значитъ большое болото. Отъ этого матерга или общаго саза во всѣ стороны идутъ второстепенные сазы, занимающіе водораздѣлы притоковъ Иртыша и Оби, какъ напр. Уя, Туя, Югана и другихъ. Эти опять вѣтвятся въ свою очередь соотвѣтственно гидрографической сѣти страны. Кто захочетъ пересѣчь какую-нибудь гриву между двумя рѣчками, онъ встрѣтитъ такую послѣдовательность на своемъ пути: твердый рѣчной берегъ, заросшій хвойнымъ лѣсомъ, хвойный лѣсъ, который все болѣе и болѣе становится болотистымъ, рямя, то есть болото съ кривой сосной, чистое отъ сосны моховое болото, снова рямя, хвойный лѣсъ, рѣчка. На большихъ болотахъ рямы растутъ только по краямъ ихъ, середина болота безлѣсна; мелкія болота заросли сплошь рямомъ. Поверхность болотъ покрыта кочками, состоящими изъ мха и вѣтокъ; кочки эти назыв. томарами. Мнѣ передавали извѣстіе о замѣчательномъ явленіи, не знаю на сколько справедливое,—будто на улу-сазѣ встрѣчаются песчаныя косы, на нѣкоторыхъ растутъ борки высокихъ сосенъ. Для изучающаго связь между гидрографіей, метеорологіей и характеромъ растительнаго покрова или другими словами причины заболачиванія и оstepнѣнія почвы эта Васюганская тундра имѣетъ типическое значеніе. Если мы представимъ себѣ, что Никольскій сузѣмъ все болѣе и болѣе будетъ заболачиваться, сузѣмъ покроетъ опять засѣянныя выи хлѣбомъ поля, рѣки опять будутъ течь въ узкихъ лѣсныхъ корридорахъ, сильно заломанныя; моховыя болота разростутся на счетъ сузѣма и сольются въ общую систему; въ нашемъ воображеніи предстанетъ картина, похожая на Васюганскую тундру.

Никольскій сузѣмъ разбиваетъ Никольское лѣсничество на три населен-

*) Одинъ крестьянинъ сообщилъ мнѣ, что по Ветлугѣ плоты дѣлаютъ 100 верстѣ въ день, а по Вохмѣ отъ р. Разбойницы до Спаса въ день только 20 верстѣ.

ныя области: 1) Вохма, восточная часть, 2) Югъ и Шарженьга—центръ и сѣверозападъ лѣсничества и 3) Кема—юго-западная часть. Нѣсколько волоковъ пересѣкаютъ сузѣмъ и ведутъ съ сѣверной его стороны на южную; только одинъ изъ нихъ населенъ—съ Юга на Вочь; на этомъ волоку находятся деревни: Пермась, Бродовица, Березовка, Исакова, Куневинъ починокъ и Анданга. Другіе волока не населены и приходится ѣхать, не встрѣчая деревень по 20, 30 и болѣе верстъ; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ черезъ сузѣмъ ведутъ только тропы для пѣшеходовъ. Вотъ перечень важнѣйшихъ волоковъ.

1) Изъ деревни Ивантеца, тожъ Вутова-Курья или Гари (Байдаровск. вол.) на р. Кипшенгѣ въ дер. Демино (Кемск. вол.) на р. Кемѣ—31 верста.

2) Изъ дер. Карныша (Родюкинск. вол.) на р. Кипшенгѣ въ ту же деревню Демино—31 или 32 версты. На 7—8 верстѣ отъ означенныхъ выше деревень оба эти волока сходятся въ одинъ.

3) Изъ дер. Карныша (Родюк. вол.) въ дер. Каино—30¹/₂ вер. Прежде была тропа, нынѣ же земствомъ проложена проселочная дорога съ обывательскими станціями въ деревняхъ Карнышѣ и Каинѣ.

4) Изъ дер. Карныша тропа на дерев. Баданку—около 30 вер. Ходятъ по этой тропѣ только зимою на лыжахъ—лѣтомъ она не проходима. Баданка лежитъ на р. Лундонгѣ; рѣка эта отъ верхотины до устья течетъ въ лѣсу, и Баданка единственное на ней селеніе; черезъ Лундонгу можно переходить въ бродѣ, 12 в. выше ея устья. Деревня Баданка единственная изъ деревень, лежащихъ въ системѣ Кемы, которая принадлежитъ къ Байдаровской волости; остальные деревни принадлежатъ къ Кемской волости.

5) Изъ дер. Кудонги (Родюк. вол.) въ вершинахъ р. Кудонги въ дерев. Баданку—25 вер.

6) Изъ деревни Кудонги до перваго селенія Николо-Межевской волости Кологривскаго уѣзда до деревни Родино—49 вер.

7) Изъ дер. Ширей (Родюк. вол.) до перваго починка на р. Пыптыгѣ Носкова—23 вер.

8) Изъ дер. Кумбисера (Байдаров. вол.) чрезъ болото Долотавинское, гдѣ беретъ начало р. Югъ, до починка Хайрюдова (Езекіевск. вол.)—35 вер.

9) Изъ Тихонова монастыря на р. Вохмѣ (Лапинской волости) на р. Енталу (Езекіевск. вол.) около 60 верстъ. По этому волоку ходятъ съ Вохмы на Пушму (на р. Югѣ).

Вотъ и всѣ волоки и тропы, ведущіе съ сѣверной стороны сузѣма на его южную сторону, или иначе, съ сѣверной подошвы алауно-уральской гривы на ея южную подошву.

Южная сторона сузёма т. е. по притокамъ Волги отличается болѣе сильной растительностью, чѣмъ сѣверная; здѣсь больше хорошихъ деревъ, чѣмъ на сѣверной сторонѣ, отсюда идетъ болѣе строеваго лѣса; самыя лучшія части лѣсничества лежатъ на пространствѣ отъ Кемы и Лундонги до Пыстюга и далѣе на востокъ; здѣсь же лежитъ Межевская корабельная роща. На сѣверной сторонѣ лѣсъ мельче и тоньше; кромѣ того здѣсь въ нѣсколькихъ мѣстахъ были гари, послѣ которыхъ вмѣсто ели господствующей породой стала береза; такія обширныя гари находятъ 1) на прав. берегу Вохмы, вокругъ дерев. Совериной (Монастырь), 2) въ вершинахъ рр. Ирдомы и Лунтюга, гдѣ нынѣ населились починки Вятчанъ, и 3) къ югу отъ вершины р. Воча.

Въ дер. Мякишевой мы переночевали на повѣти одного крестьянина вмѣстѣ съ его семействомъ, такъ какъ въ избахъ въ это время было душно. Въ семействѣ было нѣсколько взрослыхъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ гармоньщикъ, т. е. починивалъ гармоніи. Выучился онъ отъ старшаго брата, который теперь ушелъ въ солдаты, а братъ выучился у гармоньщика, который жилъ въ дер. Иваковой, 20 лѣтъ занимался починкой гармоній и теперь умеръ. Иваковскій мастеръ бралъ по 1 р. за ученье, нѣкоторые иваковскіе парни учились у него по два года, но имъ это дѣло не задалось, оказалось „потруди́те сапожнаго мастерства“, какъ признавались сами крестьяне. Старшій же сынъ нашего хозяина за ученье не платилъ, а только захаживалъ къ иваковскому мастеру въ гости, смотрѣлъ, какъ онъ работаетъ, и этого было для него достаточно, чтобъ сдѣлаться самому гармоньщикомъ. Младшій братъ хотя и учился ремеслу у старшаго, но не можетъ такъ хорошо дѣлать, какъ тотъ. Однакожъ за неимѣніемъ другихъ гармоньщиковъ онъ имѣетъ большую практику; меня не мало удивило, когда мнѣ рассказали, какіе любители музыки здѣшніе крестьяне въ сравненіи съ своимъ уѣзднымъ городомъ, въ которомъ такой недостатокъ музыки, что дамы иногда танцуютъ кадрили подъ балалайку: на Кишшенъгѣ и Шарженъгѣ у каждаго почти парня есть гармонія, у другихъ бываетъ и по двѣ, чтобъ можно было сейчасъ замѣнить, если одна сломается. Когда въ Мякишевой бываетъ базаръ, сходится до 50 гармоній на площадку этой деревни. Съ гармоніей парни ходятъ даже на работу и часто во время жатвы, присѣвши отдохнуть, они берутся за гармоніи и наигрываютъ. Нашъ хозяинъ бралъ за починку гармоній по 5 коп. съ голоса т. е. съ мѣднаго язычка и зарабатывалъ иногда въ мѣсяцъ до 20 руб. Къ нему ходятъ парни съ гармоніями съ 3-хъ волостей—даже съ Кемы ходятъ, верстъ за 70 отъ Мякишевой. Починка его заключается въ оклейкѣ и прилаживаніи новыхъ голосовъ, т. е. мѣдныхъ язычковъ. Иногда онъ ставитъ новыя доски, которыя добываетъ, скупая

старыя нікуда негодныя гармоніі; язычки самъ дѣлаець, расплючивая мѣдную проволоку на бабкѣ (наковальнѣ).

Въ деревнѣ Мякишевой есть два помѣщика-крестьянина. Фамилія одного изъ нихъ Гармановъ; земли этихъ помѣщиковъ составляютъ $\frac{1}{3}$ изъ всей земли, принадлежащей крестьянамъ деревни Мякишевой; здѣсь я услышалъ между прочимъ одно слово, напоминающее Малороссію; чтобъ отличить землю, находящуюся въ общемъ пользованіи мякишевцевъ, отъ крѣпостной земли—рассказчикъ крестьянинъ употребилъ слово: «радовая земля»; крестьянъ же не помѣщиковъ онъ называлъ «радовыми крестьянами». Здѣшніе помѣщики имѣютъ часть и въ радовой землѣ наравнѣ съ другими общинниками. Прежде Гарманову обрабатывали землю половники, т. е. безземельные крестьяне, которые сѣяли хлѣбъ на его землю изъ-полу. Помѣщикъ долженъ былъ снабдить ихъ сѣменами; половники должны были возвратить сѣмена и кромѣ того отдать половину урожая; если такимъ образомъ доля помѣщика выходила очень велика, за то половники не платили податей. Впослѣдствіи половники стали отказываться отъ обработки помѣщичьихъ земель и начали заводить свои починки въ казенныхъ дачахъ; такъ половники с. Гарманова основали Гагаринъ починокъ, куда всѣ постепенно и выселились; въ этомъ починокѣ есть старики, которые помнятъ, какъ они были половниками. Слѣдовательно начало этого экономическаго движенія совершилось не въ послѣднее время. По 9-ой ревизіи всѣхъ половниковъ въ трехъ уѣздахъ: Устюжскомъ, Сольвычегодскомъ и Никольскомъ считалось 3809 д. м. п. и 3795 ж. п. *) Неизвѣстно, какъ отражается нынѣшняя строгость лѣснаго вѣдомства относительно новинъ на свободѣ половниковъ къ переселенію съ владѣльческихъ земель на казенныя.

Крѣпостныя земли хотя и составляютъ мелніе участки, но по общимъ отзывамъ это самыя лучшія хлѣбопахатныя мѣста. Какъ образовались здѣсь землевладѣльцы, не извѣстно; въ историческихъ актахъ мало извѣстій. Можетъ быть это можно бы раскрыть, изслѣдуя сохранившіеся обычаи относительно пользованія крѣпостной землей. Какъ матеріалъ для этого я сообщаю здѣсь замѣчательный обычай, сохранившійся въ деревнѣ Шалыгиной; здѣсь былъ помѣщикъ Саблинъ, который часть своихъ земель передалъ какимъ-то образомъ г. Бочерикову. Но крѣпостная земля не была отмежевана отъ радовой; напротивъ вся земля была раздѣлена покопно **), но такъ, что два помѣщика Саблинъ и Бочериковъ имѣли въ своихъ полосахъ земли столько, сколько всѣ остальные крестьяне вмѣстѣ; каждый платъ земли ***) дѣлился

*) Памяти. Кн. Волог. губ., 1853 г., стр. 105.

**) Терминъ этотъ будетъ объясненъ ниже.

***) Деревенское поле дѣлится здѣсь на 10 и болѣе платовъ.

въ этой деревнѣ пополамъ; одна половина принадлежала помѣщикамъ, другая дѣлилась крестьянами на полосы по числу ихъ семей. Недавно помѣщики затѣяли уничтожить эту черезполосность, открыли планъ, на которомъ оказалось, что имъ принадлежитъ та часть, въ которой находятся лучшіе земельные участки; полиція была призвана, чтобъ ввести владѣльцевъ во владѣніе; но крестьяне продолжали охранять старый обычай и настаивали на подложности плана; вѣроятно планъ не подложный и можетъ быть дѣйствительно открытъ въ архивахъ, но какъ онъ составленъ былъ въ тѣ старыя времена, къ которымъ онъ относится, крестьянамъ ничего неизвѣстно, и не мудрено, что онъ возбудилъ въ нихъ сомнѣніе; крестьяне продолжали пахать на уступленной имъ планомъ половинѣ только тѣ полосы, которыя и прежде по законному раздѣлу имъ принадлежали; помѣщики же полосы оставляли нетронутыми; точно также продолжали они пахать свои старыя полосы и во второй половинѣ, которая по плану отходила помѣщикамъ. Полиціи удалось уговорить помѣщиковъ, чтобъ они оставили распредѣленіе земли по старому до генеральнаго размежеванія. Пока дѣло кончилось тѣмъ, что помѣщики потерпѣли убытки, потому что запустили часть своихъ земель, и имъ пришлось снова разламывать ихъ. Но вѣроятно впоследствии помѣщики все таки возмутъ свое.

Кромѣ благородной страсти къ музыкѣ Кипшенъжане обладаютъ другой страстью, къ сожалѣнію погубной. Они страстные игроки въ карты.

Страсть эта повсемѣстно свирѣпствуетъ въ окрестностяхъ и Никольска, про Кипшенъжанъ смѣются, рассказывая такой анекдотъ, въ которомъ игроки играютъ и ставятъ на конъ вещи все болѣе и болѣе для нихъ дорогія. Одинъ говоритъ: я мирю твой трѣшникъ, ставлю подъ тебя овечку. Другой ему отвѣчаетъ: я смирилъ твою овечку, ставлю жену на годъ (т. е. отдаю въ работницу). Противникъ опять говоритъ: я мирю твою жену, ставлю корову. Анекдотъ показываетъ, что кипшенъжане во 1-хъ способны проигрывать женъ, во 2-хъ считаютъ ихъ дешевле коровъ. Карты покупаются въ г. Никольскѣ у кучеровъ держанья, по 20 коп. колода. Старики не помнятъ, когда началась игра—всегда такъ было, только вмѣсто картъ играли въ лодыжки. Теперь лодыжки утратили свое прежнее значеніе и превратились въ деньги; ими расплачиваются во время игры въ карты. Замѣчательно, что въ карты играютъ каждое воскресенье, но всегда расплачиваются деньгами; лодыжки же употребляются вмѣсто денегъ только одинъ разъ въ году, именно во время святокъ; шесть паръ лодыжекъ продаются по 1 коп. с.; эти лодыжки закоптѣли, стали грязножелтыми отъ употребленія. Онѣ хранятся отъ Рождества до Рождества и переходя отъ игрока къ игроку, существуютъ лѣтъ по 15. Игра на лодыжки выгодна тѣмъ, что проигрывающіе

бываетъ не великъ. Если играютъ по лодыжкѣ, то проигрываютъ въ ночь не болѣе 3 коп., потому что лодыжка равняется $\equiv 1/12$ коп. (Иногда играютъ на орѣхи, 10 орѣховъ \equiv 1 коп.)

Сохранилось преданіе, что прежде здѣсь катали лодыжками „быковъ“; „быками“, и теперь въ нѣкоторыхъ острогахъ называется игра въ кости; (только бычки острожныхъ игроковъ состоятъ изъ пары кубиковъ, хорошо выточенныхъ изъ кости, съ очками на граняхъ. Каждая комбинація очковъ въ острогѣ носитъ свое названіе, наприм. 1 + 1 — голь; 1 + 2 — тройка; 2 + 2 — чиква; 2 + 3 — пѣтухъ; 5 + 6 — съ пудомъ; 6 + 6 — полнякъ). Здѣсь вмѣсто костей служила лодыжка. Каждый выкидывалъ четыре лодыжки; если лодыжка ляжетъ кверху выпуклой поверхностью — это называлось масломъ, — которое равнялось двумъ быкамъ; быкомъ называлась лодыжка, упавшая вогнутымъ бокомъ кверху; если она упадетъ ровнымъ бокомъ кверху — это сакъ, который равнялся $1/2$ быку. Наконецъ лодыжка, лежащая кверху самой глубокой ямкой — называлась горе. Игра велась сначала такимъ образомъ: сначала одинъ игрокъ бросаетъ лодыжки, потомъ другой; у кого больше вышло быковъ, тотъ и выигралъ, и беретъ себѣ всѣ четыре лодыжки.

У дома, въ которомъ мы ночевали, былъ пустой мохнатый хмельникъ, какого мы больше не видали во всю дорогу. Нынѣ былъ неурожай на хмель, и вездѣ хмельники стояли рѣдкіе. Нынѣшнее лѣто было урожайно хлѣбами, въ особенности рожью; неурожай же хмеля вѣроятно произошелъ отъ тѣхъ же причинъ, отъ которыхъ нынѣ не уродились травы и ягоды, однимъ словомъ растенія, растущія безъ культуры. Хмель здѣсь не сѣютъ, а сажаютъ отсадками, и, разъ посаженный, онъ продолжаетъ уже самъ возобновляться съ каждой весной. Замѣчателенъ обычай при посадкѣ хмеля. Во первыхъ отсадки должны быть непременно украдены; во вторыхъ во время садки нужно непременно ругаться; садильщикъ торнетъ коломъ въ землю и смотритъ по сторонамъ, неидетъ ли кто; если нѣтъ болѣе приличнаго субъекта, ругаютъ даже летящую мимо ворону. Если кто увидитъ саженье хмеля, нарочно идетъ туда и начинаетъ говорить: „напрасно садишь, лебеда вырастетъ, а не хмель. Тотъ, кто садитъ, ругаетъ его, и, чѣмъ пуще они разругаются, тѣмъ лучше уродится хмель. Поэтому пройти мимо, не поругавшись, будетъ не деликатно.

Неурожай сѣна въ здѣшнихъ мѣстахъ былъ нынѣшнее лѣто (1872 г.) повсемѣстный; гдѣ прежде накашивали 2 промежка *), тамъ нынѣ накосили только одинъ; впрочемъ въ Никольскомъ уѣздѣ вообще сѣнокосы плохи.

*) 2 воза.

Дуговъ въ уѣздѣ нѣтъ; Югъ имѣетъ дуга только внизу; изъ другихъ рѣкъ только въ восточной части уѣзда есть дуга по Луптюгу и Ирдомѣ отъ 20 саж. до 100 въ рѣдкихъ мѣстахъ; по Ветлугѣ ниже устья Луптюга дугъ 100 и 200 саж. шириною.

По этому луговыхъ сѣнокосовъ въ уѣздѣ почти нѣтъ; сѣнокосы же находятся или между полями или въ казенныхъ дачахъ; и тѣ и другіе конечно расчищены изъ — подъ лѣса, только первые раньше, послѣдніе позже; сѣнокосныя мѣста, расчищенные изъ-подъ лѣса, называются пожнями; сѣнокосъ на пожняхъ производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ луговой сѣнокосъ; нѣтъ этого многочисленнаго собранія людей, какое бываетъ при луговомъ сѣнокосѣ; шумъ, крики, звонъ косъ, пѣсня—все это здѣсь неизвѣстно; каждая семья работаетъ на отдѣльной пожнѣ, огороженная со всѣхъ сторонъ стѣнами изъ елей; можетъ быть не вдалекѣ есть сосѣди, но ихъ не видать и не слышать; поэтому и сама семья, иногда всего два человѣка, мужъ и жена, не возбуждаемые видомъ чужихъ людей, работаютъ молча и сосредоточенно.

Трава на здѣшнихъ сѣнокосахъ рѣденькая, и пожня даетъ сравнительно очень мало сѣна. До какой степени здѣшній край бѣденъ сѣномъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Помѣщикъ Гармановъ одинъ изъ своихъ луговъ отдаетъ за 50 руб., а 12 человѣкъ выкашиваютъ его въ день. Одинъ аксентьевскій крестьянинъ взялъ за 3 рубля пожню, которую три дня косятъ 5 человѣкъ, а снимаютъ всего 10 возовъ. Многія деревни не имѣютъ возлѣ своихъ деревень и хорошихъ поженъ въ достаточномъ количествѣ; такъ на примѣръ аксентьевцы ставятъ $\frac{2}{3}$ своего сѣна на казенныхъ оброчныхъ пожняхъ; крестьяне д. Ноговицыной ѣздятъ собирать осиновый листъ въ 30 верстахъ отъ своей деревни, а сѣно косятъ на р. Кемѣ, въ 40 верстахъ. Другіе собираютъ сѣно по болотамъ и выносятъ его оттуда на сухія мѣста на носилкахъ.

Мякишевцы имѣютъ свои покосы вмѣстѣ съ лошанами, т. е. жителями деревень по р. Лохѣ; лошанами зовутъ и крестьянъ, живущихъ на лѣвомъ берегу Юга, но принадлежащихъ къ Байдаровской волости, какъ напр. живущихъ въ деревняхъ Старыгиной, Каменкѣ, Селивановой, Чушевиной и друг. Между этими деревнями и Мякишевой находится волокъ, въ которомъ и лежатъ сѣнокосы; кипшеньжано нѣкоторые пожни занимаютъ подъ самую Лоху, а лошане подъ Кипшеньгу, черезполосно, словомъ тамъ, гдѣ ихъ старики чистили. По Кипшеньгѣ есть дугъ поемный въ $\frac{1}{2}$ версты шириной, гдѣ находится общій сѣнокосъ; при выкашиваніи его, не дѣлятъ шестомъ на участки, какъ это обыкновенно дѣлается, а косятъ „общинной“, т. е. миромъ, и потомъ копны дѣлятъ по душамъ, бросая жребій. Такое кошенье

общевой, по моимъ распросамъ, существуетъ только въ деревняхъ: Мякишевой, Черниной (на Шарженьгѣ), Подолѣ (на р. Кипшеньгѣ), Аксиловой и Есиповой (у обохъ деревень общій лугъ); наконецъ двѣ деревни Кузнецова и Филипова и часть Теребаевой имѣютъ общій лугъ при устьѣ р. Кипшеньги. Для косьбы назначается по одному или по два работника на душу, состоящую въ платежѣ податей. Сѣно дѣлится въ копнахъ, но какъ, не имѣлъ я ни возможности самъ видѣть, ни времени хорошенько спросить. Могъ я только узнать, что народъ дѣлится для этого на двѣ половины, изъ которыхъ каждая выбираетъ старика; эти два старика втыкаютъ въ копны жеребьи; жеребьи эти состоятъ изъ древесныхъ вѣтокъ, нарубаются по числу душъ въ деревнѣ и при томъ половина изъ черемухи, а другая изъ ивины или елшины. Старики раздѣляютъ копны на два сорта, и въ одинъ втыкаютъ черемуховые жеребьи, въ другой елшинные. На каждую душу приходится по одной или по двѣ копны; то на каждую душу даютъ одну хорошую копну и одну худую. Раздѣливъ все количество копенъ между двумя половинами, бросаютъ жеребій члены половинъ между собою. Если двоимъ приходится дѣлить одну копну пополамъ, кому низъ, кому верхъ—это рѣшаютъ, мѣрая горстью по палкѣ, какъ это дѣлаютъ дѣти во время игры въ мячикъ.

Это высшая форма общиннаго пользованія, до какой достигъ здѣсь народъ. Привести къ такому же образу распредѣленія сѣннаго богатства и съ другихъ сѣнокосовъ, т. е. съ пожень, мѣшаетъ черезполосное положеніе „круглыхъ“; круглыми здѣсь иногда называютъ отдѣльныя пожни, расчищенные дѣдами и находящіяся въ исключительномъ пользованіи отдѣльныхъ семействъ почти на правѣ собственности. Это настоящее положеніе дѣла со своими черезполосными круглыми имѣетъ свою хорошую сторону въ томъ, что сѣнокосныя мѣста распредѣлены теперь равномерно между деревнями; есть деревни, неимѣющія своихъ удобныхъ сѣнокосныхъ мѣстъ, есть другія, подлѣ которыхъ они въ такомъ изобиліи, что лежатъ безъ употребленія; существующій порядокъ не мѣшаетъ первымъ завести круглыхъ подъ бокомъ у вторыхъ. Здѣсь очень много деревень, которыя имѣютъ свои сѣнокосы на другихъ системахъ рѣкъ, и нужно замѣтить, что вершины рѣчекъ часто заняты подъ сѣнокосъ вовсе не жителями той же рѣки, живущими въ ея низовьяхъ, а скорѣе жителями какой-нибудь сосѣдней рѣки: такъ напр. вершины рѣки Пыстюга (текущаго въ Волгу) выкашиваются крестьянами дер. Ширей, которая лежитъ въ системѣ Юга; крестьяне должны, чтобъ дойти до своихъ сѣнокосовъ, пересѣчь весь суземъ; деревня ихъ лежитъ на сѣверной сторонѣ сузема, а сѣнокосъ на южной. Жители Никольска имѣютъ сѣнокосы по р. Карышу въ вершинахъ р. Кипшеньги. Жители деревни

Ноговицыной, лежащей въ низовьяхъ р. Шарженьги, имѣютъ сѣнокосы на р. Кемѣ, такъ что въ воскресные дни ходятъ съ своихъ поженъ въ близъ лежащее село въ церковь.

Ожидаемое размежеваніе и наръзка земель прекратить отчасти такой порядокъ; деревни, которыя не имѣютъ вблизи достаточнаго количества сѣнокосныхъ мѣстъ, будутъ поставлены въ затруднительное положеніе; но эта мѣра будетъ имѣть также свою хорошую сторону; исчезнетъ препятствіе къ обращенію круглыхъ въ одну общую общественную пожню и къ выкашиванію ихъ общиной по образцу деревни Мякишевой.

Меня занималъ вопросъ: выкашиваніе луговъ общиной—остатокъ-ли древнихъ общинныхъ порядковъ, занесенный сюда съ юга или напротивъ обычаи, до котораго додумался народъ уже здѣсь. Для рѣшеніе этого вопроса я старался собрать свѣдѣнія объ общинныхъ порядкахъ въ Никольскомъ уѣздѣ, которыя и помѣщаю здѣсь.

Въ юго-восточной части уѣзда, въ системѣ р.р. Вохмы и Луптюга, находится до 400 починковъ; основаны они частью крестьянами Вятской губ., частью крестьянами окрестныхъ волостей Лапинской, Вознесенской, Черно-Николаевской и Павинской и рѣдкіе крестьянами съ Юга; есть впрочемъ починцы изъ деревень Ширей и Ноговицыной, которыя нисходятся западнѣе р. Юги, Ширы къ ю. отъ р. Кудонги, а Ноговицына на р. Шарженьгѣ.

Вятскіе крестьяне занимаютъ по преимуществу берега рр. Ирдомы, Луптюга, Вѣлой, Рундюга и Калюга, лежащіе въ казенной Нуремско-Моломской лѣсной дачѣ; они исключительно изъ Котельничскаго уѣзда, изъ волостей Тероповской, Киселевской и Ключевской. Они одни основали до 250 починковъ; селились они тамъ потому, что часть эта до 1866 г. принадлежала къ Вятск. губ. Какой-то исправникъ Котельничскаго уѣзда, впоследствии умершій за границей, утверждалъ, будто бы безъ законнаго на то основанія, сельскіе приговоры на выселеніе изъ вятскихъ деревень. Факты однакожь показываютъ, что это колонизаціонное движеніе существуетъ уже давно; многіе починки имѣютъ уже 60 лѣтъ существованія, другіе основаны не болѣе, какъ 10 лѣтъ назадъ и можетъ быть менѣе. Сами же крестьяне объясняютъ свое выселеніе недостаткомъ лѣса въ Котельничскомъ уѣздѣ, а также „утѣсненіемъ въ землѣ“. Въ Котельничскомъ уѣздѣ, по ихъ слованъ, такъ мало лѣсу, что новыхъ избъ не изъ чего строить, и жители перерубаютъ избы изъ старыхъ до трехъ разъ; размѣры избы такимъ образомъ уменьшаются съ каждымъ разомъ и въ концѣ концовъ доходятъ чуть не до величины телячьей стойки. Топятъ въ уѣздѣ прутьями и сучьями, а въ Екатерининской волости подѣ городомъ Котельничемъ соломой. Относительно „утѣсненія въ землѣ“ слѣдуетъ замѣтить, что хотя съ умноженіемъ населе-

нія душевныя полосы должны становиться уже, но суженіе полосъ происходитъ не въ одномъ Котельничскомъ уѣздѣ и Вохомской части Никольскаго, но и въ другихъ мѣстахъ, однакожъ тамъ подобнаго сильнаго колонизаціоннаго движенія нѣтъ. Нужно предположить, что въ Вохомскомъ участкѣ и въ Котельничскомъ уѣздѣ сильнѣе умножается населеніе.

Сколько я ни старался собрать свѣдѣнія со словъ крестьянъ о томъ, какъ съ теченіемъ времени уменьшается душевой надѣлъ, ничего не могъ сдѣлать. Сначала я спрашивалъ, по сколько сажень приходится на душу; но крестьяне не знаютъ точныхъ мѣръ: гонъ, ихняя мѣра площади, величина неопредѣленная; десятины они не знаютъ.

Я пытался было опредѣлить разницу между обиліемъ земли въ починкахъ и недостаткомъ ея на старинѣ,—стариной называется метрополія, починкомъ—колонія,—разспрашивая о количествѣ хлѣба, высѣваемаго на душу. Я думалъ, что гдѣ земли менѣе, тамъ высѣвается на душу менѣе, гдѣ земли болѣе и высѣвается болѣе; тѣмъ болѣе я ухватился за это средство, что я встрѣтилъ въ нѣкоторыхъ сельскихъ приговорахъ, разрѣшавшихъ выселеніе на починокъ, именно въ качествѣ побудительной къ тому причины, указаніе на малый размѣръ посѣва хлѣба, на душу. Оказалось во первыхъ, что крестьяне могли мнѣ давать отвѣты относительно только рѣдко; объ яровомъ отзывались неумѣньемъ опредѣлить размѣръ посѣва. *). Во вторыхъ, что норма посѣва почти повсемѣстно одна и та же: мѣра на душу или 5 пудовъ **). Оказалось, что на починкахъ не только засѣвается то же количество, какъ и на старинѣ, но даже и менѣе. Такъ, напримѣръ, въ старой деревнѣ Аксентьевой въ 3-хъ верстахъ отъ Никольска высѣвается по 1 мѣрѣ на душу; но нѣкоторые позажиточнѣ сѣютъ болѣе; одинъ мой знакомый крестьянинъ въ 4-хъ душахъ сѣетъ $4\frac{1}{2}$ мѣры. Въ старой деревнѣ Селивановой въ 12 в. отъ Никольска высѣвается по 1 мѣрѣ на душу; мой знакомый крестьянинъ имѣлъ $2\frac{1}{2}$ души, высѣялъ осенью 1872 г. 3 мѣры, слѣд. даже болѣе, чѣмъ мѣру на душу. Въ деревнѣ Мякишевой Тотемск. у. нѣкоторые высѣваютъ по 6 пудовъ на душу.

Вотъ теперь свѣдѣнія о нѣкоторыхъ починкахъ:

Въ поч. Артюшиномъ (на р. Обложеницѣ, въ системѣ р. Воча) сѣютъ 1 мѣру на душу; починокъ существуетъ 20 лѣтъ.

Въ поч. на р. Мараксѣ, впадающей въ р. Шайму, по 5 пуд. на душу; починокъ существуетъ 27 л.

Въ поч. Высокомъ при р. Голубихѣ, притокъ Сыраго Калюга, по 4 четверика на душу.

*) Только одинъ крестьянинъ съ р. Уфтюга, въ Тотемскомъ уѣздѣ (дер. Маурникова) сообщилъ мнѣ, что у нихъ на душу высѣваютъ до 5 пудовъ овса.

Въ поч. при р. Шумихѣ Лапшинск. вол. по 2 полмѣры или 4 четверика; на старинѣ этого починка въ дер. Пяткиной 5 четвериковъ.

Въ нѣкоторыхъ починкахъ высѣвается меньше и этого; наприм. въ поч. Сидоровомъ на Калюгѣ высѣваютъ 4 пуда на душу; въ починкѣ Ягодино при р. Гремячей Вознес. вол. также 4 пуда; въ поч. при р. Большой Лапшинск. вол., существующемъ уже 20 л., 3 пуда.

Изъ старинъ, въ которыхъ сѣется по малу, у меня записано только двѣ: Хомяковщина, въ которой уже въ 1851 г. сѣяли по 3 четв. на душу и Юрьевъ Плѣсъ—по полумѣрѣ на душу ($2\frac{1}{2}$ пуда); колонисты изъ Юрьева Плѣса, живущіе въ починкѣ при р. Окулихѣ Павинск. вол., сѣютъ три мѣры на 5 ревизск. душъ, слѣд. нѣсколько болѣе полумѣры на душу.

Что въ починкахъ высѣвается менѣе, чѣмъ на старинѣ, крестьяне объясняютъ тѣмъ, что починцы не успѣли еще распахать землю въ достаточномъ количествѣ. Вообще кажется, что высѣваніе по мѣрѣ на душу, есть общій обычай мѣстныхъ крестьянъ, и хотя они измѣняютъ его по земельнымъ условіямъ и достаткамъ, но всегда стремятся къ этой нормѣ и на вопросъ о количествѣ посѣва норму выдаютъ за дѣйствительный размѣръ посѣва.

Полосы кажется на старинѣ уже, чѣмъ въ починкахъ. Въ старыхъ деревняхъ поле не составляетъ одинъ общій „платъ“, какъ на починкахъ; его дѣлятъ на двѣ половины и даже болѣе. Наприм. въ деревнѣ Раменѣ у cadaго хозяина считается до 20 полосъ; полосы уже бороны. Въ дер. Селивановой у cadaго хозяина въ лѣто 1872 г. было въ овсяномъ полѣ 15 полосъ, въ паровомъ 13, въ ржаномъ 12. Въ овсяномъ нѣкоторыя полосы по 5 саж. шириной, другія по $1\frac{1}{2}$ саж. Въ дер. Аксентьевой въ паровомъ полѣ 1872 г. было у cadaго хозяина по 5 полосъ, три пошире, двѣ поуже; въ послѣднихъ и земля похуже; широкія полосы были такой величины, что полоса на 3 души имѣла 7 шаговъ ширины.

Въ починкахъ полосы бываютъ по 4 и 5 сажень; такъ какъ здѣсь поле не дѣлится на множество платовъ съ различнымъ качествомъ почвы, и можетъ быть здѣсь встрѣчаются даже и „одноплатныя“ поля, то здѣсь у хозяина бываетъ меньше полосъ и не бываетъ такихъ узкихъ какъ на старинѣ. Съ увеличеніемъ полей въ починкѣ, съ умноженіемъ населенія въ починкѣ, съ умноженіемъ населенія въ немъ, съ истощеніемъ въ различной мѣрѣ почвы и здѣсь является потребность разсортировать землю на нѣсколько платовъ и измелчить полосы; чѣмъ старѣе починокъ, тѣмъ земельные обычаи ближе подходятъ къ порядкамъ на старинѣ, чѣмъ новѣе, тѣмъ менѣе въ немъ общиннаго духа. Но прежде, чѣмъ рассказать о томъ, какъ починокъ начинаетъ свою жизнь и переходитъ къ усложненной общинной жизни,

я опишу земельные обычаи одной старой деревни Аксентьевой, находящейся въ 3-хъ верстахъ отъ г. Никольска. Эта деревня со своими обычаями будетъ какъ будто послѣдней самой сложной формой, до которой долженъ дойти всякій починокъ, постепенно видоизмѣняясь.

Деревня Аксентьева раздѣлена на три девятины, т. е. на три трети; каждая девятина на двѣ половины; въ деревнѣ 87 душъ, въ каждой девятинѣ 29 душъ; „половины“ не равны, въ одной 14, въ другой 15 д. Слѣдовательно распредѣленіе душъ по девятинамъ можно представить въ видѣ такой таблицы:

<u>14 15</u>	<u>14 15</u>	<u>14 15</u>	половины
29	29	29	девятинны
<u>87</u>			община.

Пахотная земля раздѣлена на три поля: ржаное, овсяное и паровое. Каждое поле раздѣлено на три девятины, а девятины также дѣлятся на половины; половины на полосы или загоны, т. е. семейные участки равной долины, но разной ширины, смотря по числу ревизскихъ душъ въ семьѣ. Сѣнокосы въ Аксентьевой можно раздѣлить на три рода: 1) Заполоски, 2) дѣлянки и 3) пожни: „Заполосками“ называются небольшіе доскутки около хлѣбопахотныхъ полосъ; это собственно продолженія этихъ полосъ, только нераспаханныя, а оставленныя подъ траву; т. е. подлѣ конца каждой полосы находится „платокъ“ земли, равной ширины съ полосой, на которомъ коситъ тотъ же хозяинъ, которому принадлежитъ полоса. Слѣдов. сколько въ деревнѣ полосъ, столько и Заполосковъ. „Дѣлянками“ называются здѣсь сѣнокосы, лежащіе по мелкимъ рѣчкамъ и ложамъ, которыя дѣлятся шестомъ. Наконецъ пожнями называются сѣнокосы, расчищенные въ лѣсахъ въ 8 верстахъ отъ деревни по рѣчкамъ Карнышу, Погорѣлицѣ и въ вершинѣ р. Куячихи. Здѣсь каждый хозяинъ имѣетъ свою пожню, которую расчистилъ еще его дѣдъ; онъ смотритъ на нее, какъ на наслѣдство. Встрѣчаются пожни, находящіяся въ пользованіи двухъ дворовъ—это непременно значить, что эти два двора родные, происходятъ отъ одного дѣда, который расчищалъ пожню, и впослѣдствіи раздѣлились, а пожню оставили недѣленною. Слѣдовательно это участки, на которые условія общиннаго быта не распространяются.

Дѣлянки аксентьевцевъ лежатъ по рр. Куячихѣ и Крутой. Онѣ не равны между собой и разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, тѣмъ не менѣе аксентьевцы представляемую только умственно сумму этихъ дѣлянокъ раздѣлили на три девятины, девятины на половины. Есть такія большія дѣлянки, на которыхъ помѣщаются цѣлыя половины; другія малы, и нужно ихъ нѣ-

сколько, чтобъ составить половину. Есть дѣлянки, на которыхъ посажено не болѣе 4-хъ душъ. Семьи разсажены по дѣлянкамъ съ давняго времени, но сама дѣлянка ежегодно дѣлится между семьями, на неё опредѣленными. Пришедши на дѣлянку, вощы отыскиваютъ старыя межи, обозначенныя рядомъ камней и отдѣляющія её отъ смежныхъ дѣлянокъ, если такія есть. Потомъ мечутъ жеребій, кому лечь выше по рѣчкѣ, кому ниже. Сначала условливаются въ жеребѣ; одинъ срываетъ колосокъ палочника (*Phleum pratense*) и говоритъ: моя палочка! Другой срываетъ цвѣточную корзинку *Chrysanthemum Leucanthemum* и говоритъ: и мой попъ: „или плодъ *Rhinanthus Crista galli* и говоритъ: „моя денежка“! Ктонибудь беретъ два жеребья, свой и товарища, отходитъ въ сторону и, скрытно взявъ по жеребью въ каждую горсть, скрещиваетъ руки на груди, причетъ кулаки съ жеребьями подъ мышками и подходитъ къ своему товарищу. Послѣдній еще затрудняется, предпочесть ли ему верхъ или низъ. Порѣшивъ лечь выше, онъ „деретъ пальцы“, т. е. гадаетъ пальцами, до 3 разъ стыкаетъ руки съ растопыренными пальцами; желательно, чтобъ пальцы одной руки попадали въ промежутки другой; при этомъ онъ приговариваетъ: „если въ лѣвой рукѣ мой жеребій, чисто воткнись“! Потомъ ту же операцію онъ производитъ со словами: „если въ правой рукѣ мой жеребій, чисто воткнись“! Если гаданье указало на правую руку, онъ говоритъ: „правая рука на верхъ“. Положимъ — жеребьемъ отгадчика былъ выбранъ „попъ“; если въ правой рукѣ у крестьянина съ жеребьями окажется „попъ“, тотъ, кто отгадывалъ, занимаетъ мѣсто выше, а товарищъ его, предлагавшій отгадывать, ниже. Потомъ кто-нибудь изъ неметавшихъ жеребій подходитъ точно также съ сжатыми кулаками подъ мышкой къ одному изъ уже пометавшихъ; опять одному выходитъ выше, другому ниже; если этотъ третій металь жеребій съ тѣмъ, которому вышло выше, и этому третьему тоже выпалъ на верхъ, онъ становится на дѣлянкѣ выше тѣхъ обоихъ, если же низъ, то между ними въ середину. Такъ постепенно перекопывается вся дѣлянка. Иногда дѣлянка дѣлится на двѣ половины и кто-нибудь изъ одной конуется съ кѣмъ-нибудь изъ другой; значить одна половина займетъ верхъ дѣлянки, другая низъ; эти половины опять дѣлятся на двѣ половины и опять конуются, словомъ дѣлятся и конуются до тѣхъ поръ, пока придется коноваться между собой двумъ семьямъ. Этотъ способъ вѣроятно употребляется при четномъ числѣ семей, а предъидущій при нечетномъ. Наконецъ мечутъ жеребій и обыкновеннымъ образомъ, т. е. складываютъ свои жеребья (цвѣты) въ одну шапку, предварительно уговариваются, откуда начинать мѣрить, сверху или снизу, и потомъ вынимаютъ всѣ жеребья одинъ за другимъ; чей жеребій вышелъ первымъ, тому мѣрятъ съ краю, чей вышелъ вторымъ, тому мѣрятъ

рядомъ и т. д. Жеребій, вышедшій изъ шапки первымъ, называется выскочкою, напротивъ послѣдній—пролежень.

Такимъ образомъ опредѣляется порядокъ, въ которомъ должны размѣститься семьи по дѣлянкѣ; затѣмъ на каждую душу отмежевываютъ по косяю. Косьемъ называется косовище: одинъ изъ участниковъ мѣряетъ на каждую семью по числу душъ; отъ мѣтки, которую онъ сдѣлаетъ, хозяинъ отмѣрянаго участка бредетъ ногами поперекъ дѣлянки; кто-нибудь за нимъ слегка подкашиваетъ траву, чтобъ примѣтнѣе была межа. Это называется „пробродить межи“. Такъ какъ одно косяе на душу—общая мѣра для всякой дѣлянки, какой бы длины она ни была, то по раздѣлѣ дѣлянки всегда остается остатокъ; при томъ остатокъ этотъ бываетъ вдвое или втрое болѣе того участка, который раздѣлили по душамъ. Сначала выкашиваютъ раздѣленный участокъ, потомъ или снова мечутъ жеребій, или прямо мѣряютъ по невыкошенной части дѣлянки, располагая семьи въ томъ же порядкѣ, какъ и въ первый разъ. Этотъ то послѣдній способъ—располагать всѣ послѣдующіе дѣлежи по первому жеребью—и называется поконно. Если у дѣлянки окажется подъ конецъ остатокъ, на который не укладывается потребнаго по числу душъ количества косяя, тогда этотъ остатокъ дѣлятъ косьемъ же по поперечному боку дѣлянки. Кромѣ дѣлянокъ, аксентьевцы выкашиваютъ и свое лѣтовище; лѣтоввищемъ здѣсь называется часть скотскаго выгона; весь выгонъ дѣлится въ Аксентьевой деревнѣ на 3 части: первая пригорода. Вторая пригорода и лѣтовище. Съ весны скотъ выпускаютъ въ поля, потомъ въ первую пригороду, потомъ во вторую пригороду; за тѣмъ выкашиваютъ лѣтовище и пускаютъ туда скотъ и наконецъ осенью пускаютъ его въ сжатую рожь. Пригороды и лѣтовище находятся въ разныхъ мѣстахъ; лѣтовище аксентьевцевъ лежитъ по берегу Юга рядомъ съ лѣтоввищемъ деревни Куныгиной; это очень сырая, даже болотистая мѣстность; мѣстами растутъ елки; оно раздѣлено поконно на узенькія поженки со времени ревизіи и съ тѣхъ поръ не передѣляется; у cadaго хозяина по нѣскольку поженокъ; косить начинаютъ всѣ съ одного края и потомъ переходятъ другъ черезъ друга. Наконецъ подлѣ деревни есть одна небольшая дѣлянка, на которой, какъ и на лѣтоввищѣ, косить вся деревня, но она дѣлится шестомъ ежегодно; здѣсь на небольшомъ клочкѣ земли собирается вся деревня; дѣлянка эта такъ мала, что её выкашиваютъ послѣ обѣда едва ли солѣе, чѣмъ въ часъ времени. Почему она не включена въ общую сумму дѣлянокъ, я не знаю; вѣроятно потому, что на ней растетъ трава лучше, чѣмъ на другихъ дѣлянкахъ, а опредѣлить въ этихъ послѣднихъ эквивалентъ ей крестьяне не сумѣли. Дѣлятъ эту дѣлянку шестомъ; это одна изъ утомительнѣйшихъ процедуръ. Послѣдствія недостатка хоть какого-нибудь образованія въ здѣш-

немъ крестьянствѣ можно здѣсь замѣтить повсюду; одно изъ такихъ послѣдствій отсутствіе мѣръ. О десятинахъ здѣсь не имѣютъ понятія; изъ мѣръ площади называютъ иногда гонъ, но что это такое, трудно добиться. Одинъ крестьянинъ вамъ объяснить, что это разстояніе „вотъ отсюда до того забора“, другой скажетъ, что это значить столько, сколько съ сохой пройдетъ. Величиной времени служить у поводъ, который тоже мѣра очень неопредѣленная, и опредѣляется кажется степенью утомленія на работѣ. Сажень, вершокъ—мѣры абстрактныя для крестьянина; для опредѣленія толщины и высоты онъ любитъ болѣе употреблять конкретныя мѣры; при вопросѣ о толщинѣ какого-нибудь ствола онъ ищетъ глазами въ комнатѣ какую-нибудь цилиндрическую подходящую форму и говорить: „вотъ въ эту мѣту“! Снѣгъ падаетъ у него не на вершки, а „въ воробья“, „въ сидячу курицу“, „въ сидячу собаку“.

Дѣленіе посредствомъ шеста происходитъ такимъ образомъ: берутъ какой-нибудь шестикъ и мѣряютъ имъ вдоль дѣлянки; нужно, чтобъ вышло 87 шестовъ, потому что въ деревнѣ 87 душъ; если число шестиковъ вышло менѣе числа душъ, шестикъ обрѣзаютъ и снова укладываютъ вдоль дѣлянки. Тутъ случается, что шестикъ ужъ очень много обрѣзали, такъ что число шестиковъ, уложенныхъ на дѣлянку, выходитъ болѣе числа душъ—тогда этотъ шестикъ бросаютъ и вырубаютъ новый. Съ тѣмъ такая же исторія, пока не добьются до того, что получатъ шестикъ надлежащей длины, т. е. который укладывается по дѣлянкѣ 87 разъ. За тѣмъ начинаютъ отмѣрять на каждую семью столько шестиковъ земли, сколько въ ней душъ: въ которой $2\frac{1}{2}$ души—той семьѣ даютъ $2\frac{1}{2}$ шестика, въ которой $3\frac{1}{4}$ — $3\frac{1}{4}$ шестика и т. д. Былъ когда-то въ Аксентьевой кузнецъ Мишка; про него говорятъ, что онъ былъ настолько пройдошливъ, что смѣритъ шестомъ дѣлянку только одинъ разъ, сообразить, прикинетъ какъ-то на удивленіе всему миру, отрѣжетъ отъ шеста лишекъ, и въ другой разъ у него ужъ приходится точка въ точку. Но тайну эту Мишка унесъ съ собой въ могилу.

Поля во время передѣловъ дѣлятся такимъ же образомъ, какъ дѣлянки, т. е. шестомъ и поконно. Паровое поле 1872 г. у аксентьевцевъ дѣлится на два плата; по срединѣ проходитъ дорога—продолженіе деревенской улицы; у каждого крестьянина въ этомъ полѣ 5 полосъ; полосы эти распределены поконно, т. е. когда-то аксентьевцы бросили жеребій посредствомъ поповъ и денежника, и какъ кому выпало, начали отмежевывать съ краю; размѣстивъ семьи на одной пятой всего поля, снова межевали въ томъ же порядкѣ душъ, какъ и въ первомъ платѣ. Такимъ образомъ поле у нихъ разбилось на пять платовъ, и въ каждомъ платѣ каждая семья имѣетъ свою полосу. Это дѣлается въ видахъ равномернаго распределенія земли, разно-

родной по качеству. Но не на одно качество почвы обращается вниманіе; принимаютъ въ расчетъ и близость или дальность полосы отъ деревни; уравненіе въ этомъ отношеніи достигается тѣмъ, что все поле дѣлится на два плата дорогой, которая всегда бываетъ продолженіемъ деревенской улицы; по одну сторону дороги души слѣдуютъ въ одномъ порядкѣ, по другую въ обратномъ, такъ что въ первой № 1, ближайшій къ деревнѣ, становится во второмъ платѣ самымъ дальнымъ отъ деревни, ближайшій же къ деревнѣ будетъ тотъ, который былъ въ первомъ платѣ № 87. Полосы лежатъ къ дорогѣ поперечникомъ, такъ что длина полосы къ дорогѣ приходится подъ прямымъ угломъ. Такое положеніе еще влечетъ одно равенство—равенство смина: проѣзжающія телѣги и лошади мнутъ хлѣбъ у всѣхъ равно: если же приходится неизбежно размежевать поле такъ, что полосы выйдутъ параллельныя съ дорогой, тогда крайнему хозяину на одну душу прарѣзывается лишняя полоса. Въ Костромск. губ. эта полоса назыв. утолкомъ.

Очевидно, что сѣмьи на полѣ расположены не въ томъ порядкѣ, какъ избы въ деревнѣ; въ полѣ ихъ распредѣлялъ жеребій. Также и дѣленіе общины на девятины совпадаетъ съ распредѣленіемъ полосъ въ полѣ, а не избы въ деревнѣ. Когда былъ произведенъ послѣдній передѣлъ душъ, когда былъ послѣдній жребьемѣтъ, аксентьевцы не помнятъ; теперь они общихъ передѣловъ не совершаютъ, а нарастающія и вновь приписныя души распредѣляютъ по девятинамъ, такъ что распредѣленіе поля и дѣлянокъ остается все тоже, только полосы и поженки становятся уже. Сами аксентьевцы удивляются своей земельной организаціи и думаютъ, что современникамъ такой ни за что не придумать. „Это все старики придумали, говорятъ они. Умственные были старики. Ночи сидѣли да думали, какъ устроить это дѣло“ *).

Вѣроятно дѣлянки, которыми теперь пользуются крестьяне поконно, нѣкогда были частными пожнями; можетъ быть въ какое-нибудь лѣто община положила прекратить это частное землевладѣніе и раздѣлило ихъ поконно. Въ деревнѣ Селивановой (9 в. отъ Никольска) пригородовъ нѣтъ, а есть одно лѣтовище, которое за то и не косится; въ немъ скотъ ходитъ круглое лѣто. Сѣно на оброкъ, т. е. на частныхъ пожняхъ въ казенныхъ дачахъ ставится только $\frac{1}{10}$ часть всей поставки; $\frac{9}{10}$ на поддушныхъ сѣнокосахъ т. е. на пожняхъ въ примежеванныхъ дачахъ: поддушные сѣнокосы расчищены въ 5 верстахъ отъ деревни; называются они поддушными потому, что за нихъ оброкъ въ казну не плотится, а между тѣмъ они по душамъ по-

*) Близъ дер. Аксентьевой есть озеро, въ которомъ ловится рыба. Ловля производится по девятинамъ, т. е. въ одну весну ловить одна девятина, въ другую другая и т. д. Нѣкоторыя девятины сами ловятъ, другія сдаютъ свое право Никольскимъ мѣщанамъ за $1\frac{1}{2}$ ведра водки.

конно не разверстаны, у кого гдѣ дѣдъ расчистилъ, тотъ тамъ и владѣеть — „покулижно“; у одного крестьянина этой деревни 4 пожни, на всѣхъ ставить до 70 промежковъ (или возовъ). Пытались когда-то разверстать „поконно“, но волостное начальство не позволило — крестьяне думаютъ, что богачи дали взятку волостнымъ. Слѣдовательно Селиванова представляетъ менѣе совершенную форму общиннаго устройства, чѣмъ Аксентьева.

Починки ведутъ къ временному разрушенію общины. Основываютъ починки, по моимъ догадкамъ, богатые крестьяне, точно также какъ и вообще они же расчищаютъ повины. Богатый крестьянинъ, имѣя въ домѣ лишнихъ работниковъ и побольше лошадей, недоволенъ тѣмъ количествомъ земли, какое ему достается въ надѣлѣ; онъ беретъ земли умершихъ душъ или маломочныхъ крестьянъ; если у крестьянина числится три души на ревизіи, но третья душа у него ребенокъ, онъ оставляетъ себѣ $2\frac{1}{2}$ души, а $\frac{1}{2}$ души сдаетъ кому-нибудь. Съёмщикъ полосы долженъ, кромѣ аренды, платить и подати за $\frac{1}{2}$ души. Когда ребенокъ подрастаетъ, сдатчикъ полосы беретъ её назадъ. Въ обеспеченіе себя отъ этого богатые крестьяне заключаютъ договоры отъ ревизіи до ревизіи, и тогда, если у крестьянина и подрастутъ дѣти, то онъ не можетъ требовать землю обратно. Не знаю, дозволены ли подобныя договоры закономъ, только такой обычай будто бы, какъ мнѣ рассказывалъ одинъ крестьянинъ, существуетъ въ деревнѣ Семянъжевой Тотемскаго уѣзда. Вообще же крестьяне увѣрены, что никто изъ нихъ не имѣетъ права отдавать землю въ аренду за деньги даже хоть-бы на одну „вѣшну“, т. е. на одинъ яровой сборъ; разъ это случилось, говорилъ тотъ же семянъжовскій крестьянинъ, и дѣло то до высшаго начальства „допѣхалось“, и тогда будто начальство сказало крестьянину, сдавшему землю въ аренду: „ты не властелинъ землѣ, продавать её не смѣешь; земля царская“. Не имѣя возможности расширить свое хозяйство на счетъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей, богатый крестьянинъ тайно отъ лѣснаго надзора чиститъ новину въ казенной дачѣ. Тѣ изъ новинъ, которыя находятся далеко отъ деревни, изъ которой новинщики, обращаются въ починки.

Подъ починки избираютъ зарослыя дербы *), гари и ломы; по словамъ же другихъ, гарей и ломей избѣгаютъ, такъ какъ попадаютъ гари, три раза горѣвшія, на которыхъ хлѣбъ плохо родится; напротивъ будто бы ищутъ мѣстъ, гдѣ растетъ зеленый лѣсъ и *Trifolium pratense*. Что многіе починки основаны на старыхъ дербахъ, свидѣтельствуютъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ наприм.: Зарослыя Дербы, Калинины Дербы, Семейныя

*) Дербой назыв. небольшая кулига, выжженная подъ ленъ. Срви. Лит. dirbu, dirbau, dirpti работать. Ред.

Дербы, Юрины Дербы, которая выжегъ какой-то Юра, Паршины Дербы, гдѣ прежде жилъ какой-то Парша; на послѣднемъ починкѣ починцы выпали старое банище, слѣдовательно тутъ было даже жилье.

На время чистки новины починецъ ставить шалаши; шалаши эти срубаются изъ жердей, какъ рубится изба—т. е. изъ четверугольных вѣнцовъ; по срединѣ дѣлается яма для огня; по сторонамъ ея кладутъ два камня, на нихъ палку, на которую вѣшаютъ котелъ. Для выхода дыма въ потолокъ дыра, которая затыкается снизу мѣшкомъ съ травой или чурбаномъ. Хлѣбъ пекутъ въ сосѣдней къ починку деревнѣ, если „старина“ далеко.

Послѣ вырубки лѣса на новинѣ первое дѣло: „выпрятать валы“, т. е. сложить поваленный лѣсъ въ валы или гряды; подъ иное дерево человѣкъ до 10 запрягаются; самыя большія деревья разсѣкаютъ штуки на 3. Выпрятываютъ валы иногда помощью. Затѣмъ жгутъ и „катаютъ“ валы, т. е. перекашиваютъ горящій валъ вдоль новины. Это самая трудная и черная работа; руки становятся черныя, просмаливаются сѣрой и напитываются сажей, такъ что не отмываются. Къ этой копоти присоединяется дымъ, который починцы должны переносить въ своихъ шалахахъ. Пни однакожь остаются въ почвѣ; землю пахутъ зигзагами, опахивая пеньки. Въ то лѣто, какъ посѣютъ рожь, строятъ уже избушку, бьютъ въ ней печь и привозятъ бабъ.

Какъ скоро починецъ перевезъ на починокъ свое семейство и скотъ, старина отказываетъ ему въ своей землѣ. Обыкновенно это дѣлается на 3-й годъ послѣ основанія починка, и только поддушные покосы сохраняютъ починцы часто въ теченіи 20 лѣтъ, живя на починкѣ иногда въ 25 верстахъ отъ старины. Отказъ старина оправдываетъ тѣмъ, что починцы съ перевозомъ своего скота на починокъ прекращаютъ назмить свою полосу на старинѣ.

Черезъ 5 лѣтъ карчуютъ пни, когда „протрухнутъ“ корни. Совершается это посредствомъ длинныхъ рычаговъ; корни предварительно подсекаются. Легче всего корчуются березовые, еловые и пихтовые труднѣе. Пихтовый пень требуетъ до 5 человѣкъ рабочихъ.

Новины, которыя послѣ расчистки не бросаются, а назмются и обрастаются подъ вѣчный посѣвъ, называются кулигами. Иногда на починокъ выселяются разомъ три семьи или онѣ выселяются одна послѣ другой вскорѣ; каждая семья расчищаетъ себѣ отдѣльную кулигу. Впослѣдствіи это кулижное владѣніе землей прекращается; черезъ пять лѣтъ послѣ основанія починка давши каждому основателю снять три, четыре травы палочника *) съ его

*) Палочникъ (*Phleum pratense* L.)—единственная трава, которую здѣсь сѣютъ: Палочникъ сѣютъ на новину вмѣстѣ съ рожью, рожь вымачиваютъ и просѣиваютъ, сѣмена палочника отдѣляются и могутъ идти на слѣдующій посѣвъ; но-

кулиги, въ вознагражденіе за его труды при чисткѣ, всѣ кулиги объявляются общимъ достояніемъ и распредѣляются по душамъ „поконно“. И тѣ починки, которые основаны очень состоятельными крестьянами, въ послѣдствіи перемѣняютъ кулижное землевладѣніе на общинное и раздѣляютъ земли поконно. Еще при своей жизни, основатель починка припускаетъ на починокъ чужаго крестьянина за деньги; одинъ крестьянинъ, какъ мнѣ говорили, на припускъ за починокъ, заплатилъ починцу 150 руб. Наконецъ и у самаго починца разрастается семейство, дѣлится, строятъ особые дворы, и образуетъ цѣлую деревню. Названія нѣкоторыхъ деревень указываютъ, что онѣ ничто иное, какъ одно обширное семейство, какъ напр. Корнията, Денията, Микулята или Ермаковщина, Хомяковщина, Медвѣдевщина, Некрасовщина, Окуловщина, Леонтьевщина и проч. Члены разрастаются, семейства дѣлятъ скотъ и кулиги, и потомъ распредѣляютъ ихъ поконно. Такимъ образомъ возстановляется общинное хозяйство на починкахъ. Вообще колонизація временно разрушаетъ общину. Мнѣ называли только два починка, которые были основаны общинами. Основатели починка Мараксинскаго на р. Мараксѣ (впад. въ Шайму) расчищали землю подъ пашню полосами; назначать лѣсъ подъ чистку, артелью „ска-тять“ и тотчасъ же размѣряютъ по душамъ поконно. Починокъ Сидоровъ въ вершинахъ Калюга состоитъ изъ 4-хъ семействъ, въ которыхъ душъ не поровну, но каждое семейство владѣетъ четвертью расчищенной земли, потому что при основаніи починка семейства условились поровну чистить и поровну владѣть до ревизіи.

Въ настоящее время положенъ рѣшительный конецъ самовольному поселенію въ казенныхъ дачахъ; всѣ жители починковъ, которые существуютъ не менѣе 10 лѣтъ, обязаны приписаться на мѣста своего настоящаго жительства; основывать вновь починки запрещено, и лѣсная стража строго слѣдитъ за этимъ. Новины еще расчищаютъ иногда украдкою, но несравненно рѣже противъ прежняго. Такимъ образомъ прекращена дальнѣйшая разработка су-зѣма подъ культуру, и границы его должны остаться навѣчно одни и тѣ же. На никольскій суземъ смотрятъ, какъ на богатство для всего государства, которое можетъ быть расхищено безъ пользы для него, если не будутъ приняты мѣры для его обереганія? Но рационально ли такое сохраненіе его на вѣчныя времена недоступнымъ для колонизаціи. Приносить ли этотъ лѣсъ такую экономическую пользу, чтобы въ видахъ цѣлой Россіи слѣдовало его сохранить въ неприкосновенной цѣлости? Несмотря на обиліе его здѣсь, это нисколько не удешевляетъ цѣну на лѣсъ въ Саратовской губерніи; для мѣст-

вину же бросаютъ: на ней въ слѣдующій годъ вырастаетъ отличный палочникъ, который снимаютъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ

ныхъ же жителей суземъ заключаетъ въ себѣ не одно можетъ быть неблагоприятное условіе. Суземъ мѣшаетъ развитію культуры, онъ бесполезно отнимаетъ у нея пространство въ такой области, гдѣ почва не отличается плодородіемъ, гдѣ земледѣліе можетъ поддерживаться новинами, чтобъ удовлетворять нуждамъ населенія; размѣръ посѣвовъ въ здѣшнемъ краѣ уменьшается вслѣдствіе строгаго запрещенія жечь новины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и запасъ хлѣбовъ, находящійся въ амбарахъ крестьянъ. Прежде, рассказывали мнѣ крестьяне въ селѣ Андреевскомъ, по 2 амбара съ хлѣбомъ у каждого крестьянина бывало, и этимъ богатствомъ они были обязаны новинамъ; рожь на новинѣ растетъ лучше, чѣмъ даже на унавоженной полосѣ; на полѣ, говорятъ крестьяне, изъ 1 рѣшета урожается 3, на новинѣ изъ 3—6, на полѣ изъ одной ржинки выходитъ по 2 и по 3 стебелька, на новинкѣ по 6 и 7. Въ старину одинъ хозяинъ сжиналъ съ одной своей новины по 20 овиновъ. Въ Меньковой было семейство изъ 5 братьевъ, изъ которыхъ остался только одинъ, уже сѣдой старикъ; эти братья въ старину снимали съ полей и новинъ 45 овиновъ; каждый оvinъ даетъ $3\frac{1}{2}$ мѣры или 17 пудовъ; слѣдовательно братья снимали 765 пудовъ. Добывать такое богатство въ настоящее время уже невозможно, благодаря запрещенію чистить новины, хлѣбныхъ запасовъ у крестьянъ нѣтъ, и потому неурожаи разрѣшаются феноменальными голодами.

Вѣроятно суземъ остается не безъ вліянія и на среднюю температуру края и на содержаніе излишней сырости съ почвъ. Разрѣженіемъ его мы могли бы создать болѣе благоприятный климатъ для культуры, чѣмъ какой существуетъ теперь, и увеличить урожаи на поляхъ. Наконецъ суземъ служить большимъ препятствіемъ для торговыхъ сношеній; мы видѣли, что колонизація прорѣзала его только въ одномъ мѣстѣ въ цѣломъ уѣздѣ, именно около Пермаса; другой удобный путь съ сѣверной стороны на южную находится уже въ Тотемскомъ уѣздѣ изъ дер. Княжевой на Кему. На остальномъ пространствѣ черезъ суземъ ведутъ только длинные волока или даже пѣшеходныя тропы. Суземъ служить сильнымъ разъединяющимъ агентомъ въ экономическомъ и общественномъ отношеніи, и область, которая лежитъ къ сѣверу отъ него, отличается рѣзкими областными особенностями: здѣсь свое нарѣчіе, свои нравы и обычаи, другіе промыслы, другая рабочая плата, другія соціальныя отношенія. Если мѣстные интересы приносятся въ жертву только казенному доходу, то не выгоднѣе ли было бы и для самой казны, вмѣсто сохраненія казенныхъ дачъ неприкосновенными, расширить районъ земель, обращаемыхъ подъ культуру и поднять чрезъ это благосостояніе крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и податную силу государства. Если лѣсъ охра-

няется въ качествѣ питателя водой волжской системы, то не дѣлаемъ ли мы жертвы въ пользу цѣлаго государства изъ самаго бѣднаго населенія государства? Каждый членъ государства, каждая область должны приносить посильную жертву цѣлому государству, но величина ея должна быть соразмѣрена со средствами жертвователя—въ противномъ случаѣ жертва причинить ему раззореніе, т. е. будетъ имѣть послѣдствіе, противоположное цѣли жертвоприношенія. Жалко не то, что обрѣдѣтъ сузѣмъ, внутри котораго массы лома безплодно гніютъ, заболачиваютъ почвы или вдругъ цѣлыми площадями выгораютъ, жалко, что крестьяне не имѣютъ здраваго понятія о лѣсномъ хозяйствѣ, и истребляютъ лѣсъ безъ жалости въ дачахъ, которыя примежеваны къ ихъ деревнямъ. Отъ этого и происходитъ такое явленіе, что среди лѣсной страны лежатъ пустыри, страдающіе отъ безлѣся, что въ лѣсной странѣ, какъ Вятская губернія, топятъ избы соломой, что въ Никольскомъ лѣсничествѣ, которое считается перворазряднымъ, сложилась пословица: „живемъ въ лѣсу, а дрова съ вѣсу“. Въ настоящее время лѣсничій ограничивается ролью стража, слѣдящаго за самовольными порубками; задача его должна быть другая; во первыхъ, онъ долженъ распространять въ народѣ идеи о рациональномъ лѣсномъ хозяйствѣ посредствомъ лекцій или другимъ путемъ, во-вторыхъ, какъ это было уже однимъ изслѣдователемъ сѣвера замѣчено, восстановленіемъ лѣса на новинахъ, чистка которыхъ должна быть разрѣшена въ интересахъ мѣстнаго крестьянства. На это могутъ возразить, что чистка новинъ производится богатыми крестьянами, и разрѣшеніе новинъ только послужить къ выдѣленію изъ общинъ капитала въ видѣ частныхъ капиталовладѣльцевъ. Дѣйствительно, мнѣ случалось говорить объ этомъ съ крестьянами и мнѣ приводилось отъ нихъ нерѣдко слышать такіа опасенія, что съ переходомъ лѣснаго хозяйства въ другія руки, напримѣръ земства или самихъ обществъ, только наживутся богатые крестьяне, которые сожгутъ лѣсъ на новинахъ, маломочный же крестьянинъ останется простымъ зрителемъ лѣсоистребленія. Крестьяне равнодушны къ растущему гдѣ-нибудь вдали отъ нихъ частному капиталу, Шипову или Губонину, лишь бы не выходилъ въ выскочки кто нибудь изъ ихъ собственной среды. Они легче переносятъ поборы объѣзджиковъ, чѣмъ эксплуатацію богатаго мужика. Имъ кажется, что эти поборы меньше нарушаютъ равенство въ ихъ средѣ, чѣмъ какое можетъ произвести уничтоженіе ограниченій богатаго крестьянина.

Изъ всего сказаннаго однакожь слѣдуетъ только то, что новинная эксплуатація почвы должна быть организована такъ, чтобъ всѣ члены общины принимали въ ней участіе, а не тѣ только, которые имѣютъ въ семьѣ больше работниковъ и лошадей. Вѣдь устроено же въ нашей общинѣ пользованіе

землей въ пахотномъ полѣ такъ, чтобъ богатый крестьянинъ не имѣлъ шансовъ на особенно выгодное положеніе сравнительно съ бѣднякомъ; правда, что при этомъ не обошлось безъ сильнаго участія начальства: правда также и то, что для народа еще труднѣе установить равенство въ пользованіи такимъ источникомъ богатства, какъ лѣсъ, которое слишкомъ громадно для того, чтобъ община своими единичными силами могла учредить какія нибудь ограниченія. Вообще такіе источники богатства, какъ лѣсъ, степь, море, недопускающія владѣнныхъ грамотъ, въ тоже время даютъ возможность образоваться выскочкамъ капитала; подобно тому, какъ уральская община не умѣетъ организовать на общихъ началахъ пользованіе пустопорожними степями, что дало возможность возникнуть на Уралѣ ряду богатыхъ бараноторговцевъ, такъ здѣсь суѣмъ даетъ возможность новинщикамъ разбогатѣть сравнительно со своими сосѣдями. Чтобъ воспрепятствовать этому, можно бы позволять расчищать новины только общиной, посредствомъ общественной запашки съ тѣмъ, если хотите, чтобъ на другой годъ община обязана была снова вспахать новину и посѣять ель; такимъ образомъ новины потеряли бы характеръ и лѣсоистребленія и того потаённаго хода, по которому обыкновенный крестьянинъ пробирается въ мірофды. Народъ привыкъ видѣть въ правительствѣ опекуна, и роль эта за нимъ должна остаться; къ сожалѣнію народъ имѣетъ наклонность совершенно слагать съ себя на правительство всю общественную дѣятельность безъ остатка, что впрочемъ при совершенномъ его невѣжествѣ ему извинительно. Когда большія русскія общины, какъ Новгородская или Яицкая жили полной общинной жизнью и только въ самихъ себѣ должны были находить силы для установленія экономическаго равенства, въ нихъ происходили постоянныя волненія; община была потрясаема партіями Буслаева или Борецкой или её раздирали двѣ фамиліи Макаровыхъ и Назаровыхъ *); не имѣя вѣшной опоры, община должна была постоянно бороться противъ эксплуатаціи собственныхъ болѣе счастливыхъ членовъ, должна была быть вѣчнымъ стражемъ и алармистомъ противъ богачей. Прислушиваясь къ тайнымъ желаніямъ современнаго простаго народа, я во всѣхъ общинахъ замѣчалъ боязнь именно предъ такой бурной общинной жизнью и недовѣріе къ собственной силѣ, опасеніе, что община, предоставленная себѣ самой, не обуздаетъ внутри себя собственной властью, безъ помощи начальства, возставшіе противъ общаго благосостоянія элементы. Русская современная община привыкла къ тихому теченію жизни и была бы вполне довольна своимъ настоящимъ положеніемъ, если бъ правительство довело свою опеку до послѣднихъ мелочей; но оно

*) Двѣ фамиліи въ яицкомъ войскѣ, соперничавшія изъ-за власти во время существованія выборныхъ атамановъ.

этого не можетъ, не должна же и въ общинѣ самодѣятельность и самозащита замирать до совершеннаго исчезновенія; правительство должно быть опекуномъ общины, но опекуномъ либеральнымъ, принимающимъ мѣры къ защитѣ общины отъ разрушенія и разлагающихъ её элементовъ, и въ то же время дающимъ ей просторъ къ полному развитію своихъ умственныхъ и физическихъ силъ.

Занятіемъ вершинъ Луптюга и Ирдомы починцы оказывали услуги государству—они расширили культурную площадь. Можно только пожалѣть, что колонизація эта совершается распаденіемъ общины. Было бы гораздо лучше, если бъ въ сузѣмъ народъ выселялся цѣлыми общинами, чистилъ бы лѣсъ всей артелью, какъ это сдѣлали мараксинцы, и тотчасъ же дѣлили покосно.

Что касается вопроса, дѣленіе сѣна въ копнахъ есть ли обычай, принесенный съ далекаго славянскаго юга, или славянское племя, забившіеся на крайній сѣверъ, утратило общину и потомъ постепенно создало тѣ же формы уже на мѣстѣ, то мнѣ кажется, что если и нѣтъ рѣшительныхъ основаній считать его мѣстнаго происхожденія, за то можно найти много обстоятельствъ, дѣлающихъ подобное заключеніе все таки очень естественнымъ. Мы видимъ здѣсь общину въ движеніи; въ ней дѣйствуютъ разлагающіе элементы, которые заводятъ пожни, кулиги и починки; но творческая сила снова охватываетъ разложившіеся элементы и постепенно ведетъ къ той сложной формѣ общиннаго хозяйства, до котораго въ состояніи былъ ощупью дойти крестьянинъ, лишенный помощи науки и образованія. Что къ артельному выкашиванію луговъ и къ дѣлежу сѣна въ копнахъ здѣшніе крестьяне пришли сами уже здѣсь, что это не есть какіе-нибудь обломки традицій, въ пользу такого мнѣнія можетъ говорить то обстоятельство, что здѣсь можно найти и подготовительныя работы къ этому обычаю, такъ сказать, черновыя тетради. Обычай бросать жеребій о копнахъ употребляется во всей Березовецкой волости, и это дѣлается въ такихъ случаяхъ, когда какой-нибудь семьѣ достанется очень узкая поженка, напримѣръ только на одну душу. Тогда онъ упрасиваетъ сосѣда слиться; совершивъ унію, онѣ, двѣ семьи, общей артелью выкашиваютъ свой надѣлъ и потомъ дѣлятъ копны между собой по числу душъ въ семьяхъ. Правда, выкашивание общиной существуетъ только тамъ, гдѣ есть луга; обстоятельство это какъ будто указываетъ на то, что такой обычай былъ примѣненъ къ мѣстамъ, гдѣ не было чистки отъ лѣса, что онъ явился въ этихъ мѣстахъ потому, что это были единственныя мѣста, къ которымъ явившаяся община могла примѣнить обычай общиннаго труда, однакожь такое мнѣніе едва ли справедливо, потому что едва ли эти луга не были во время заселенія первыхъ колонистовъ заняты такой же лѣсной

трущобой, какъ и всѣ другія здѣшнія мѣста. Обычай сливать въ одну дырѣ поженки и дѣлить копу при извѣстной густотѣ населенія могъ возникнуть и самостоятельно, безъ помощи традицій; можетъ быть въ послѣдствіи нашли удобнымъ расширить его примѣненіе и распространить на луговые сѣновосы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гр. Потанинъ.

Этнографическія замѣтки на пути отъ г. Никольска до г. Тотмы.

(Продолженіе).

7 августа мы были въ деревнѣ Вахиѣ или Вахневой, 18 вер. отъ Мякишевой. Деревня эта лежитъ при р. Шарженѣ; дорогой мы перешли по мосту черезъ р. Андангу, близъ ея устья. Рѣкъ этого имени въ Никольскомъ уѣздѣ три, если не болѣе; одна впадаетъ въ Югъ слѣва, выше Пермаса, другая справа, также выше Пермаса, третья течетъ въ Шарженѣгу изъ сѣверной оконечности Никольскаго суѣма и впадаетъ близъ дер. Вахи. Возлѣ моста черезъ Андангу находится мельница. Мельницы пока единственные общественныя имущества у здѣшнихъ крестьянъ; они могли бы имѣть воспитательное значеніе для крестьянскихъ общинъ, если бъ находились въ дѣйствительномъ распоряженіи ихъ; въ сущности онѣ только считаются *de jure* общественнымъ имуществомъ, но общины никакой власти надъ ними не имѣютъ и сдаются онѣ въ аренду волостнымъ начальствомъ. Мельница на Андангѣ была по обыкновенію построена крестьяниномъ, но съ тѣмъ, чтобъ черезъ 12 лѣтъ она поступила въ церковную казну; прежде она сдавалась въ аренду церковнымъ старостой. Миѣ говорили, что она и теперь сдается имъ, но это едва ли такъ; сами крестьяне хорошо не знаютъ, какъ совершается сдача мельницъ въ аренду. За помолъ здѣсь берутъ по 1½ к. с. съ мѣшка и кромѣ того лопатку въ 10 ф. Въ другихъ мѣстахъ существуетъ другая плата. Въ Родюкинск. обществѣ считается 8 мельницъ; въ одной изъ нихъ мельникъ беретъ 3 в. и лопату муки фунтовъ въ 6 съ мѣшка, въ которомъ бываетъ до 10 пудовъ, а съ жителей города Никольска по 2 к. съ пуда; другой мельникъ беретъ по 5 коп. съ человѣка въ годъ и кромѣ того по лопаткѣ съ мѣшка. Въ Тотемскомъ у. мельники берутъ по лопаткѣ съ мѣшка; лопаты разной величины; съ большого мѣшка берутъ большую лопату, съ малаго малую; другіе берутъ по 1 к. с. съ мѣшка; болѣе опредѣляютъ цѣну на „самовзглядъ“.

Всѣхъ мельницъ въ Никольскомъ уѣздѣ по свѣдѣніямъ, собраннымъ уѣздн. земск. управой, 247; въ томъ числѣ водяныхъ мельницъ 208, водяныхъ толчей 11, вѣтряныхъ мельницъ 28. Въ свѣденіяхъ управы не вездѣ сдѣлано раздѣленіе ихъ на общественныя, частныя, церковныя и казенныя, и потому мы не можемъ привести полную цифру общественныхъ мельницъ; вотъ однакожъ тѣ свѣденія, въ которыхъ сдѣлано указаніе на принадлежность мельницъ обществамъ. Въ Шонго - Николаевской волости считается мірскихъ мельницъ и толчей 18, въ Бобровско-Захаровской 13, въ Плесовской 7, въ Шестаковской 10, Езекіевской 15, Родювинской 9, Павинской 7, Лапшинской 23, Черновско-Николаевской 24, Байдаровской 18, Аргуновской 11. Общая стоимость ихъ 21547 р., дохода доставляютъ владѣльцамъ 3247 р. Кромѣ того безъ указанія, общественныя или нѣтъ, мельницъ показано въ Утмановской волости 5, Щеткинской 13, Волмангской 4, Лузянской 6, Березниковской 12, Вознесенской 16, Кемской 7 и Подболотной 19. Одна мельница Спринская въ Бобровской волости показана находящеюся въ распоряженіи довѣреннаго крестьянъ Трофимовскаго общества. Не знаемъ, составляетъ ли она единственное исключеніе въ уѣздѣ.

Кромѣ общественныхъ мельницъ въ Никольск. у. есть еще казенныя оброчныя мельницы, именно въ Никольск. лѣсничествѣ—Ветлугская, сдается въ аренду за 1 р., Большестрѣлковская за 41 р. 50 к., Ушаковская за 12 р. 10 к., Герасимовская за 75 р. 30 к., Тимонковская за 58 р. 5 к., Степучевская за 5 р. 75 к., Кодочиговская за 5 р. 20 к., Степучевская (другая) за 5 р. 25 к., Лундонгская за 2 р., Кемская за 7 р. 25 к., въ Путемскомъ лѣсничествѣ Аксеновская за 41 р., Морозовская за 15 р. 35 к., Путемская за 33 р. и Лодейно-Раменская за 11 рублей

Въ деревнѣ, Вахнѣ въ избѣ нашего хозяина, я нашелъ очень вычурный приголовашекъ у печи. Здѣшнія печи по большей части безъ трубъ; кожуха, т. е. той части трубы, которая находится внутри избы, здѣсь не дѣлаютъ вовсе, только для того, чтобъ дымъ не завивалъ надъ печью. дѣлается надъ цѣломъ стѣнка, кончающаяся вверху шлемообразно; это называется п а з у х о й; шестокъ т. е. выступъ печнаго пода передъ цѣломъ съ боку одѣвается доской, которая назыв. столбушкой; верхняя часть столбушки, приголовашекъ, поднимается четверти на двѣ выше шестка и бываетъ украшена разнообразными вырѣзами; подлѣ приголовашка садятся обыкновенно на шестокъ маленькія дѣти въ то время, какъ печь топится. Приголовашекъ, срисованный мною въ Вахнѣ, имѣетъ сходство съ тѣми фигурами, которыя подъ названіемъ кабылокъ украшаютъ въ здѣшнихъ избахъ с ѹ д и. Судками здѣсь назыв. передній уголъ вообще и божница въ особенности, божница здѣшняя имѣетъ видъ полки, состоящей изъ треуголь-

ника, вставленнаго въ передній уголь и двухъ крыльевъ вдоль правой и лѣвой стѣны. На концахъ крыльевъ находятся шлемовидныя украшенія, которыя называются кобылками; иногда форма конской головы очень не ясно представлена въ этихъ украшеніяхъ, иногда же видны даже два уха, какъ на рисункѣ, который я сдѣлалъ въ дер. Кумбисеръ (по системѣ р. Лохн). Вѣроятно кобылки въ судахъ имѣютъ одно происхожденіе съ коньками на крышахъ, т. е. ведутъ свое начало отъ временъ приношеній въ жертву животныхъ. Можетъ быть и уголь у печи былъ мѣстомъ, куда ставились священные предметы; въ Сибири, въ Алтаѣ, столбъ, который служитъ вмѣсто верхняго ребра печи, называется стамикомъ и приходится около того мѣста, гдѣ здѣсь устанавливается столбушка, считается мѣстомъ, находящимся въ связи съ сверхъ-естественнымъ; во время свадебъ, человѣка, ставшаго у столика, подозрѣваютъ въ козловствѣ и намѣреніи испортить свадьбу. Въ Никольск. у. на столбушкахъ встрѣчаются кромѣ конскихъ головъ и другія формы, въ особенности же какой-то кругъ съ крестомъ внутри.

Знакомство съ моими спутниками-малороссіянами дало мнѣ возможность сдѣлать сравненіе между нашими сѣверянами и южанами, и замѣтить нѣсколько чертъ различія. Моихъ спутниковъ поражаало трудолюбіе здѣшнихъ жителей; они смотрѣли не съ уваженіемъ на эту черту, а съ жалостью, считая здѣшнихъ жителей за несчастныхъ людей, которые живутъ въ такой бѣдной странѣ, гдѣ земледѣлецъ долженъ назмѣть свою землю, гдѣ каждую пядь новой земли нужно вычистить изъ-подъ лѣсу; сколько трудовъ, которыхъ не знаютъ южане, сколько навозной грязи и сажу, въ которыхъ крестьянинъ долженъ выпачкаться при возкѣ навоза или при катаніи валковъ. И при всемъ томъ страна вознаграждаетъ земледѣльца очень скудно: нѣтъ фруктовъ, пшеница черная, хлѣбъ пекутъ ячменный, сѣнокосъ безтравный. Моихъ спутниковъ удивляло неуваженіе здѣшнихъ жителей къ праздникамъ; они считали ихъ мало набожными за то, что тѣ работали иногда въ воскресенье, торопясь убрать овощъ; здѣшній предразсудокъ, что рождѣ только тогда и родится хорошо, если посвятить ее хоть горсть, хоть подъ вечеръ въ праздникъ, казался имъ нечестіемъ.

Однажды, проходя черезъ деревню, мы увидѣли старушку, шедшую черезъ улицу; она пересѣкла намъ дорогу шагахъ въ 30 или 40 впередъ перваго воза.

По мнѣнію моихъ спутниковъ она сдѣлала очень дурно; она должна была подождать, пока не прѣдутъ люди, хоть будь тутъ цѣлый обозъ. Такая трата времени на пустые обряды немыслима на сѣверѣ, гдѣ требуется усиленный и спѣшный трудъ, потому что лѣто коротко. Здѣшній народъ въ

сравненія съ моими спутниками казался болѣе живымъ, болѣе трудолюбивымъ и гораздо бѣднѣе обрядами, увеселеніями и играми.

Въ отношеніи духовной культуры видно было, что мои спутники—уроженцы страны, которая находилась вблизи древней цивилизаціи, напротивъ, мѣстные жители казались недавно вышедшими изъ дикаго звѣроловнаго быта. Мои спутники были неграмотны и тѣмъ не менѣе отецъ передавалъ своимъ дѣтямъ много легендъ о дѣвѣ Маріи, о Ноѣ, о Іосифѣ и т. п., о чемъ здѣшніе жители не имѣютъ никакого понятія. Они не употребляли площадной брани въ присутствіи собственной дочери, тогда какъ у здѣшнихъ жителей подобную брань можно услышать отъ дѣтей, потому что отцы и взрослые братья употребляютъ ее не стѣсняясь ни присутствіемъ женщинъ, ни присутствіемъ дѣтей. Про дѣвицъ они говорятъ: у дѣвицъ уши заткнуты серебромъ, т. е. серьгами. Отъ этаго я встрѣчалъ здѣсь семилѣтнихъ дѣтей, которые уже были въ въ состояніи рассказывать скверные анекдоты и ругать отцевъ нескромной бранью. Дѣти малороссіянъ, шедшіе со мною, были напротивъ воспитаны нравственно и стыдливо.

Здѣшнія дѣти воспитываются иначе, или лучше сказать здѣсь нѣтъ никакого воспитанія. Они воспитываются жизнью въ обществѣ большихъ. Ничто отъ нихъ не скрывается, ни слова, ни дѣла, ни страсти. Поэтому скоро они все узнаютъ, рано становятся серьезными. Со старшими они держатся на равной ногѣ, и старшіе относятся къ нимъ съ меньшей суровостью, чѣмъ на южной сторонѣ алауно-уральской гряды (можно сказать—даже съ нѣжностью).

Мнѣ одинъ очевидецъ рассказывалъ, что въ деревнѣ Полтинской (вотчинѣ графа Шереметьева) въ Ярославской губ. жило до 30 душъ взрослыхъ подѣ деспотическимъ управленіемъ дѣда 120 лѣтъ. Однихъ дѣтей было до 30. Низшіе члены семьи уже имѣли право вѣнчаться между собою. Жили всѣ въ одномъ деревянномъ домѣ; сыновья занимались торговлей подѣ строгимъ контролемъ семейнаго деспота; сынъ не смѣлъ купить своей женѣ пряникъ; онъ докладывалъ о своемъ желаніи отцу и тотъ покупалъ разомъ для всѣхъ снохъ ситцу или платковъ непремѣнно одинаковой цѣны. Обѣдали въ три стола; первый столъ—большіе мужики, второй—бабы, третій—дѣти. Старикъ обѣдалъ съ дѣтьми и садился въ концѣ стола всегда съ плетью въ рукѣ. Шалунъ и ослушникъ тутъ же получалъ воздаяніе. Конечно, при такомъ воспитаніи дѣти должны очень поздно развиваться; мужчина лѣтъ тридцати, женатый, имѣющій дѣтей, при такихъ порядкахъ умѣетъ отвезти проданный отцомъ хлѣбъ по назначенію и вообще исполнять только приказанія, не имѣя права ни располагать работы по своему усмотрѣнію, ни распорядиться имуществомъ. Такое деспотическое воспитаніе оставило по себѣ память въ народномъ названіи растенія „дѣдовникъ“, *Cirsium*, которое своими

колючками вбивать руки жнецовъ и которое также называется татарникомъ, иордовникомъ и царемъ.

Здѣсь я не замѣтилъ такого отцовскаго деспотизма; напротивъ, шедшіе со мной малороссіане, кажется, съ большей суровостью относились къ своимъ дѣтямъ и я видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ ударилъ своего трехлѣтняго ребенка розгой по головѣ. Вообще дѣти малороссіянъ были скромны и вмѣстѣ съ тѣмъ пугливы. Здѣшнія же дѣти очень рано пользуются самостоятельностью, теряются по цѣлымъ днямъ въ лѣсу, вмѣшиваются въ разговоръ большихъ и въ обращеніи ихъ со старшими совсѣмъ нѣтъ признаковъ подчиненности. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ мальчикъ лѣтъ 9 принесъ домой налима, вынутаго изъ чьей-то чужой ванды *), чьей—нельзя было узнать, потому что всѣ ванды снесло прибывшей отъ дождя водой и разбросало по берегу. Отецъ и мать ребенка порѣшили сварить налима, девятилѣтній сынъ протестовалъ, настаивая, что рыбу слѣдуетъ отнести къ сосѣду, которому по его догадкамъ принадлежитъ ванда, и взять рыбу себѣ только тогда, если сосѣдъ не признаетъ ее своей добычей. Отецъ и мать спорили съ ребенкомъ, стараясь доказать на основаніи деревенскихъ юридическихъ понятій, что рыба эта не должна принадлежать хозяину. Часто мнѣ случалось быть свидѣтелемъ, какъ 10 лѣтнія дѣти издѣвались надъ взрослымъ, острили по поводу его уличнаго имени, и тотъ этимъ нисколько не обижался. Во время картѣжныхъ игръ и на игрищахъ дѣти тутъ же присутствуютъ, пристраиваются къ играющимъ и иногда даже участвуютъ. Одинъ танецъ даже начинается не рѣдко мальчикомъ лѣтъ 10. Такъ какъ семья здѣсь смотритъ на ребенка, какъ на работника, и рано начинаетъ эксплуатировать его, то и ребенокъ начинаетъ рано цѣнить свой трудъ и предъявлять свое право на участіе въ распоряженіи имуществомъ. Здѣсь бываетъ екупка тряпья для писчебумажныхъ фабрикъ, которое отправляется въ Макарьевъ на Уньжѣ и прежде покупалось по 1 в. ф., а нынѣ по 2 в. Сдають его чаще ребята; обычая, который бы признавалъ тряпье ихъ добычей, не существуетъ, но парень собираетъ его по своему дому, не спрашиваясь никого, и бѣжитъ къ скупщику; родители видятъ, но не возражаютъ, говоря: что надо же ему на что-нибудь купить пряниковъ.

Игры дѣтскія здѣсь не представляютъ того разнообразія, какъ на югѣ или востокѣ Европейской Россіи. У десятилѣтнихъ дѣтей я нашелъ только игры въ лѣпту, въ шаръ, въ бабки и вычигиваніе чижики. Лѣптой называется мячикъ, сплетенный изъ берестяной ленты въ два ряда, т. е. съ подковыркой. Внутрь заплетаются въ мохъ завернутые камешки, чтобъ усилить тяжесть и упругость лопты; они бываютъ продолговатыя и круглыя.

*) Ловушка для рыбы.

Называютъ этотъ мячъ различно: лóпта, лóбка, лóкти, лóпта *). При игрѣ въ лопту дѣти дѣлятся на двѣ равныя партіи и одна становится линіей, подаетъ лóпту, ловить её и „лѣпить“ бѣгающую партію, другая же партія бѣгаетъ вдоль линіи и бьетъ лопту палкой. Для игры въ шаръ дѣлаютъ лунки и у каждой становится игрокъ съ палкой; одинъ игрокъ катаетъ шаръ по лункамъ; въ чьей лункѣ шаръ остановится, тотъ долженъ попадать въ шаръ палкой на воздухъ; для этого тотъ, который каталъ шаръ, подбрасываетъ шаръ на воздухъ.

Въ играхъ въ лопту и шаръ принимаютъ участіе и взрослые парни; въ праздники, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, на какой-нибудь опредѣленной площадкѣ, подлѣ деревни происходитъ игра, въ которой участвуетъ все молодое поколѣніе цѣлой деревни.

Дѣти ниже 10 лѣтнаго возраста играютъ въ импровизированныя игры, которыя сами изобрѣтаютъ. Въ этихъ играхъ дѣти обыкновенно подражаютъ большимъ, такъ что на играхъ часто отражаются измѣненія въ образѣ жизни цѣлаго народа. Дѣвочки обыкновенно стрѣпаютъ пироги изъ глины и сушатъ на солнцѣ; эти маленькіе глиняные пирожки, копія по формѣ съ большихъ настоящихъ пироговъ, которые здѣсь дѣлаютъ изъ ячменной муки. Въ Тотмѣ мѣщанскія дѣвочки строятъ „шалаши“, каждая въ своемъ дворѣ, настрянываютъ пироговъ изъ глины, рѣпы и проч. и „гостятся“, т. е. ходятъ другъ къ другу и угощаются этими пирогами. Я зналъ одну женщину въ Тотмѣ, которая про себя рассказывала, что въ дѣтствѣ ѣсть глину у ней обратилось въ такую страсть, что мать ходила нарочно за глиной за городъ; иначе обѣ маленькія дочки ея принимались колупать печь. Впослѣдствіи онѣ носили глину съ собой въ прогимназію и тамъ ѣли её. Когда я познакомился въ Тотмѣ съ одной изъ этихъ глиноѣдокъ, ей было болѣе 25 лѣтъ, и хотя она уже не имѣла прежней страсти, но при видѣ кучи свѣжей глины, все-таки не могла утерпѣть, чтобъ не съѣсть глиняный колобокъ.

Въ деревняхъ около Никольска маленькія дѣти меньше 10 лѣтнаго возраста играютъ „быками“; все дѣло состоитъ только въ томъ, что они гоняются другъ за другомъ цѣлой ватагой съ наклоненными головами, догнавъ бодаются и кричатъ: бууу! Игра въ „медвѣдя“ заключается въ томъ, что одинъ ребенокъ садится въ отдаленіи отъ другихъ, гдѣ растетъ трава. Это медвѣдь. Остальные приближаются къ нему въ рассыпную, щипаютъ траву и приговариваютъ: „дѣдушко медвѣдушно! Горошекъ воруетъ? Тятенькѣ

*) Въ другихъ мѣстахъ Россіи лоптой называется не мячъ, а лопаточка, которой бьютъ мячъ; отсюда мнѣніе, что лопта испорченная—лопата; но здѣшнее значеніе этого слова показываетъ, что корень этого слова другой и скорѣе общій съ словомъ «лапотъ».

стаканчикъ! маменькѣ стаканчикъ! А тебѣ ничего!“ Въ другихъ мѣстахъ — это просто сборщицы ягодъ. Часть дѣтей остается сидящими гдѣ-нибудь у лежащаго бревна; это — деревня. Вдругъ медвѣдь равнаетъ, бросается на ягодо-собираательницъ и одну изъ нихъ ловить, теревить и валить на землю. Она лежитъ мертвая, растерзанная. Остальныя бѣгутъ въ деревню и рассказываютъ объ ужасномъ событіи; здѣсь они получаютъ совѣтъ, возвращаются въ минимый лѣсъ, подбравываются къ трупу своей подруги, схватываютъ её и бѣгутъ въ деревню. Эта игра, характеризующая лѣсную жизнь здѣшнихъ жителей, въ послѣднее время, когда Никольскій уѣздъ обратили въ ссыльную область, и когда изъ острога бѣжало два арестанта, вдругъ измѣнилась подъ впечатлѣніемъ этого происшествія; вмѣсто медвѣдя въ лѣсу сидитъ бродяга, который грабитъ и убиваетъ дѣвушекъ, собирающихъ ягоды. Это напоминаетъ Сибирь, гдѣ дѣти также играютъ „бродягами“. Играютъ здѣсь дѣти также и въ свадьбы. Въ Пензенской губерніи дѣти собираютъ подушную черепками отъ фаянсовой посуды; эти же черепки служатъ дѣтямъ для игры въ орлянку; вмѣсто орла служитъ золотая эмаль на черепкѣ. Одна изъ малороссіянокъ, шедшихъ со мной, рассказала мнѣ, что дѣти прежде играли въ хлѣбъ: выпросить хлѣба вѣсть, а тамъ начнутъ его мять и стрѣпать; это хотъ и было грѣшно, да былъ урожай. А нынѣ дѣти стали черепочки ломать да въ деньги играть — неурожай пошли.

Дѣтекими игрушками въ деревнѣ служатъ свѣжія сосновыя шишки или дудеи, которые отцы приносятъ дѣтямъ изъ лѣсу, а также черепки отъ посуды; послѣдніе называются бабушками. Дѣвочки плетутъ изъ бересты зѣбки и шьютъ куклы съ шампурами на головахъ; деревенскія дѣвушки отвыкаютъ отъ куколъ на 9—11 году *), городскія иногда играютъ до 17. Мальчики устраиваютъ деревянныя пикунки изъ ивы и елшины, деревянныя толчен, самострѣлы, и изъ мянды (т. е. сосны) — пищалки, которыя заряжаютъ мокрой кудедей. Покупаютъ также и глиняныя пикунки въ видѣ уточекъ; въ настоящее время, заносятъ въ деревни и жастяныя пикунки. Весной мальчики строятъ мельницы на ручьяхъ, а зимой катаются на конькахъ; конькомъ называется скамеечка на трехъ ножкахъ, утвержденныхъ внизу въ широкую доску, которую снизу обмазываютъ коровьимъ пометомъ и потомъ обливаютъ водой. На этихъ конькахъ съ ледяной подошвой катаются съ возвышенностей. Дѣвочки въ Тотмѣ играютъ въ „ляпки“. Это черепки, которые кладутся на спинку руки, подбрасываются вверхъ, и ловятся ладонью.

Крестыанскіе мальчики около Никольска дѣлаютъ фурілки: мнутъ въ рукѣ глину, втыкаютъ въ неё палку и закидываютъ её посредствомъ размаха палки вверхъ или впередъ. Это же глинострѣльное орудіе въ Пензен-

*) Служащія въ пѣстуньяхъ дѣвочки все-таки продолжаютъ играть въ куклы

ской и Симбирской губ. называютъ буркало. У уральскихъ казаковъ дѣлается стрѣлка съ зарубкой, въ которую вставляется узелокъ бичевки; её видаютъ какъ пращъ; такая стрѣла называется на Уралѣ мызгáлкoй.

О экскурсіяхъ по полямъ, какія дѣлаютъ дѣти въ степныхъ областяхъ, совершаемыхъ цѣлой ватагой и сопровождаемыхъ исканьемъ гнѣздъ и яицъ, ловлей змѣй, вырѣзываніемъ дудокъ, здѣсь я неслыхалъ. Отъ одного изъ моихъ спутниковъ солдатъ, уроженца Костромской губ. Галицкаго у. я слышалъ, что на его родинѣ въ Гавеновой волости дѣти ходятъ ватагами собирать ягоды и драть корье. При сборѣ ягодъ они избираютъ изъ своей среды барина, старосту и сборщика (податей); барину каждый отсыпаетъ 2 чашки. Драть корье съ бредника дѣтей заставляютъ отцы; дѣти обращаются къ одному постарше и упрашиваютъ быть ихъ вожакомъ; онъ не заблудится и знаетъ мѣста, надравъ норья, каждый по 2 штуки даетъ вожаку за вожачество, который и безъ того надеретъ больше всѣхъ, потому что всѣхъ возрастиѣе. Корье дѣти вручаютъ отцамъ; нѣкоторые ребята два воза надираютъ въ годъ. Отцы продаютъ корье въ Судиславль на кожевенные заводы, а на деньги покупаютъ дѣтямъ подарки, картузъ и проч.

Разбиваніе дождевика существуетъ, какъ въ степяхъ, такъ и здѣсь. Въ Самарской губ. двое дѣтей, встрѣтивъ поспѣвшій дождевикъ, берутъ палки и въ разъ бьютъ по нему; лопнувъ, онъ даетъ цѣлое глаза залѣпляющее облако пыли; дѣти бросаются на разорванные куски и продолжаютъ видаться ими, стараясь перепачкать другъ друга, пока не уничтожатъ послѣднихъ остатковъ растенія. Въ Никольскомъ уѣздѣ просто тотъ, кто найдетъ дождевикъ, срываетъ его и или, нечаянно напавъ на товарища, вымазываетъ ему лицо споровой пылью, или сдѣлавъ на дождевикѣ отверстіе и зажавъ его въ кулакъ, фукаетъ пылью въ глаза. Если дождевикъ еще не высокъ и содержитъ внутри желтую слизь, тогда стараются влѣпить эту полужидкую массу въ лицо. Въ дер. Каменкѣ около Никольска дѣти придумали дождевики замѣнить болѣе близкимъ и чаще попадающимъ подъ руку продуктомъ, именно лепешками коровьяго помѣта, которыя сверху достаточно подсохли, чтобъ ихъ можно было взять на ладонь, на нижней же сторонѣ еще покрыты жижей.

Дѣти здѣсь даютъ другъ другу насмѣшливыя имена, которыя иногда произносятся только въ сердцахъ, но иногда субъектъ такъ привыкаетъ къ своему имени, что оно почти вытѣсняетъ его христіанское имя; такія имена, данныя въ дѣтствѣ, сохраняются за крестьянами до самой старости; почти у всякаго здѣсь есть такое имя, какъ наприм. Шабарша, Хабаза, Тѣма, Куркала и проч. Такія имена получаютъ и дѣвочки. Двѣ извѣстныя мнѣ дѣвочки Марія и Клаша получили отъ своихъ подругъ имена: Пія и Мака-

лаша: еще двѣ дѣвочки назывались Шарамага и Пономарица. Это обыкновеніе можетъ быть происходить у дѣтей отъ потребности въ полногласіи.

Дѣтей здѣсь зовутъ по отцамъ, прибавляя къ имени отца окончаніе *ѣнокъ*, наприм. Корнилѣнокъ, Демидѣнокъ и пр. Такія названія образуются и изъ фамилій отцовъ; дѣти Ерахина—ерашѣнки, Маслова—маслѣнки, Оленева—оленѣнки, Хабазы—хабазѣнки.

Кромѣ прозвищъ, дѣти дразнятъ другъ друга присказками, которыя рифмуются съ христіанскими именами. Вотъ записанныя мною въ разное время.

Өедя, редя, сѣѣлъ медвѣдя, кошку драку, мышъ погану (Тотьма).

Сашка, олашка, быкъ толстой, каравай густой (Тотьма).

Нивита хлопота, всѣ яйца прокаталъ (дер. Каменка, близъ Никольска).

Андрей, воробей! не клюй песокъ, не тупи носокъ (Самарск. губ.).

Андрей, воробей! чужка, пичужка, въ ж...ѣ лягушка (Самарск. губ.).

Андрей не дурей—фартухъ подерешь! (Витебск. губ.).

Гришка разстрижка (Витебск. губ.).

Гришка ярыжка, голая (вариантъ: попова) лодыжка. (Самарск. губ.).

Гришка отъ м...ы покрывка (дер. Каменка, Никольск. у.).

Яшка, синяя голяшка (Симб. губ.).

Яшка, свиная голяшка (дер. Каменка, Никольск. у.).

Пѣтька, пѣтухъ, на курицѣ протухъ (Псковск. губ. Великолуцк. у.).

Пѣтька, пѣтухъ, на г...ѣ протухъ (Никольск. уѣздъ).

Алѣшка, лепѣшка. Васька—сочень (Псковск. губ. Великолуцк. у.).

Алешка ерошка, обкакався немножко (Витебск. губ.).

Алешка пусты колеса (дер. Каменка, Никольск. у.).

Иванька, болванька! кочерыжки ковавъ, жидамъ продававъ, жида не купилъ, Иваньку облупили (Витебск. губ.).

Иванъ болванъ, молоко болталъ, да не выболталъ; тамъ тебя били въ четыре дубины пятымъ помеломъ (Нижній Новгородъ).

Ванька вонючій, кошку замучилъ, кошка ходитъ по двору, кричитъ, Ванькѣ нас...у (Псковск. губ. Великая у.).

Венька—барá (Каменка, Никольск. у.).

Сеня, безеня, везъ бабу на санкахъ, санки—скокъ и Сенькѣ—въ лобъ (Каменка, Ник. у.).

Васька, васюкъ, полезай на сукъ, тамъ кошку дерутъ, тебѣ лапку дадутъ (Псковск. губ., Великолуцк. у. и Самарск. губ.).

Егоръ, подай багоръ, точило плывецъ (Витебск. и Псковск. губ.).

Егоръ безъ оборъ (Никольск. у.).

Николенька, Николай, сиди дома да не гуляй! Твоя жена пышка на улицу вышла, три лягушки сѣѣла, еще захотѣла (Пензенск. губ.).

Николай бусарай, полѣзай на сарай, тамъ кошку дерутъ, тебѣ ножку дадутъ (дер. Каменка, Никольск. у.).

При нѣкоторыхъ дѣтскихъ играхъ требуется бросать жеребій, кон-
ваться. Это дѣлается или посредствомъ палки, которую поочередно обхва-
тываютъ кулаками или посредствомъ присказокъ; какъ наприм.

1) Перевеньчики,
Другеньчики,
Трынцы, волынцы,

Пятьсотъ лудья
Пономарь судья....

(Пензенск. и Самарск. губ.).

2) Ойцанъ, двойцанъ,
Черецанъ;
Паданъ, ладанъ,

Суконъ, дуконъ,
Шиселъ, вышелъ,
Радывонъ, выйди вонъ!

(Харьковск. губ. Изюмск. у.):

3) Одіанъ, другіанъ
На четыре городянъ,
На пять судья,
Поломалъ рубля;

Каторны кошки
На море упали,
Церквою стали.

(Харьков. губ. Изюмск. у.).

4) Перводанъ, другофанъ
На колодѣ угадавъ,
Пятьсотъ судья,
Пономарь удья,

Шиселъ, вышелъ
Девять вонъ,
На убогій домъ.

(дер. Кумбисеръ, Никольск. у.).

5) Первичики, другичики,
Убили голубичики,
На соловѣ, на ёловѣ,
На Божьей росѣ
На поповой полосѣ.
Дьяконъ пишетъ
Чернымъ углемъ

Желѣзнымъ пальцемъ.
Плѣло, горѣло
Осиново полѣно.
По вусту, по насту.
По лебедю крыласту,
Какъ, кокоряшки
Соволъ молодяшки.

(Кумбисеръ, Никольск. у.).

6) Первины, дружины,
Пятанъ, ладанъ,
Жухтанъ, бухтанъ,
Дятель десять!

(дер. Аксентьева, Никольск. у.).

7) Пѣра, ёра,
Шуда, луда,
Пята, са́та,
Сѣва, ѣва,
Дубъ, врёсь.

(Аксентьева, Никольск. у.).

8) Первинчики, дружинчики
На соловѣ, на яловѣ,
На божьей росѣ,
На поповой полосѣ
Дьяконъ пишетъ
Чернымъ углемъ.
Колѣно горѣло,

Осиново полѣно.
Куда полетѣло?
По вустамъ, по настамъ,
По лебедямъ крыластымъ.
Ковъ, коворяшки
Соколъ молодецъ
Обоср...ный конецъ.

(Аксентьева, Никольск. у.).

№№ 2 и 3-й записаны отъ дѣтей, шедшихъ со мной изъ Никольска въ Тотму.

Во время Рождества Христова въ здѣшнихъ деревняхъ нѣтъ обычая славить и вообще нѣтъ чего-нибудь въ родѣ колядокъ. Только отъ одного солдата Костромск. губ. Галицк. уѣзда села Палкина записалъ я слѣдующую пѣсенку, съ которою ходятъ по домамъ дѣти въ Егорьевъ день:

Ватюшка Егорей
Спаси нашу скотинку,
Всяку животинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсѣ и за лѣсомъ.
Волку да медвѣдю

Пень да нолода,
Ворону, воронѣ
Камешекъ дресвяный!
Батюшкѣ Егорью во свѣчку,
А намъ молодцамъ по яичку.

8 августа мы вступили въ другую волость, которая въ народѣ носитъ названіе Березовецъ. Правленіе этой волости находится въ деревнѣ Аргуновой, по которой она и носитъ свое официальное названіе; эту деревню мѣстные крестьяне зовутъ Ангурово. Народъ здѣсь больше употребляетъ дѣленіе на приходы, чѣмъ на волости, и названія приходамъ даетъ по преимуществу по рѣкамъ: такъ наприм. Лоха (сюда относится нѣсколько деревень, лежащихъ на лѣвомъ берегу Юга, противъ устья р. Лохи), Кишеньга, Ламенга и т. д. Жители приходовъ называются лошана, ламень жана, кишеньжана и т. п. Жители по Югу назыв. южана или южаки. Приходъ Березовецъ составляетъ исключеніе.

Дорогой мы миновали деревню Черицову. Здѣсь есть кабакъ и лавочка; въ лавочкѣ продаются врендели, которые идутъ сюда изъ Галича (здѣсь

продаются по 10 к. ф.), пряники и орѣхи. Чаю въ лавкѣ было всего $\frac{1}{4}$ фунта. Чай здѣсь люди, имѣющіе самоваръ, покупаютъ не въ деревенской лавочкѣ, а въ городѣ; пьютъ чай только по воскресеньямъ, разъ въ недѣлю или по другимъ большимъ праздникамъ. Въ деревнѣ Вахнѣ имѣется 4 самовара на 30 дворовъ (154 д. об. п.), съ дер. Ангуровой 3 на 19 дворовъ (138 д. об. п.). Холостые ребята въ праздники набираютъ пряниковъ и идутъ къ какому-нибудь самоваровладѣльцу пить чай, который и угощаетъ ихъ своимъ чаемъ, за что беретъ по 5 коп. съ человѣка.

Западнѣе Чернцовой дорога пересѣкаетъ двѣ рѣчки, текущія въ Шарженъгу съ с.: Вотьбу и Возюгъ. Здѣсь очень много рѣчекъ съ окончаніемъ на югъ, и Возюгъ—одна изъ самыхъ западныхъ въ числѣ рѣчекъ съ такимъ окончаніемъ. Такія имена рѣчекъ встрѣчаются не только на сѣв. сторонѣ сузѣма, но и въ системахъ рѣкъ, текущихъ въ Волгу; вотъ перечень этихъ названій: на сѣв. сторонѣ сузѣма: Возюгъ (притокъ Шарженъги), Пертюгъ (впад. въ Кишеньгу), Рыстюгъ (въ Югъ); на южн. сторонѣ сузѣма: Анягъ (въ Тову, притокъ Кемы), Мичугъ и Канюгъ (въ р. Межу), Пертюгъ и Пыстюгъ (принадлежать, какъ и предъидущіе къ системѣ Волги), два Кертюга (впад. въ Вочъ), Пертюгъ и Парюгъ (въ Вохму), Рундюгъ, Калюгъ и Луптюгъ (въ Ветлугу). Кромѣ того неизвѣстно мнѣ куда впадающія Шертюгъ, Кузюгъ, Пичугъ. Вѣроятно югъ означаетъ какое нибудь родовое понятіе съ болѣе широкимъ смысломъ *), которое и обратилось въ названіе главной рѣки края; остальные же рѣчки получили къ этому слову спеціальныя придатки, можетъ быть въ родѣ такихъ прилагательныхъ, какъ сѣверный, южный и проч. Дѣйствительно, на сѣв. сторонѣ сузема около г. Никольска есть двѣ рѣчки Пертюгъ и Пермасъ, которымъ на югѣ соответствуютъ своими окончаніями Пыстюгъ и Пызмасъ. Замѣчательно, что окончаніе югъ имѣютъ малевькія рѣки, тѣже, которыя занимаютъ по величинѣ середину между ними и Югомъ, кончаются на га: Шарженъга, Кишеньга.

Ночевать мы пришли въ дер. Зеленцову (18 вер. отъ Вахни). Было еще рано, и весь народъ, даже старухи и восьмилѣтніе дѣти, всѣ были въ полѣ на работѣ. Крестьяне жали хлѣбъ и складывали его въ копны. Это насъ заставило оставаться весь вечеръ голодными; сколько мы ни ходили по деревнѣ, мы ничего не могли найти; въ большей части избѣ оставались одни только маленькія дѣти; въ одной избѣ мы нашли старуху въ осадномъ положеніи; довольно высокое и дряхлое крыльцо развалилось въ самый пол-

*) ю по зырянски рѣка; гы волна. Здѣсь, видимо, два слова на разныхъ нарѣчіяхъ значить одно и тоже—рѣку; прежде жившіе называли га (Ва-га), потомъ пришедшіе называли ю, т. е. рѣка—рѣка.

день и старуха очутилась заключенною въ своей избѣ съ маленькими дѣтьми; выйти ей не было возможности и она должна была дожидаться вечера, когда придутъ съ работы мужики. Другая старуха, которую мы нашли въ богатомъ и большомъ домѣ, объявила намъ, что можетъ быть въ ихъ домѣ и нашлось бы что-нибудь, но что она не большуха и не смѣетъ ничего дать. Мы подошли къ одному дому, возлѣ котораго стояли два мальчика.

— Кто хозяинъ этого дома? спросили мы ихъ.

— Я, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ въ шляпѣ изъ овечьей шерсти.

— Молоко есть? спросилъ его мой спутникъ, солдатъ.

— Есть, да большаковъ нѣтъ.

— А ты самъ парень ловкій, можетъ быть найдемъ?

— Нѣтъ, не берусь. Може вѣчорошнюю крынку дамъ.

— Вотъ и ловкій парень, а чего у рукъ не было, видно не знаешь!

— Миѣ этого не поручаютъ!

— А что жъ тебѣ поручаютъ?

— А дадутъ хлѣбца—вотъ и всё.

— Только хлѣба?

— Только хлѣба и дадутъ: хочешь ѣшь, не хочешь—хоть брось.

— Ну рѣдьки, луку даютъ тебѣ?

— Это сколько хочу, въ огородѣ нарву. Этого, братъ, ужъ не спрячешь.

И послѣ этого онъ облокотился на изгороду, посмотрѣлъ въ сжатое поле и съ серьезностью взрослого земледѣльца воскликнулъ:

— Поле какъ огладили!

— Огладили, парень! подтвердилъ его товарищъ.

Старались мы уговорить крестьянокъ, работавшихъ въ полѣ, дать намъ хлѣба и молока, но никто не хотѣлъ идти въ деревню, всѣ торопились жать рожь. Даже забѣжавшая за чѣмъ-нибудь въ деревню баба снова убѣгала въ поле, отвѣчая намъ, что ей нѣкогда отвѣшивать хлѣбъ. Въ полѣ слышны были шумъ и говоръ, но въ деревнѣ было тихо; только иногда раздавался изъ-за толстыхъ стѣнъ избъ крикъ грудного ребенка; дѣтей на улицѣ было не видно, потому что дѣти постарше, воноводы игръ, были также въ полѣ. Такая горячка въ работѣ происходила не потому, чтобъ рожь переспѣла; виновникомъ этаго былъ общинный бытъ; никто не хотѣлъ отстать отъ уборки, потому что когда она кончится, изгорода съ согласія міра открывается и скотъ входитъ въ сжатое поле; для одного залѣнивагося сроку открытія изгороды не будетъ продленъ, а потому всѣ и стараются работать дружно. Но если нѣтъ снисхожденія для лѣниваго, за то нѣтъ преимущества и для великоватажнаго крестьянина; кончивъ свои полосы раньше другихъ, онъ все таки не смѣетъ впустить свой скотъ за изгороду, пока весь міръ не отжнется.

Не такъ это бываетъ въ Малоросіи, какъ сообщили мнѣ мои спутники, харьковцы. Въ Изюмск. уѣздѣ, не смотря на общинное землевладѣніе, уборка происходитъ не одновременно; богатый мужикъ, имѣющій много воловъ, прежде всѣхъ вывозитъ снопы, потомъ пускаетъ своихъ воевъ, которые и стаптываютъ часто хлѣба бѣдныхъ. Здѣсь этого не можетъ случиться; потому что изгорода не разгораживается, пока міръ того не положить.

Только къ вечеру начали приходять ранѣе другихъ старухи; къ одной изъ нихъ мы обратились съ просьбой, и она собрала намъ крестьянскій ужинъ. Старуха имѣла нѣсколькихъ дочерей и женатаго сына; дочерей она выдала замужъ, а сынъ умеръ; она выдала сноху за крестьянина и приняла его въ домъ къ себѣ пріёмкомъ. Это здѣсь весьма распространенный обычай отъ Вохмы до города Тотмы. Въ деревнѣ Зеленцовой 30 избъ и изъ нихъ въ 11 хозяйство ведется пріёмками; между ними есть солдаты и ссыльные, но большая часть крестьяне; въ пріёмки идутъ или бобыли, которые жизнь провели ранѣе въ казакахъ, или лица и изъ богатыхъ домовъ, въ которыхъ много сыновей и которые прибѣгаютъ къ этому во избѣжаніе дѣлажа. Въ окрестностяхъ г. Никольска я зналъ даже одну крестьянку, которая, будучи дѣвицей, приняла къ себѣ пріемка, вышедши за него замужъ; онъ достался въ наслѣдство домъ; жила она долго деревенской проституткой; пріёмковъ ея былъ бездомовный крестьянинъ, 30 лѣтъ служившій въ казакахъ. Теперь они имѣютъ порядочное хозяйство и большухой считается она; ей за 60 уже лѣтъ; она сдаетъ подати, хранитъ деньги, продаетъ излишки, участвуетъ въ мірскихъ сходкахъ, присутствуетъ при дѣлажѣ дѣлянокъ, а мужъ скромно ограничивается значеніемъ казака и пріёмка. Пріёмковъ принимаютъ и къ дочерямъ и къ овдовѣвшимъ снохамъ; много есть такихъ вдовъ, которыя жили уже съ мужьями отдѣльными домами; овдовѣвъ, онѣ берутъ себѣ пріёмковъ; положеніе женщинъ въ этомъ состояніи вѣроятно несравненно лучше, чѣмъ обыкновенно.

Старухѣ, у которой мы ужинали, было около 70 лѣтъ, а она все-таки ходитъ жать до поздняго вечера. Я высказалъ свое удивленіе.

— Стыдно будетъ безъ работы, отвѣчала мнѣ старуха. Сидишь дома, ничего не дѣлаешь, скажутъ большаки. Дѣтей няньчить у насъ въ домѣ нѣтъ.

Дѣти, т. е. внучата, это счастье для здѣшней старухи. Гдѣ есть они, тамъ ей и жить сносно; безъ нея пришлось бы нанимать цѣстунью, и она своей услугой дѣлаетъ въ хозяйствѣ сбереженіе. Вообще здѣсь старость не пользуется уваженіемъ. Старикъ и дитя, всѣ возрасты здѣсь цѣнятся, какъ рабочая сила, какъ казакъ. Какъ только старикъ начинаетъ слабѣть силами, онъ ужъ не большакъ. Большакомъ становится его сынъ; онъ распоряжается домомъ, въ его рукахъ находятся деньги, онъ назначаетъ отцу дневную

работу. Мнѣ случалось заставить въ избѣ одного старика безъ большаковъ и просить поставить самоваръ; и этаго старикъ не смѣлъ сдѣлать, боясь, чтобъ не осердились большаки.

— Какъ же такъ, дѣдъ, спрашиваешь такого домовника. Вѣдь ты хозяинъ дому.

— Не я большакъ—отъ, отвѣчаетъ онъ, растягивая конецъ.

— Да хоть и не большакъ, но вѣдь домъ—то ты строилъ?

— Изъ годовъ-то я вѣдь вышелъ. Не работникъ ужъ я. Ужъ меня не слушаются.

„Сядутъ пить чай, рассказывалъ мнѣ одинъ такой развѣнчаннй большакъ про свою нисходящую линію, пригласятъ, напьѣтся, а нѣтъ, такъ и такъ просидишь, только посмотришь. Скажешь что-нибудь: тебя не опрашиваютъ, отвѣчаютъ. Досадно, да ужъ молчишь“. Обращаются здѣсь со стариками безцеремонно, даже обидно: при мнѣ однажды отецъ старикъ и его сынъ большакъ стали куда-то одѣваться; сынъ подаль отцу худую опояску, а себѣ оставилъ хорошую.

— Не надо мнѣ эту, сказалъ отецъ тихо, отодвигая опояску.

— Ну, на! все бы женихомъ одѣвался! сказалъ сынъ и бросилъ отцу другую опояску.

Положеніе стариковъ въ здѣшней общинѣ не завидное; въ д. Зеленцовѣй есть одинъ старикъ, который остался съ сыномъ и двумя дочерьми; сначала старикъ жилъ у сына: работать онъ не могъ, и потому въ страду сынъ и хлѣба не оставлялъ ему, когда уходилъ съ женой въ поле. Старикъ принужденъ былъ уйти отъ сына и бросить домъ, въ которомъ самъ родился или который можетъ быть самъ строилъ; одна дочь тоже ушла въ казачихи, а другая живетъ съ братомъ, работаетъ ему изъ-за хлѣба. Вообще домъ не даетъ здѣсь отцу ни какого вѣса—онъ не составляетъ его собственности, потому что строится помочью, сосѣдами, бесплатно; поэтому дома въ деревнѣ скорѣе общинное имущество, чѣмъ частное, и во время, дѣлежа, достаются младшимъ сыновьямъ по обычаю, слѣдовательно помимо воли отца. Такія отношенія между возрастами составляютъ противоположность тѣмъ, какія существуютъ на югѣ, наприм. въ Уральскомъ и Донскомъ войскахъ, гдѣ міръ образуется изъ стариковъ, изъ нихъ составляется голосъ народа, они являются съ протестомъ за общесгво, неся передъ начальствомъ прошенія на своихъ головахъ—и идутъ иногда въ ссылку. Можно сказать, что на югѣ цензъ первый, здѣсь мускульный. Однакожь здѣшніе порядки имѣютъ свою хорошую сторону, во первыхъ представительство на сходкѣ принадлежитъ самому труду, во вторыхъ община менѣе упорна въ старыхъ обычаяхъ и податливѣе на нововведенія.

Еще печальнѣе положеніе здѣсь старухъ. Старухи раньше отстаютъ отъ сѣнокоса, чѣмъ отъ жатвы; я видѣлъ старухъ, которые уже по 16 л. не ходятъ косить, но все еще жнутъ. Одѣваются старики и старухи при помощи своихъ дочерей; сыновья и ихъ жены ихъ не одѣваютъ. Старуха прядетъ; дочь тклетъ холстъ, а старикъ катитъ валки; слѣдовательно сколько снохъ въ домѣ, столько дербъ — 1. Если старуха овдовѣетъ, выдаетъ послѣднюю дочь и останется одна—она должна пробавляться старымъ льномъ и старымъ холстомъ и платьемъ. Ни выданная дочь, ни сноха, въ одномъ домѣ съ которой живетъ она, не одѣваютъ её; подъ старость старухи копятъ ленъ и холстъ, какъ невѣста къ свадьбѣ. Въ одной деревнѣ мы зашли къ старушкѣ, которая только что похоронила послѣднюю незамужнюю дочь: старуха рассчитывала дожить, не нуждаясь въ платьѣ; у нихъ съ дочерью было 30 трубицъ холста, три сувитка, да кромѣ того на это лѣто онѣ съ дочерью насѣяли еще льна, а одинъ сѣмъ льна хватаетъ на два года. Старуха не была печальна и разсыпалась въ похвалахъ покойницѣ; видно было, что старуха была въ барышахъ отъ смерти своей работающей дочери, потому что не умри дочь, её бы пришлось выдать замужъ, а съ ней вмѣстѣ и половину холстовъ.

Я спрашивалъ, всегда ли были такія отношенія между возрастами и мнѣ старики отвѣчали, что такъ стало только теперь, что сами они воспитывались въ страхѣ передъ стариками. Не знаю навѣрно, или они лгутъ, или въ самомъ дѣлѣ въ этихъ отношеніяхъ произошла переменна *).

Обычай вдовъ принимать пріёмковъ можетъ оказать въ будущемъ хорошее вліяніе на теченіе женскаго вопроса, когда онъ будетъ перенесенъ въ крестьянскую среду. Теперь же нивольскій уѣздъ по положенію женщинъ принадлежитъ къ числу самыхъ отсталыхъ. Положеніе женщины въ крестьянствѣ отличается въ Россіи областными особенностями и жаль, что до сихъ поръ ничего не дѣлается для собиранія свѣдѣній по этому предмету. Одна статистика проституціи показала бы значительную разницу между областями; безъ знанія даже точныхъ фактовъ можно уже догадываться, что и на картѣ Россіи самыя яркія краски проституціи лежатъ на Дону, на мануфактурной области Москвы, на побережьи Балтійскаго моря и на Сибири. Донъ и Никъ представляютъ въ этомъ отношеніи контрастъ; въ то время какъ въ послѣднемъ господствуютъ строгіе нравы, проституціей въ г. Уральскѣ занимаются почти исключительно мѣщанки изъ Бузулука и другихъ самарскихъ городовъ.

*) Описанные случаи конечно не составляютъ общаго правила и въ большинствѣ семей разумѣется добрая природа человѣческаго сердца смягчаетъ отношенія между возрастами, но для этнографа исключенія представляютъ такой же благодарный матеріалъ для сравненія и очерка областныхъ характеристикъ, какъ и общія правила.

на Дону слабость семейныхъ узъ обыкновенное явленіе. Народный юморъ подмѣтилъ это печальное явленіе и передаетъ его въ формѣ забавныхъ анекдотовъ. Кто знаетъ разницу между этими войсками въ отправленіи военной повинности, для того это не будетъ удивительно; на Яикѣ на службу ходятъ почти все одни и тѣ же лица; большинство живетъ въ чистыхъ деревенскихъ нравахъ и общественное мнѣніе противъ свободы въ половыхъ отношеніяхъ; напротивъ на Дону каждый непременно уходитъ на два, на три года съ родными, и чаще всего именно въ ту самую пору, когда онъ и жена его очень молоды и жизнь не поддается пуристскимъ требованіямъ. Вотъ какъ рассказывается о возвращеніи донскаго казана изъ отряда. Подъѣзжаютъ они къ станицѣ: пахъ, пахъ! изъ ружей по полю. Въ станицу въѣхали: пахъ, пахъ! Въ избу войдетъ: пахъ! Жена на колѣнки передъ нимъ, а передъ собой дѣтей поставитъ. Это чьи балбашата? спрашиваетъ мужъ про дѣтей, которыхъ женѣ не оставлялъ. Такіе порядки на Дону вызываютъ спеціально областныя преступленія. Большинство убійствъ въ Донскомъ войскѣ совершается казачками; изъ трудовъ Донск. Статист. Комитета 1866 г. стр. 141 видно, что изъ 80 убійствъ 43 совершено казаками; причинами 22-хъ убійствъ были 1) нарушеніе супружеской вѣрности большею частью со стороны жены во время нахождения мужа на службѣ, 2) несогласіе между супругами, какъ слѣдствіе недобровольнаго вступленія въ бракъ. Подобныя же черты нравовъ рассказываются и о Сибири. Изъ этого видно, что статистика женскихъ преступленій по областямъ доставила бы интересные факты.

Женскій трудъ также разнообразится по областямъ; въ однихъ мѣстахъ, какъ напр. въ Уральскомъ войскѣ, она знаетъ только уходъ за огородомъ и доеніе коровъ, въ другихъ мѣстахъ она коситъ, но не жнетъ, въ третьихъ и коситъ и жнетъ, въ четвертыхъ даже пашетъ, какъ въ Калужской губерніи. Въ Никольскомъ уѣздѣ женщина коситъ и жнетъ, но не пашетъ, а только дѣвицы боронятъ. Какъ частое исключеніе однакожь встрѣчаются вдовы, которыя пашутъ. Какъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ женщина обязана нести тяжелый физическій трудъ наравнѣ съ мужчиной, ова и здѣсь не пользуется тѣмъ болѣе высокимъ положеніемъ въ семьѣ, которымъ отличается, напримѣръ, Уральское войско. Про Бѣломорское побережье давно ужъ говорятъ, что тамъ положеніе женщины лучше, чѣмъ въ другихъ частяхъ имперіи; и оно лучше, чѣмъ здѣсь, при сѣверной подошвѣ урало-алаунской гряды. Мнѣ кажется, что оно вездѣ лучше, гдѣ земледѣліе не составляетъ главнаго промысла, гдѣ женщина должна отыскать какое-нибудь спеціальное для себя занятіе. Тамъ, гдѣ она дѣлитъ тотъ же трудъ, которымъ занятъ и мужчина, гдѣ слѣдовательно она должна соперничать съ нимъ въ физическомъ трудѣ, тамъ она обращается въ рабу, потому что мускульныя силы ея

слабѣе, чѣмъ у мужчины, и послѣдній ясно сознаетъ, что накопленіе капитала производится больше имъ, чѣмъ его женой. Но гдѣ жена не дѣлитъ занятія мужа, когда у ней есть свой промыселъ, какъ наприм. ткачество, въ которомъ мужъ ей не соперничаетъ, какъ въ Бѣломорѣ, тамъ вѣсь ея въ семействѣ поднимается; она вводитъ въ домъ чистоплотность, устраиваетъ горницу съ цвѣтами, обшиваетъ мужа пестрядинными рубашками и снабжаетъ носовыми платками *); она усложняетъ кухню, словомъ становится специалисткой, мастерицей. Мужчина исподволь привыкаетъ къ комфорту и начинаетъ въ женщинѣ цѣнить именно искусство его создавать. Тогда женщина пріобрѣтаетъ роль воспитательную, получаетъ культурное значеніе, въ ней возрастаетъ чувство собственного достоинства, и она вѣроятно съ большей смѣлостью и ловкостью отстаиваетъ себя. Но гдѣ она простой кашеваръ, умѣющій только сварить щи на кусочкахъ сала и гречневую кашу, какъ въ Калужской губерніи, или натереть рѣдьки да наболтать въ квасъ толокна или сварить самую безхитростную уху изъ трески, какъ здѣсь, словомъ всѣтакія блюда, которыя сплошь и рядомъ варятъ сами мужики, когда соединятся въ рабочія артели на пристаняхъ и т. п., гдѣ платье ея состоитъ изъ одного грязнаго сарафана, гдѣ она живетъ въ одной избѣ со свиньями, тамъ она просто только работница, а не совѣтница. Здѣсь трудъ ея не отличается отъ мужского, рядомъ съ мужчиной она коситъ, катаетъ валки и варитъ несколько не искуснѣе мужа, платье ея отличается отъ мужского только въ головномъ уборѣ; словомъ здѣсь она полумужичье *) и не отличается особымъ домашнимъ обиходомъ, и мужчина легче поработаетъ еѣ. Напротивъ, онъ тамъ уважаетъ еѣ, гдѣ она специализировала свой трудъ, умѣетъ сварить, соткать, вышить, такъ что мужчина не можетъ съ ней соперничать.

Здѣсь на женщину смотрятъ только, какъ на работницу, на казачиху. Когда женятъ сына, говорятъ „нажилъ казачиху“. Здѣшняя женщина въ сельскихъ работахъ мало уступаетъ мужчинамъ; въ семействахъ, гдѣ большинство душъ женскаго пола, накашивается и нажинается столько же, какъ будто оно состояло изъ однихъ мужчинъ. Здѣсь женщина можетъ себя оплатить государственными податями, если она записана ревизской душой. Семейства, въ которыхъ большинство рабочихъ рукъ женщины, берутъ землю по числу

*) Въ Архангельской губ. по приморью всѣ бабы отличныя ткачихи, ткнутъ льняные платки, которые называютъ полотняными и продаютъ ихъ по 30—50 коп. платокъ; здѣсь у каждаго крестьянина есть по нѣскольку такихъ платковъ, сотканныхъ женой и употребляемыхъ имъ въ качествѣ носовыхъ. Женщины ткнутъ здѣсь также пестрядь, т. е. клѣтчатую льняную ткань; изъ мелко-клѣтчатой крестьяне шьютъ рубашки, а съ крупными клѣтками идетъ на женскія юбки.

*) Полумужичьемъ здѣсь называются гермафродиты или и нормальныя женщины, но одѣвающиеся по мужски, и усвоивающія себѣ мужскія занятія. мужской голосъ и мужскую брань.

ревизскихъ душъ, а не менѣе. Я зналъ крестьянина, у котораго было 3 души; самъ, баба и взрослый племянникъ, и онъ имѣлъ земли на 3 души и высвѣдалъ также, какъ и другіе, по 3 мѣры или еще болѣе. Въ деревнѣ Носковой живутъ въ одной избѣ баба и дѣвка; баба солдатка. На нихъ ревизскихъ душъ не числится, но міръ даетъ имъ землю на двѣ ревизскія души, а онѣ платятъ подати и сами пашутъ.

Рабочая плата однакожъ повсемѣстно для женщинъ менѣе. Казакъ въ Никольскѣ получаетъ за лѣто отъ 30 до 15 рублей и хозяйскую одежду, казачиха только 10 рублей безъ одежды. Точно также и женская поденщина меньше; мужчинамъ даютъ по 40 к. въ день, женщинамъ по 30.

Приданое здѣсь состоитъ только въ бѣльѣ и платьѣ, какое невѣста въ состояніи будетъ накопить до своей свадьбы; обыкновенное приданое состоитъ изъ двухъ шубъ: „носящей“ и новой, двухъ, камзоловъ: „носящаго“ и новаго и до 6 сарафановъ. Посуды не дается никакой, а равно и денегъ не бываетъ въ числѣ приданого. Одна знакомая мнѣ дѣвушка вынесла три сарафана: одинъ англійскаго ситца, другой шерстяной и третій пестрый, кромѣ синихъ крашенныхъ—она уже считалась состоятельной невѣстой.

Въ Тотмѣ у мѣщанъ даютъ въ приданое до 40—45 рублей; всѣ эти деньги обыкновенно издерживаются на свадебные обряды. У Никольскихъ мѣщанъ никакихъ денегъ не дается, какъ это въ обычаѣ у всѣхъ окрестныхъ крестьянъ. Давать деньги въ приданое въ обычаѣ только у ремесленниковъ.

Заработокъ у дѣвицъ здѣсь бываетъ самый большой отъ тканья, потому отъ найма въ концы на сторону и при грузкѣ барокъ. На свои заработки дѣвушка сама одѣвается, строитъ свою „приправу“ какъ здѣсь говорятъ, т. е. ситцевый сарафанъ, башмаки, поясъ и проч. Она должна также изъ своего холста нашить бѣлья на отца и братьевъ. Все приданое, какое она выноситъ, состоитъ только въ ея платьѣ и въ трубицахъ холста. Если дѣвушка имѣла много братьевъ, она почти ничего не вынесетъ въ приданое если не имѣла ихъ вовсе, изъ нея выйдетъ богатая невѣста. Есть впрочемъ и такіе, которыя не одѣваютъ не только братьевъ, но и отца, если послѣдній богатъ. Вообще дѣвушка должна напастъ холстовъ какъ можно болѣе; въ первые годы замужней жизни, пока дѣти маленькіе—происходитъ только убыль въ холстахъ. Только когда ватага подростетъ, въ особенности если въ числѣ дѣтей будетъ дѣвица—запасъ льна и холстовъ начинаетъ увеличиваться.

Домашнія работы въ деревняхъ около Никольска распределяются между снохами такимъ образомъ: если въ домѣ нѣтъ свекрови или очень стара, большухой, т. е. стряпкой, дѣлается старшая сноха; двѣ другихъ чередуются въ уборкѣ за скотомъ; въ то время какъ одна ходитъ за снотомъ, другая мететъ сѣни, носитъ воду и пр. Гульной недѣли, когда свободная отъ се-

мейныхъ работъ сноха прядетъ ленъ на себя, какъ въ Сибири (въ Алтаѣ), нѣтъ; лёнъ прядетъ каждая, когда найдетъ къ тому свободное между дѣль время. Если три снохи лишнихъ, то заводятъ скота больше, наприм. свиней, и тогда бываетъ двѣ снохи скотницы, одна коровница и одна свинарница. Не далеко отсюда, внизъ по Югу, около д. Ворониной уже разница: тамъ всѣ снохи чередуются между собою у печи, т. е. старшая сноха не имѣетъ привилегіи быть стряпкой.

Случаи дѣлимости семей, кажется, въ послѣднее время умножились, особенно вѣроятно послѣ того, какъ новые суды подняли въ женщинахъ чувство собственнаго достоинства. И здѣсь, гдѣ еще нѣтъ гласнаго суда, однакожь женщины въ крестьянствѣ заговорили о новыхъ женскихъ правахъ. По мнѣнію крестьянъ, дѣленіе семей происходитъ отъ ссоръ между снохами, что онѣ виной всѣхъ раздоровъ, какіе бываютъ въ семействѣ, что братья никогда не вздорили бы между собой, если-бъ не ихъ жены. Это мнѣніе закрѣпляется поговоркой: „три топора лежатъ подъ лавкой, не дерутся, а три копыла раздорять“. Поводомъ къ раздорамъ женщинъ служатъ споры о работѣ и о дѣтяхъ; бездѣтная или малодѣтная сноха не хочетъ, чтобъ ея трудъ шелъ на содержаніе чужихъ дѣтей. Объяснить, почему женщины больше вздорятъ, чѣмъ мужчины, мнѣ кажется легко—женщины приходятъ изъ разныхъ домовъ, разнаго воспитанія и поступаютъ подъ власть свекрови, чужой женщины, которой повиноваться съ дѣтства не пріучились; напротивъ, мужчины остаются и женатые въ домѣ отца, къ деспотизму управленія котораго съ дѣтскаго возраста привыкли. При томъ и конституція женской половины совершенно другая—у мужчинъ не можетъ быть спора о работѣ: все дѣлается по распоряженію отца; въ юрисдикціи свекрови существуетъ напротивъ очередной трудъ, здѣсь существуетъ самоопредѣленіе мѣры труда; правильность этого опредѣленія устанавливается не внѣшнею властью деспота, а общимъ контролемъ снохъ *).

Въ Зеленцовой деревнѣ я встрѣтилъ подъ вечеръ крестьянина, который гналъ скотъ на продажу въ Боярщину; такъ здѣсь называютъ населенную мѣстность въ низовьяхъ р. Кемы, гдѣ были прежде крѣпостные; крестьянинъ этотъ гоняетъ туда скотъ уже около 25 лѣтъ; прежде, когда кемскіе крестьяне были богаче, онъ гонялъ по 150 головъ въ лѣто; нынѣ меньше. Черезъ Зеленцову онъ гналъ теперь только 15 головъ; гоняетъ онъ ихъ обыкновенно черезъ Юзу и дер. Княжеву на Васильево; въ 3 дня онъ при-

*) Птица въ деревняхъ около Никольска составляетъ общее достояніе всей семьи; но тамъ, гдѣ каждая сноха содержитъ свою птицу отдѣльно, какъ напримѣръ гусей въ Алтаѣ, драчливый характеръ птицы вѣроятно не мало отражается и на отношеніяхъ хозяекъ.

гоняетъ ихъ на мѣсто, а черезъ недѣлю рассчитываетъ уже быть дома. Нѣкоторыя головы онъ покупаетъ на деньги, другія беретъ въ домъ—въ передній путь онъ радится о цѣнѣ съ хозяиномъ, а деньги платитъ по возвращеніи.

Около Зеленцовой на р. Шарженгѣ растетъ не высокая липа въ видѣ насажденія; она идетъ только на оборы къ лаптямъ; сюда пріѣзжаютъ рубить липу и изъ другихъ мѣстъ; липу можно найти и во всемъ никольскомъ лѣсничествѣ, но въ видѣ насажденія на сѣверной сторонѣ урало-алаунской гряды она кажется встрѣчается рѣдко. Урало-алаунская гряда служитъ границей для нѣкоторыхъ лѣсныхъ породъ; кленъ растетъ въ никольскомъ лѣсничествѣ только по рѣчкамъ, текущимъ въ Волгу, по Ирдому, Лутюгу, Пыстюгу и Кемѣ, но и здѣсь онъ не толще граблища. На сѣверной сторонѣ сузѣма кленъ не встрѣчается; точно также здѣсь не слышно и ильмы; говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ, будто низкорослая ильма растетъ близъ дер. Кумбисеръ вмѣстѣ съ липой на р. Кузовницѣ, но это извѣстіе требуетъ по-вѣрки. Дубъ встрѣчается только въ Ветлужскомъ уѣздѣ; въ Никольскомъ у. его нѣтъ. Попытка садить дубъ въ Никольскомъ у. по р. Пызмасу, въ 1½ в. отъ границы Ветлужскаго уѣзда, не увѣнчалась успѣхомъ, но не вслѣдствіе климатическихъ условій, а по небрежности лѣсной стражи, такъ какъ всходы были или вытравливаемы скотомъ или скашиваемы. Липа на южной сторонѣ сузѣма гораздо выше ростомъ, чѣмъ на сѣверной; по Пыштюгу, Пызмасу и ихъ притокамъ липа достигаетъ до толщины оглобли, толще же дѣлается дупловатою. По Кемѣ липы выше устья Юзы встрѣчаются въ обхватъ толщиной; отсюда въ Никольскъ доставляютъ липовую древесину для иконостасной рѣзбы. По Камѣ кажется южныя породы дальше проникаютъ на Сѣверъ, чѣмъ по притокамъ Ветлуги. По сѣвернымъ притокамъ этой рѣки по Вохмѣ и друг., липа растетъ только въ видѣ кустарника; въ вершинахъ Ирдомы она встрѣчается только въ 1½ арш. высоты; по р. Калюгу ея во все нѣтъ. На сѣверной сторонѣ сузѣма она вездѣ не выше 1½ арш. высоты, и извѣстна въ народѣ подъ названіемъ лутошки; она идетъ только на оборы къ лаптямъ; для плетенія же самихъ лаптей здѣшніе крестьяне покупаютъ лыко, которое привозятъ крестьяне съ Вохмы на никольскій рынокъ, и продаютъ здѣсь вязанце (на 3 лапти) по 8 к. с. Къ Западу же отъ Никольска крестьяне носятъ болѣе берестяные лапти. Изрѣдка встрѣчаются въ деревняхъ и городахъ липы потолще; такъ въ деревнѣ Дьячковой, къ Западу отъ Вахни, я видѣлъ въ огородѣ одного крестьянина липу до 1½ вершка въ отрубѣ; липы встрѣчаются въ садахъ въ г. Никольскѣ и въ Леденгскомъ заводѣ; съ г. Никольскѣ, какъ мнѣ говорили, липа цвѣтетъ

ежегодно *). Въ Тотемскомъ у. липовое насажденіе находится по р. Вохмѣ, въ такъ называемой пустоши Глазунихѣ, на Южной сторонѣ р. Сухоны. Но она встрѣчается въ видѣ низкорослой лутошки и сѣверяѣ Сухоны, наприм. на р. Уфтыгѣ, близъ дер. Маурниковой, въ Верховскомъ обществѣ.

Какимъ образомъ здѣсь размножается липа? Трудно предположить, чтобы иногда вѣтромъ заносило сюда липовыя сѣмена; скорѣе можно думать, что нѣкогда на сѣверной сторонѣ Сузема были другія климатическія условія, что липа здѣсь росла цѣлыми лѣсами, что впоследствии климатъ измѣнился, съ тѣмъ вмѣстѣ липа недоростаетъ до надлежащей высоты, чтобы приносить зрѣлыя сѣмена, и разсѣянные потомки этихъ лѣсовъ поддерживаютъ свое существованіе размноженіемъ отъ пней и можетъ быть отъ корней. Въ Зеленцовой мѣнѣ рассказывали, что здѣсь вырывали изъ земли толстыя корни липы, которые по длинѣ своей пустили тонкія лутошки. Можетъ быть здѣсь нѣкогда росли и дубъ и вязъ и кленъ и потому исчезли безслѣдно, что не могли расплостаться отъ пня и корня, какъ липа. Будущія изслѣдованія здѣшнихъ торфяниковъ можетъ быть откроютъ другую генерацію древесныхъ породъ въ здѣшнихъ мѣстностяхъ; я слышалъ, что гдѣ-то въ Грязовецкомъ уѣздѣ изъ одного озера около какого-то помѣстья, названія котораго мнѣ не могли сказать, былъ вынутъ обломокъ дуба. Какъ любопытное мѣсто для будущихъ изслѣдователей, я долженъ здѣсь упомянуть объ одномъ омутѣ по р. Шарженьгѣ, о которомъ я знаю впрочемъ только по слухамъ. Шарженьга какъ говорятъ здѣсь „нутристая“ рѣка, т. е. течетъ тихо, въ глубокомъ корытѣ и имѣетъ много ямъ, которыя называются здѣсь *кочаи* (не ручаюсь, что пишу правильно это слово); самое начало свое она беретъ въ ямѣ, со дна которой бьетъ ключъ аршина въ 3 высоты; выше дер. Зеленцовой на р. Шарженьгѣ есть деревни Сѣнина и Плѣшкина: между этими деревнями есть въ рѣкѣ яма, уходящая подъ берегъ, изъ подъ котораго въ воду высываются концы древесныхъ стволовъ; мужики артелью старались отломать ихъ, зацѣпивъ веревками, но добыли только небольшой кусокъ. Вѣроятно эти стволы и служатъ свѣщпой для берега, который лежитъ на нихъ и не валится въ воду; можетъ быть эти стволы остатки заломка какой-нибудь крайне отдаленной эпохи и заключаютъ въ себѣ стволы древесныхъ породъ, которыя теперь уже не растутъ на сѣверной сторонѣ здѣшняго сузема.

Урало-алаунская гряда оказываетъ вліяніе и на распредѣленіе животнаго царства. Такъ наприм. щеглы вовсе не водятся въ Никольскомъ уѣздѣ;

*) Здѣшніе крестьяне съ удивленіемъ узнаютъ, что ихъ «лутошка» можетъ цвѣсти при другихъ условіяхъ, они также не знаютъ слова липа, и на вопросъ, растетъ ли у нихъ липа, отвѣчаютъ, что такого дерева они не знаютъ; свои же маленькія деревца они называютъ *л у т о ш к о й*.

ихъ ловятъ на южной сторонѣ сузѣма въ Кологривѣ и на сѣверной въ гор. Тотмѣ. Въ г. Никольскѣ, несмотря на то, что здѣсь хлѣбная пристань, и на берегу построены большіе амбары для хлѣба, нѣтъ однакожь нрысь. Пчеловодство существуетъ только въ одной системѣ р. Вохмы и по ея притокамъ углубляется почти до ихъ вершинъ; такъ наприм. по р. Бѣлой пчелиные вряжи есть въ деревнѣ Палкичевой, по р. Вочу ихъ разводятъ около с. Павина. Въ дер. Бани у одного крестьянина было до 70 вряжей, но нынѣ погибли; въ дер. Мочуевомъ Раменьѣ у вятчанина было 30 вряжей. Старались развести пчелъ на сѣверной сторонѣ сузѣма, но безуспѣшно; именно перенесли однажды два вряжа черезъ волокъ въ дер. Хайрюзовку (на р. Енталу), но они погибли. Пчелы вѣроятно могли бы жить на р. Кемѣ.

Лишнякъ, который растетъ по Шарженьгѣ около дер. Зеленцовой, замѣчательнѣе еще въ демонологическомъ отношеніи. Крестьяне говорятъ, что изъ него только тотъ находитъ дорогу, кто не срубилъ лутошку; напротивъ, кто срубить, тотъ непременно заблудится. Крестьяне думаютъ, что это балуетъ мѣстный лѣшій; поэтому они собираются писать прошеніе „ихнему главному“ чтобъ запретилъ младшему лѣшему продолжать свои баловства. Подавать прошенія лѣшимъ здѣсь въ обыкновеніи, мнѣ рассказывали очевидцы, что они встрѣчали въ лѣсу подобныя прошенія, написанныя углемъ особымъ почеркомъ на огромныхъ листахъ бересты, приколотенныхъ къ деревьямъ; набожные люди не только не смѣютъ ихъ потрогать, не смѣютъ даже смотрѣть на нихъ. Такия прошенія пишутся, если у кого потеряется лошадь и если подозреваютъ въ конокрадствѣ самага лѣснаго; при этомъ нужно замѣтить, что не всякій грамотный человѣкъ можетъ писать подобныя прошенія; нужно, чтобъ лѣшему было тонко замѣчено, что онъ виновникъ пропажи, чтобъ въ прошеніи не было откровенно высказано, что лѣшій подозрѣвается въ воровствѣ; иначе онъ можетъ обидѣться. Лѣшій здѣсь называется „лѣснымъ хозяиномъ“. „Лѣсные ходаки“ т. е. звѣроловы знаютъ въ лѣсу отлично всѣ мѣста и не боятся лѣснаго хозяина. Опасно становиться на „дорогѣ“ лѣснаго хозяина. Одинъ лѣсной промысловникъ заночевалъ въ лѣсу; вдругъ раздался крикъ: „убирайся домой! расклялся на самой дорогѣ! покойнича повесутъ!“ Человѣкъ отошелъ въ сторону сажень съ 20 и прислонился къ дереву. Только онъ успѣлъ это сдѣлать, какъ дѣйствительно цѣлая толпа „негодныхъ“ прошла мимо его съ покойникомъ на рукахъ. Деревня Ковыгина (въ 3¹/₂ вер. отъ г. Никольска) стояла прежде на „дорогѣ“ лѣснаго хозяина, на хорошемъ угорьѣ, какъ вообще здѣсь любятъ располагаться вкрѣстьяне; лѣсной хозяинъ вѣтромъ сшибалъ дома, но мужики долго упрямылись; наконецъ, когда лѣсной хозяинъ во время страды засунулъ одного ребенка въ подворотню, что видѣли пѣстуньи и послѣ рассказали другимъ, мужики порѣшили бросить угорье

и переселиться въ его подошвѣ, на прилегающую низменность. Такъ народъ объясняетъ, почему дер. Коныгина вопреки общему обычаю построена не на угорьѣ, а въ ямѣ.

Вообще здѣсь легко встрѣтиться съ человѣкомъ, видѣвшимъ „негодныхъ“ или съ колдуномъ или даже съ потомкомъ негоднаго, потому что послѣдніе живутъ съ женщинами. Бываютъ крестьяне—друзья лѣсныхъ; въ одному крестьянину лѣсной ходилъ въ гости; когда варить пиво, онъ никогда не спить его всё своимъ гостямъ, а котелъ ведеръ съ 15 оставить. Въ полночь является лѣсной, садятся вмѣстѣ съ старикомъ за столъ и пьютъ. Лѣсной бралъ котелъ въ обѣ руки и выпивалъ черезъ край за два раза. Колдуны, по здѣшнему опасныя, здѣсь есть чуть не въ каждой деревнѣ; они не скрываются и пользуются большимъ почетомъ; во время свадебъ ихъ садятъ на самое почетное мѣсто—въ передній уголъ, такъ что женихъ и невеста занимаютъ уже второе. У этихъ колдуновъ можно находить кремневая стрѣлы каменнаго періода. Есть и колдуньи. Кажется, роды колдовства мужчинъ и женщинъ нѣсколько различны, хотя есть и такіе предметы, надъ которыми они одинаково упражняются. Мужчины портятъ людей, овощи (рѣдьку, яблоки), свадьбы, исцѣляютъ больныхъ, привораживаютъ любовницъ (присушиваютъ). Женщины болѣе колдуютъ по хозяйству: умѣютъ устроить, чтобъ свой пѣтухъ билъ чужого, или чужое молоко перешло на свой дворъ, лечатъ женскія и дѣтскія болѣзни и проч.

Помѣщая здѣсь матеріалы для міеологіи и демонологіи, собранные въ Никольскомъ уѣздѣ:

Вѣдьмы есть природныя и ученыя; послѣднія безъ хвостика, первыя съ хвостикомъ; другія и природныя вѣдьмы, да не знаютъ ничего или не хотятъ пользоваться врожденнымъ дарованіемъ. Гдѣ вѣдьма живетъ, дымъ изъ трубы идетъ противъ вѣтра.

Собаки и кошки—„первыши“ (первенцы отъ несукоты) отличаются хорошими качествами, одно изъ которыхъ: видятъ нечистаго. Отъ нихъ вѣдьма не скроется и подъ видомъ сороки. Но трудно воспитать такихъ щенятъ или котятъ—колдуны убьютъ ихъ. Нужно или протаскивать ихъ сквозь вѣженую колесную трубицу или на ночь прятать подъ борону.

При переходѣ въ новый домъ несутъ съ собой хлѣба, соли, соломы, которую стелать, прежде чѣмъ ступить ногами на полъ (чтобъ не ступить на голый полъ), пускаютъ пѣтуха съ курами и замѣчаютъ: если пошелъ въ сѣдло, то будетъ хорошо жить.

Овинъ весь не вымолачиваютъ до послѣдняго снопа, всегда оставляютъ въ немъ 9 или 13 сноповъ, такъ назыв. жителей. Это дѣлается для того, чтобъ въ овинѣ всегда были жители. Оставляя жителей, кланяются овину

безъ креста и говорятъ: „благодарю тебя овинъ, что сохранилъ нашъ хлѣбъ“. Число „жителей“ должно быть нечетное: „не въ-чету, а на-лижу“.

Чтобъ нашъ пѣтухъ билъ чужаго, нужно въ великій четвергъ въ великій постъ кормить своего пѣтуха на заслонкѣ на зарѣ. А если вырвать у чужого пѣтуха косички т. е. два длинныхъ хвостовыхъ пера, онъ станетъ слабѣе курицъ, и станетъ отъ нихъ бѣгать, не только отъ пѣтуха. При продажѣ выдергиваютъ у курицъ перо, чтобъ „плодъ“ ея въ дому продавца остался.

Рѣка только тогда можетъ пройти (весной) или стать (осенью), когда приметъ утопленника.

Всякій покойникъ что-нибудь возьметъ съ собой изъ своего дома—иногда все свое имущество (домъ сгорить). Если сгорить одна баня вскорѣ послѣ покойника, говорятъ: ой—да, немного хоть взял!

Свиньи съ сereжками на горлѣ въ Устюгѣ считаются урочливыми; а въ Тотмѣ и вообще свинью считаютъ урочливой и потому колятъ её тайкомъ ночью.

Квашня тоже вещь очень урочливая. Если квашня испортилась, нужно, замѣсивъ хлѣбы и посадивъ въ печь, изъ оскребковъ скатать небольшой хлѣбецъ, сильно посолить и оставить на столѣ, пока сильно не тронется и до тѣхъ поръ не мыть стола; когда хлѣбецъ тронется, нужно налить въ квашню воды, перекрестить хлѣбецъ и опустить на середину квашни; квашня исправится.

Если молоко „помѣшается“ нужно положить подойникъ на порогъ и хлестать березовой вицей, пока не прочитаешь 3 раза богородицу или положить кусокъ хлѣба въ подойникъ и, увидѣвъ быка, выйти къ нему и дать, чтобъ онъ съѣлъ кусокъ, лежащій въ подойникѣ.

Стрига ходитъ и стрижетъ шерсть у овецъ на темени; есть однакожь въ деревняхъ мужики скептики, которые приписываютъ оголенье череповъ у овецъ чесанью ихъ головой объ что-нибудь.

Сорока стрекочетъ на бурундукѣ—пространствѣ передъ ступенями крыльца—гости будутъ.

Отъ клоповъ средствомъ служить нечаянно найденная телѣжная чека, или слѣдуетъ бросить клопа вслѣдъ уходящаго попа со словами: куда попъ, туда клопъ.

Траву чертогонъ кладутъ надъ дверями, гдѣ часто ходятъ: наприм., при входѣ въ избу, подобно тому, какъ кладутъ тутъ косу или деготь въ бутылкѣ или просто мажутъ двери дегтемъ—будто это предохраняетъ отъ повѣтрій.

Кошки хороши удаются, которыя рождаются, когда лѣсъ голый.

Встрѣтить въ дорогѣ попа—будетъ неудача. Нужно въ это время черезъ карманъ взяться за свои *testiculi* и ничего не будетъ.

Громова стрѣла предохраняетъ домъ отъ грома, если она въ немъ находится. Она урчитъ, положенная во время грома въ воду. Кладутъ её также на полосу, когда сѣютъ хлѣбъ, чтобъ кто-нибудь не „посвѣялъ“; подсвѣять—значить подбросить на чужое поле горсть зерна: у него родится, а у тебя нѣтъ.

Въ Духовъ день земля имянинница—нельзя колъ въ землю втыкать.

До Троицы грѣхъ березу ломать и до Троицы избѣгаютъ погонять скотъ березовой вицей.—Березку, принесенную изъ церкви въ Троицу, грѣхъ бросать; её нужно подоткнуть подъ крышу избы, подъ князекъ—вершинкой на востокъ, комлемъ на западъ—не будетъ крышу сносить вѣтромъ.

Кто любитъ смотрѣть въ топящуюся печь, скоро умереть.

Собачья титьна—такъ назыв. здѣсь пѣшій ячмень—происходитъ оттого, что взглянешь на собаку. Слѣдуетъ приложить къ больному мѣсту хлѣба и потомъ скормить собакѣ.

Глазятъ косозубые, съ двумя рядами зубовъ, двугубые и сросшіяся брови.

Отъ глаза, т. е. отъ любопытнаго взгляда или взгляда, соединеннаго съ удивленіемъ, бываетъ болѣзнь уроки; симптомы ея: потягота, ознобъ, жаръ и потъ. Лечатъ уроки спрыскиваніемъ воды, въ которой вымыта между прочимъ заслонка. Какъ предупредительное средство, носятъ поясъ, сплетенный изъ узловъ, какими плетется рыболовная сѣть, на томъ основаніи, что эти узлы вязаны отъ себя. Застарѣлые уроки называются тишины; боль бросается изъ одной части организма въ другой; уроки и тишины лечатъ сбрызгиваніемъ воды съ 3 чистыхъ (непоганныхъ, не банныхъ) камней, въ которой вымыты ложки, поварешки, скобки и заслонка и брошена соль съ словами: „лихому да злому человѣку соль въ глазъ“. А также поятъ настоемъ травы уразной, которую зовутъ также урочной и которая растетъ по берегамъ рѣчекъ. Этой же травой примачиваютъ вывихи—безъ правки вправляетъ. Уроки могутъ быть и отъ чужой думы проста; достаточно одному подумать: „вотъ какъ онъ спотѣлъ! что жъ онъ не скинетъ шубу“? и достаточно. Съ другой стороны, не очень искусное нашептыванье, но совершаемое съ чистымъ, простымъ т. е. добрымъ сердцемъ дѣйствительно, чѣмъ сложное и вѣрное преданію нашептываніе злой женщины. Отъ урока лечатъ и такъ: берутъ соль большимъ и безымяннымъ пальцемъ и дѣлаютъ на лбу крестъ; или берутъ три солинки и проводятъ ими по лбу.

Отъ грыжи дѣтей поятъ молокомъ, свареннымъ съ выложенными янцами кота.

Вередъ лечатъ такъ: безымяннымъ пальцемъ тычутъ по очереди въ три сука, найденные на какойнибудь доскѣ (наприм. на столѣ), тычутъ,

пока не прочитають слѣдующаго приговора: „тебѣ сучьевъ не водить, мнѣ дерева не растить, какъ сучь сохнетъ, такъ бы и ты сохъ! во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь“! Послѣ того плюютъ на вередъ.

Грѣхъ жалѣть скотину, когда её ведутъ на убой. Богъ запретилъ жалѣть. „А я, грѣшница, не могу удержаться“, говорила одна изъ моихъ знакомыхъ женщинъ. Если у мясника корова, назначенная на убой, стоитъ голодомъ, реветъ и плачетъ, она бѣгала къ мяснику и упрашивала его бросить коровѣ сѣнца, а потомъ каялась Богу въ своемъ грѣхѣ. Такое искаженіе требованій религіи имѣетъ законное основаніе; крестьяне живутъ такъ близко къ быту своихъ домашнихъ животныхъ, что каждое изъ этихъ послѣднихъ становится въ глазахъ народа живою личностью съ опредѣленнымъ темпераментомъ; мы едва замѣчаемъ, какъ велика въ этомъ отношеніи разница между нами и простымъ народомъ; въ то время какъ ревъ какой-нибудь коровы проходитъ для насъ безслѣдно, или даже увеличиваетъ въ насъ пріятное чувство сознанія, что мы находимся въ средѣ живой природы, крестьянка, понимающая значеніе этаго звука, переживаетъ драму. Поэтому, колоть скотину для крестьянина равносильно человѣкоубійству, а потребленіе мясной пищи—людоедству. Одинъ крестьянинъ, занимавшійся продажей мяса и потому не мало убившій скота, говорилъ мнѣ, что ему всегда было жалко убивать теленка: „вѣдь онъ невинный ребенокъ“, говорилъ онъ.

— Намъ бы слѣдовало разъ въ годъ, какъ это дѣлаютъ звѣри, а мы стали чаще; Богородица и прокляла насъ: „тритесь же вы, какъ дверь на пятѣ“, сказала.

Въ 9 верст. отъ г. Никольска по дорогѣ на р. Вохму находится озеро Кожеево близъ деревни того же имени среди пахотнаго поля. Берега этого озера состоятъ изъ кочей, т. е. изъ трясины, покрытой кочками и къ берегу озера трудно подойти. Окружность его менѣе версты; глубина, по словамъ однихъ, до 12 саж., другіе считаютъ её неизвѣстной и говорятъ, что крестьяне связывали двое возжей и не могли достать дна. Удная лѣса въ 2¹/₂ сажени, опущенная у самаго берега въ воду, стоитъ отвѣсно; въ озерѣ водятся щуки и сороги; ихъ ловятъ мордами; для этого доходятъ до окраины кочей, опускаютъ морду въ воду озера и подсовываютъ её подъ кочи. Въ озерѣ этомъ есть странствующій кочь; онъ отстаетъ отъ берега, двигается до половины озера или и далѣе, и снова пристаетъ къ своему мѣсту. Коровы ходятъ по кочу, грузнуть по морду, но не тонутъ. Нѣкогда изъ этого озера выходили пестрые коровы; *) однажды священникъ обошелъ ихъ съ крестомъ

*) Это же преданіе относятъ и къ другому озеру близъ самаго гор. Никольска. Подобное преданіе существуетъ и у Киргизъ около Семипалатинска. такихъ коровъ называютъ с у-с і н р ъ.

подобное всеобщее бученье бываетъ съ нитками или мотами. Тѣмъ же способомъ грѣтся вода въ банѣ и другаго способа въ деревняхъ не употребляется. Кисель овсяный или изъ пшеничныхъ высѣвковъ во время помянокъ и въ дни, когда поминаютъ покойниковъ, кипятятъ также посредствомъ камней; кадку ставятъ на столъ съ заквашеннымъ растворомъ овсяной муки; заквашиваютъ, втыкая пукъ горящихъ лучинъ, слѣд. углекислотой; кладутъ еще въ растворъ кремнь, чтобъ кисель былъ клейнѣе, крѣиче, а чтобъ усилить кислоту—дрожжей *). Каленые камни опускаютъ прямо въ жидкость, которая и начинаетъ кипѣть; её мѣшаютъ мутовкой, потомъ разливаютъ по чашкамъ и студятъ, часть же съѣдаютъ горячею съ масломъ или заболтавъ смѣтаной. Пиво также варится посредствомъ калѣныхъ камней, хотя и не вездѣ; въ деревнѣ Зеленцовой, какъ мнѣ говорили жители, нѣтъ обычая варить пива камнями; варятъ его въ котлахъ; напротивъ, въ деревнѣ Меньковой только у двухъ крестьянъ есть котлы, остальные кипятятъ воду по-жегомъ. Пиво варятъ здѣсь изъ ржи въ особыхъ поварняхъ; для этого соединяются въ одинъ чанъ по 2, по 3 семейства, потомъ вышедшее пиво дѣлятъ смотря по тому, кто сколько положилъ солоду, рассчитывая на каждую малѣнку солода (пудъ съ $\frac{1}{4}$) по 5 или 6 ведеръ пива, а густого по 4.

Дорога отъ Зеленцовой до Подболотья или Кулиги (22 вер.) идетъ по волоку между р.р. Шарженьгой и Шепшеньгой, текущей съ З. въ первую. Р. Шепшеньга течетъ въ лѣсу; на ней только два починка. Здѣсь находится правленіе Подболотиной волости, которую народъ зоветъ Ляменьгой. Шарженьга отъ Кулиги въ 4-хъ верстахъ; она такъ здѣсь уже узка, что черезъ неё можно шагать. Отсюда также недалеко и р. Талица, самый сѣверный притокъ Кемы; кулиганы имѣютъ на Талицѣ сѣновосы; здѣсь должна быть одна изъ сѣдловинъ урало-алаунской гряды; здѣсь берутъ начало р.р. Шарженьга, Кема и Юза; на нашей дорогѣ вѣроятно это было самое высокое мѣсто. Вершины Шарженьги находятся отъ Кулиги въ 15 вер., около оз. Шипунова, которое лежитъ по срединѣ зыбучаго болота; глубина его по словамъ крестьянъ до 20 сажень; оно рыбное, но въ настоящее время рыбы стало меньше. Я хорошенько не разспросилъ крестьянъ, но вѣроятно оно принадлежитъ къ числу такихъ же озеръ съ плавающими берегами, какъ и описанное выше озеро Кожаево.

Здѣсь кстати описать и другія озера, находящіяся въ Никольск. у., о которыхъ мнѣ удалось слышать: ниже устья р. Шарженьги въ Югъ впадаетъ р. Устьямженецъ, который течетъ изъ Святого озера; кругомъ этого озера

*) Подобный кисель варятъ въ Вознесенъе; говорятъ, что съ опарой вмѣстѣ и Іисусъ поднимается на небо. Этотъ вознесенскій кисель непременно вужно варить на камняхъ. потому что Іисусъ ходилъ по камнямъ.

и нѣкоторыхъ изъ нихъ удалось захватить. Приплодъ отъ этихъ озерныхъ коровъ и теперь есть.

Былъ какой то царь, который понималъ языкъ птицъ.

Ворона, сидя на коровьемъ пометѣ, кричитъ: „тваррлогъ! тваррлогъ“! т. е. творогъ *). Птица травникъ кричитъ: „пѣти, пѣти! травы! травы“! „Мужики за неё Бога молятъ“. Кошка, когда мурлычетъ, говоритъ: „вилы да грабли, бугры да ямы“.

Мужъ одной сварливой жены не зналъ, куда отъ нея дѣваться и рѣшивъ уже бѣжать; сидитъ на лавкѣ и задумался, какъ это лучше сдѣлать, въ это время хозяйка впустила куръ въ избу; Богъ открылъ мужику понимать птичій языкъ. Вотъ онъ и слышитъ, какъ пѣтухъ учитъ куръ, а которая его не слушается, ту бьетъ. Тогда мужикъ подумалъ: пѣтухъ вонъ со сколькими женами, а я, человекъ, съ одной не могъ справиться. Послѣ этого онъ взялъ свою жену за волосы, потербилъ её и, она стала съ тѣхъ поръ послушною.

Утромъ въ Зеленцовой мы были свидѣтелями варенія картофеля камнями. Два параллельныхъ ряда горшковъ, поставленныхъ на полу подлѣ печи, рано обратили на себя наше вниманіе; одинъ рядъ былъ наполненъ картофелемъ и водой, другой пустой. Въ печь былъ посаженъ по жегъ, т. е. камни; когда они накалились, хозяйка стала опускать ихъ въ горшки съ водой и картофелемъ, тотчасъ же прикрывая пустыми горшками. Употребленіе камней для кипяченія воды здѣсь въ большомъ употребленіи. Оно употребляется при бученіи бѣлья и нитокъ; бученье бѣлья производится часто въ домахъ; передъ сѣнокосомъ же, когда требуется сразу большое количество чистаго бѣлья на все время сѣнокоса, время же это бываетъ сухое, въ избахъ бучить опасно—бученье производится на берегу рѣки; въ половинѣ іюня въ одинъ прекрасный день все женское населеніе тѣхъ семей въ Никольскѣ, которыя занимаются земледѣліемъ—высыпаетъ на берегъ, раскладываетъ огни, кладетъ камни; въ буки (кадки) еѣ дырой на днѣ заткнутой деревяннымъ гвоздемъ, кладется бѣлье; сверхъ кадки накладывается пепельникъ, т. е. холщевый доскутъ; на него кладется зола, которая угнетаетъ середину пепельника внизъ и образуетъ фильтръ; сверхъ золы наливается вода и кладутся каменные камни, пока не закипитъ вода. Потомъ букъ еще закрываютъ холстиной и досками. Когда камни остынутъ, ихъ вынимаютъ и снова кладутъ въ огонь, а другіе накалившіеся камни кладутъ въ пепельникъ на ихъ мѣсто. Въ этой работѣ проходятъ цѣлыя сутви; женщины проводятъ на берегу цѣлую ночь; на другой день бучать не болѣе 5 или 10 семей отсталыхъ. Весной

*) Зимой ворона кричитъ: «по рублю г..по!» Лѣтомъ: «по денежкѣ киласы (суслоны)» (Записано отъ женщины уроженки Ямбургск. у. С.-Петербург. губ.).

лежить зыбунъ; скотъ ходитъ по зыбуну, грузнетъ въ водѣ до подчеревокъ, но никогда небыло съ нимъ несчастья утонуть, почему озеро и прозвано Святымъ *); для измѣренія глубины озера крестьяне связывали жерди, но оказалось, что на глубинѣ 8 сажень они не могли достать дна; на середину озера выплываютъ на плотикахъ; на днѣ видно какую-то грязь, въ которой исчезаетъ камень. Въ этомъ озерѣ ловятъ карасей. Съ одной стороны озера вытекаетъ р. Устьямженецъ.

Близъ р. Бѣлой, впадающей въ Луптюгъ, есть озеро Дикое; въ немъ водится рыба; изъ озера бѣжитъ ключъ, не стынущій зимой; прежде, когда озеро было въ лѣсу, и оно не стыло; нынѣ лѣсъ, по словамъ ближайшихъ жителей, свалился въ озеро (?). берега оголились, и оно стало стыть. Это завалено „хламомъ“ т. е. древеснымъ ломомъ.

Въ 2-хъ верстахъ отъ Подболотья мы пересѣкли рѣку Ляменьгу; видъ, который здѣсь представляется, лучше всего показываетъ, какъ здѣсь сжато населеніе около рѣкъ; и въ ту и другую сторону по рѣкѣ было видно множество деревень, расположенныхъ по угорьямъ. Здѣсь мы увидѣли съ дороги на лугу Ляменьги до 10 качелей почти вмѣстѣ; здѣсь собирается почти вся Ляменьга въ Троицу. Въ Пасху здѣсь не качаются или по крайней мѣрѣ мало качаются, и вообще Пасха здѣсь проходитъ менѣе весело, чѣмъ въ другихъ частяхъ Россіи.

Качели, по здѣшнему качули, по деревнямъ здѣсь очень распространены; часто въ маленькихъ деревняхъ я видалъ по 2 качели; очень много устроено качелей съ висячими корзинами, которыя вращаются въ вертикальной плоскости; другія качели веревочныя; высота этихъ послѣднихъ бываетъ до 3 сажень и удивительно, какъ не бываетъ несчастій при огромныхъ размахахъ, какіе дѣлаютъ качающіеся. Качели эти устраиваются артелями молодыхъ деревенскихъ парней. Зимой парни устраиваютъ катушки изъ жердей; для этого кладутся наклонно двѣ параллельныя жерди, гладко осоченныя; на одну становится парень, на другую дѣвица, берутся другъ за друга и катятся бокомъ, стоя на ногахъ.

Увеселенія здѣшней крестьянской молодежи рѣдки и разнообразны. Лѣтомъ въ праздники по срединѣ деревни устраиваются хороводы, на которыхъ я видѣлъ только: 1) змѣевидно движущуюся плѣницу, концы которой сомкнуты въ кругъ, 2) хожденіе одной стѣны на другую, 3) игру въ горѣлки и 4) осьмерку. Первое движеніе совершается подъ какую-нибудь пѣсню, второе и послѣднее подъ гармонію или балалайку.

*) Въ здѣшнемъ краѣ есть и еще святые озера и рѣчки Святцы. вѣроятно имена всѣхъ ихъ одинаковаго происхожденія съ описываемымъ.

Зимой дѣвицы въ деревняхъ собираются на бесѣдки и игрища; бесѣдки бываютъ ежедневно, по вечерамъ, въ періодъ съ послѣднихъ чиселъ сентября съ шитьемъ, съ третьей недѣли Филиппова поста съ пряжей до второй недѣли Великаго поста. Это самое обыкновенное сборище, такъ что здѣшнія женщины, уходя изъ чужого дома, прощаются обыкновенно словами: „къ намъ на бесѣдки“! Для бесѣдки всѣ дѣвицы деревни собираются въ одну избу; для этой цѣли избы чередуются между собою понедѣльно; въ очереди участвуютъ только тѣ избы, въ которыхъ есть дѣвицы. Здѣсь существуетъ обычай привозить во время мясоѣда къ себѣ гостью; всякій хозяинъ дома привозитъ дѣвицу, конечно родственницу изъ чужой деревни, иногда изъ-за 10 верстъ, даже и изъ-за 30; это дѣлаютъ только тѣ, которые имѣютъ у себя въ домѣ дѣвицу. Дѣвицы эти гостятъ по недѣлѣ и по двѣ; обѣдаетъ и ужинаетъ она въ домѣ пригласившихъ её, а все свободное время она прядетъ на себя; вечеръ она вмѣстѣ съ хозяйской дочерью уходитъ на бесѣдку. Для дѣвицы это родъ отдыха отъ домашнихъ работъ и это бываетъ время, когда дѣвица дѣлаетъ самый большой заработокъ для себя. Приглашеніе въ гости дѣвицы родныя ея считаютъ за почетъ, оказанный цѣлою семьей, и въ слѣдующій мясоѣдъ отплачиваютъ его, приглашая сами дѣвицу изъ того дома, въ которомъ гостила ихъ дочь.

На бесѣдкахъ дѣвицы занимаются пряденьемъ; сидятъ далеко за полночь, такъ что расходятся по домамъ, когда семейства ихъ въ деревнѣ уже давно спятъ. Освѣщается бесѣдка лучиной того хозяина, въ избѣ котораго она собралась. На бесѣдки приходятъ и парни, угощаютъ дѣвицъ орѣхами, шутятъ съ дѣвицами, но плясокъ на бесѣдкахъ не бываетъ. Дѣвицы поютъ однакожъ пѣсни.

Кромѣ бесѣдокъ бываютъ игрища, но только разъ въ годъ, на Рождествѣ и святкахъ. Для этого дѣвицы съѣзжаются верстъ за 40 въ одну деревню; при этомъ деревни чередуются, нынѣ съѣздъ дѣвицъ бываетъ въ одну деревню, на другой годъ въ другую. На игрищѣ не работаютъ, а только пляшутъ съ молодцами. Въ г. Тотмѣ игрищъ не бываетъ, а вмѣсто ихъ бываютъ вечорки; въ какой-нибудь праздникъ мать мѣщанка, желая потѣшить дочь, пуститъ къ себѣ вечорку; входъ доступенъ для всякаго, кто бы ни захотѣлъ войти; хозяйка жжетъ свою свѣчу; дѣвицы и парни пляшутъ; самые обыкновенные танцы въ Тотмѣ: французская кадрили, „зайнька“ и хожденіе плѣнницей, которое назыв. „большой пѣтухъ“. Послѣднее начинается тѣмъ, что одинъ парень, часто мальчуганъ лѣтъ 10, беретъ дѣвушку за руку и начинаетъ водить по комнатамъ; дѣвушка беретъ за руку другого парня и теперь ходятъ втроемъ, одинъ сзади другого; парень беретъ опять дѣвушку, т. е. опять парня и т. д. Когда цѣпь увеличится, она начинаетъ двигаться

змієвидно и въ это время дѣвицы начинаютъ пѣть какую-нибудь пѣсню. „Зайнька“ — это полька — трамбланъ, которая однакожъ танцуется съ примѣсью русскаго. Парень и дѣвица пляшутъ её то рядомъ, взявшись за руки, то обнявшись. Въ остальное время ежедневно, гдѣ есть дѣвица въ домѣ, собираются по три, по четыре дѣвушки на бесѣдки, гдѣ онѣ прядутъ или вяжутъ чулки и поютъ пѣсни; парни и здѣсь приходятъ на бесѣдки съ лакомствами и иногда покупаютъ на свой счетъ свѣтъ; но бесѣдки здѣсь не бываютъ многолюдны. Въ г. Никольскѣ бесѣдки также немногочисленны, какъ и въ Тотмѣ; но такъ какъ здѣсь часть мѣщанъ ведетъ жизнь по крестьянски и занимается земледѣліемъ, то дѣвицы этихъ городскихъ земледѣльцевъ устраиваютъ на рождественской недѣлѣ игрища; въ каждомъ концѣ города бываетъ свое игрище; нынѣшней зимой (1872—1873) ихъ было два въ городѣ. Они устраиваются дѣвицами на свой счетъ; дѣвицы складываются на свѣтъ и квартиру; одно игрище, состоявшее изъ 16 дѣвушекъ, за одну квартиру заплатило 3 р. 20 к., слѣдов. съ каждой дѣвушки сошло по 20 коп. Въ Никольскѣ нѣтъ уже ни зайньки, ни хожденія плѣницей, которыя я видѣлъ во Тотмѣ, но французская кадрили и здѣсь самый обыкновенный танецъ не только у мѣщанокъ въ городѣ, но и въ деревняхъ близъ города, на разстояніи покрайней мѣрѣ 3, 5 верстъ. Лѣтомъ французская кадрили танцуется здѣсь подъ открытымъ небомъ. Кромѣ ея, здѣсь пляшутъ „чижика“, „ивушку“ и „грушу“. Всѣ эти танцы называются такъ потому, что пляшутся подъ пѣсни такого названія. Ивушка назыв. иначе осьмеркой, которая вѣроятно отсюда распространилась по всей Сибири до Алтая и Камчатки.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ Тотмѣ, поля все болѣе и болѣе голѣли, и посреди ихъ возникали ржанныя и яровыя копны. Хлѣбъ свозится здѣсь въ копнища, которыя устраиваются на полѣ же; нѣкоторые крестьяне свозятъ его на свои гумна въ деревнѣ. Копнище заключаетъ въ себѣ хлѣбъ съ цѣлаго поля (ржаного); въ немъ помѣщается до 50 копнѣ. У богатыхъ мужиковъ бываетъ и по двѣ копны. Копнище огораживается городьбой; всякій хозяинъ, который владетъ копны въ копнищѣ, за каждую копну долженъ загородить 2 сажени копнища. Хлѣбъ складывается здѣсь или въ копны или въ обзуроды; первыя яйцевидной формы, вторыя въ видѣ отвѣсной стѣнки; въ первыхъ снопы кладутся лучисто, во вторыхъ въ два параллельныхъ ряда, колосьями внутрь обзуроода, жнивомъ прочь. Копны ржанныя бываютъ высотой 3 сажени; обзуроды ниже; яровыя копны по формѣ отличаются отъ ржанныхъ; онѣ не выше сажени, почти цилиндрическія и съ тупой вершиной.

Сѣно здѣсь складываютъ не въ стога, а въ промѣжки; промѣжки я видѣлъ отъ Никольска до Тотмы; ближе къ послѣднему городу они

назыв. проймами. Промежки кладутся такъ: вколачиваютъ рядомъ 3 кола, средній гораздо короче; колья эти назыв. стожары; на средній колъ начинаютъ накладывать сѣно почти въ уровень съ высотой крайнихъ колевъ, такъ что масса сѣна кажется ущемленною между двумя кольями; въ одинъ промежекъ уходитъ одинъ или два воза. Если сѣна много, отъ крайняго кола рядомъ вколачиваютъ еще колья для слѣдующаго промежка, такъ что иногда три промежка представляютъ одну общую массу, раздѣленную только кольями. Въ Вятской губ. мечутъ не промежки, но стога, но все-таки въ центрѣ стога предварительно вколачиваютъ колъ. Причина въ этой особенности здѣшняго метанія сѣна можетъ быть заключается въ недостаткѣ вяжущихъ травъ, въ родѣ вязиля; здѣшнее сѣно преимущественно состоитъ изъ болотныхъ злаковъ. Было бы въ здѣшнемъ краѣ, отличающемся недостаткомъ ясныхъ жаркихъ дней, не дурно ввести шведскій способъ сушенія сѣна въ овинахъ.

Копенъ хлѣбныхъ больше встрѣчается, чѣмъ обзуродовъ; впрочемъ число послѣднихъ, говоритъ, въ послѣднее время стало умножаться, потому что въ обзуродахъ хлѣбъ скорѣе сохнетъ, скорѣе его прохватываетъ вѣтромъ.

Какъ вообще въ областяхъ чисто земледѣльческихъ, земледѣліе здѣсь находится на самой низшей степени совершенства; между сѣверной и южной стороною сузѣма замѣчается разница въ плодородіи земли; именно южная покатошь урало-алаунской гряды несравненно лучше развиваетъ свою растительность, чѣмъ сѣверная; лучшій лѣсъ растетъ на южной сторонѣ; по Кемѣ по словамъ крестьянъ на повинахъ навозъ по 10 лѣтъ не кладутъ, напротивъ на здѣшнихъ требуется на другой годъ послѣ сженія. Вохма, лежащая на южной сторонѣ сузѣма, считается самымъ хлѣбороднымъ краемъ во всей Вологодской губ., и только здѣсь основываются починки. Поэтому хлѣбопашество на сѣверной сторонѣ сузѣма еще болѣе находится въ зависимости отъ скотоводства, чѣмъ на южной; скотъ на грядѣ мелокъ и его кажется мало въ уѣздѣ; вслѣдствіе чего мало навозу, а потому плохъ и урожай хлѣбовъ. Лучшее сѣно съ мышьякомъ и кашникомъ родится на дѣлянкахъ, потому что на нихъ течетъ и просачивается навозная жижа съ полей, подлѣ которыхъ часто онѣ лежатъ, но и здѣсь урожай травы не великъ. Такъ, наприм., въ дер. Аксентьевой одинъ извѣстный мнѣ хозяинъ съ трехъ дѣляницъ накашиваетъ 6 возовъ; въ каждой дѣляницѣ онъ имѣетъ по двѣ поженки *); съ каждой дѣляницы онъ получаетъ по 2 воза; у этого хозяина три души, слѣдовательно каждая поженка въ три косья длиной т. е. 3 сажени (на душу здѣсь отмѣриваютъ по одному кося); во всѣхъ поженкахъ будетъ 9 сажень. Длина поженовъ (=ширинѣ дѣляницы) около 10 сажень. Такимъ образомъ со 100 сажень получается 6 возовъ сѣна, съ десятины 144 воза.

*) Поженкой назыв. недѣлимый болѣе участокъ дѣлянки доставшійся сельѣ.

Для улучшения земледѣлія необходимо способствовать улучшенію скота, а послѣднее невозможно безъ введенія травосѣянія, къ которому здѣсь и самъ народъ пришелъ. На повинахъ здѣсь сѣютъ палочникъ или сѣянецъ (*Phleum pratense*, L.) вмѣстѣ съ рожью; потомъ рожь жнутъ, вымолачиваютъ и отдѣляютъ сѣмя палочника посредствомъ просѣванія и снова его сѣютъ на новыхъ повинахъ. На старой же новинѣ, на которой на другой годъ рожь уже не сѣютъ, палочникъ родится одинъ въ такомъ изобиліи, что получается чистое палочниковое сѣно; только уже на 4 или 5 лѣто палочникъ заглушается посторонними травами. Въ Тотемскомъ уѣздѣ также сѣютъ сѣянецъ, но не вездѣ; такъ, наприм., на р. Уфтыгѣ, т. е. въ долину значительной рѣки, его не сѣютъ, напротивъ сѣютъ его по глухой лѣсной рѣчкѣ Едингѣ, внутри сузѣма, гдѣ вѣроятно чаще жгутъ новины.

Въ числѣ задачъ здѣшняго земства употребить свое вліяніе на то, чтобъ крестьяне стали пахать и унавоживать дѣлянки и сѣять на нихъ мышьякъ и кашникъ; начало этому дѣлу можно бы положить посредствомъ артелей травосѣянія, выпросивъ у правительства участки подъ новины съ тѣмъ условіемъ, чтобъ артель исключительно обрабатывала ихъ подъ травосѣяніе.

Навозъ здѣсь скопляется, какъ и вездѣ въ Россіи, въ хлѣвахъ, которые устраиваются въ восточной части Тотемск. уѣзда и западной Никольскаго подъ повѣтями и даже подъ избами, въ которыхъ живутъ сами хозяева; только ближе къ Никольску нѣтъ уже хлѣвовъ подъ избами, а въ городѣ Никольскѣ повѣти даже строятся отдѣльно отъ домовъ. Вслѣдствіе такого способа скопленія навоза на Никольскихъ улицахъ можно въ концѣ зимы видѣть коровъ въ такомъ убранствѣ, которое напоминаетъ эпическій терминъ финской калевалы для коровы—навозное бедро; бедра и брюхо коровы за зиму покрывается навозной броней, лежащей чешуями какъ у броненосца, и обваливающейся только весной, когда коровы начнутъ линять и купаться въ водѣ. Считаютъ это не вреднымъ; въ Устюжск. уѣздѣ даже нарочно выкармливаемымъ быкамъ не стелятъ соломы, чтобъ онъ не ложился, стоялъ на ногахъ—лучше выкармливается. Постилкой служить одинъ навозъ.

Жернова здѣсь двухъ сортовъ: сопласъ т. е. камень, выломанный изъ горнаго мѣсторожденія, привозятъ сюда изъ Вятской губерніи; мѣстный дресвяникъ (гранитъ), встрѣчающійся въ видѣ эрратическихъ камней, нужно черезъ день и ужъ непременно черезъ три дня ковать, сопласъ не требуетъковки. За сопласъ платятъ здѣсь по 50 руб. за жерновъ, мѣстный жерновъ изъ эрратической глыбы 20 рублей. Въ Устюгъ привозятъ съ Двины какой-то кукарскій камень.

Бороны суковатки въ настоящее время стали вытѣсняться желѣзными кольчеватками; суковатка нынѣ употребляется только на новинахъ и

льнищахъ. Суковатки состоятъ изъ нѣсколькихъ стволовъ ели, сплоченныхъ вмѣстѣ въ одну плоскость съ оставленными на одной сторонѣ длинными въ 1 арш. сучьями; зубья эти не ломаются объ невыкорчеванные пни на льнищахъ, а гнутся, почему здѣсь суковатка и предпочитается кольчеватѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, гдѣ земля отличается мягкостью, какъ наприм. около Никольска въ дер. Кузнечикѣ, суковатки и въ хлѣбныхъ поляхъ еще не вытѣснены.

У здѣшнихъ молотилъ шарнеръ дѣлается изъ сыромятнаго ремня; на Кемѣ даже лычный; изъ моржевой кожи, какъ въ Казанск. и Пермской губ. не встрѣчаются.

Въ ржаной сусловѣ здѣсь кладутъ 13 сноповъ. Въ овинѣ кладутъ 25 суслововъ; изъ овина выходитъ $3\frac{1}{2}$ мѣры, т. е. 17 пудовъ.

Лѣто 1872 г. было замѣчательно по высотѣ ржи; 80 лѣтніе старики говорили мнѣ, что они не помнятъ такой ржи; но когда рожь смолотили, оказалось, что былъ только урожай соломы, зерна же получили меньше противъ обыкновенной нормы.

Сѣмена для овощей здѣсь выращиваютъ сами; растенія, посаженные для сѣмянъ, называются садъ; картофель для садки привозятъ сюда крестьяне изъ Межи (волость Кологривск. уѣзда Костромск. губ.). Изъ овощей сѣютъ: капусту, галанку (брюкву), рѣпу, рѣдьку и лукъ, и только.

Рожь сѣютъ мужчины (развѣ мужа нѣтъ, то сѣетъ и баба). Овесъ и горохъ, вообще яровое, чуть ли не большею частью сѣютъ бабы. Кто началъ сѣять, тотъ и долженъ кончить,—а если началъ сѣять одинъ братъ, да потомъ передалъ другому—рожь не родится. Не слѣдуетъ ѣсть во время посѣва на пашнѣ, нужно сходить домой, если проголодался. Не нужно пропускать праздниковъ, хоть подъ вечеръ праздника, хоть горсть, да нужно посѣять.

Навозъ вывозятъ на пашню помочью, безъ угощенья; богатый подводъ до 20 наберетъ, бѣдный втрое менѣе.

Горохъ молотятъ, соединяясь по двѣ ватаги (по крайней мѣрѣ въ дер. Аксентьевой); остальной хлѣбъ каждое семейство отдѣльно.

Ленъ мять мужъ помогаетъ женѣ, но треплетъ она одна. Женщины въ семействахъ помогаютъ мужчинамъ катать валки. Льнище обрабатывается такъ: вырубаютъ небольшой участокъ лѣса; это назыв. „рубить валѣ или валкѣ“. Сваливаютъ лѣсъ равно по всему пространству—это называется „выпрятать валѣ“. Въ такомъ положеніи лѣсъ сохнетъ. На другой годъ весной зажигаютъ его съ разныхъ сторонъ и слѣдятъ, чтобъ хорошо горѣлъ; гдѣ „прохолонуло“, засыпалось пепломъ—разгребаютъ метлой. Это мѣсто потомъ еще прожигаютъ, сваливъ головни въ кучу и перегоняя длинными деревянными

вилами эту горящую кучу вдоль десятины. Люди при этомъ закоптѣютъ, сарафаны и рубахи въ сажѣ, руки обожжены; бываютъ случаи, что люди сгорали при этомъ. Боронятъ суковаткой и сѣютъ ленъ только одинъ разъ, потомъ покидаютъ; черезъ нѣсколько лѣтъ эта кулижка заростетъ травой и это назыв. дербѣ.

Изъ обычаевъ при хлѣбопашествѣ самый замѣчательный здѣсь до ж и н к и, совершаемые на овсяномъ полѣ, и заканчивающіе собою страду. Дожинки каждый хозяинъ справляетъ отдѣльно; они состоятъ въ заплетаніи „бороды Ильѣ“. Мнѣ самому не удалось видѣть этотъ обрядъ, и я принужденъ описать его по рассказамъ другихъ. Въ Никольск. у. это дѣлается такъ. Одинъ колосъ оставляется не сжатымъ, кругомъ его кладутъ колосья крѣткой (въ видѣ городка), т. е. четыре стебля кладутся такъ, какъ бревна въ избѣ, на этотъ вѣнецъ кладется другой и т. д., при чемъ соблюдаютъ, чтобъ колосъ одного стебля приходился сверхъ жнивы другого; оставшійся въ серединѣ не сжатый пучекъ колосевъ загибаютъ внизъ и нахлобучиваютъ ему х л о б у ч е к ѣ. Когда одна женщина плететъ эту бороду, всѣ молчатъ. Окончивъ, она кланяется бородѣ въ землю и говоритъ: „вотъ тебѣ Илья борода! Рости овесъ на прокъ, корми добраго коня“! Потомъ она поднимаетъ снопъ на голову и говоритъ: „вотъ эдакій высокій рости овесъ на прокъ“! Затѣмъ всѣ дожинвальщики идутъ въ избу; тамъ снопъ ставятъ въ судки и говорятъ: „клопы, блохи, цыганы *) вонъ изъ избы; скотъ на дворъ“. Потомъ снопъ этотъ относится на повѣть и лежитъ тамъ до Покрова, когда скотъ поступаетъ на кормъ; тогда этотъ снопъ раздѣляется между всей домашней скотиной и этимъ начинается его зимняя кормѣжка въ хлѣвахъ. Дожинки устраиваются на всемъ пространствѣ отъ Никольска до Тотьмы и до Устюга; кромѣ собственного семейства на дожинки приглашаются чужіе и угощаются виномъ. Въ Устюжскомъ уѣздѣ, связавъ бороду Ильѣ, приговариваютъ: „къ этому хозяину приходили бы купить и займовать! Кто зѣрнышко съѣстъ, если дѣвушка—замужъ идти, парень—жениться, если женщина—дитя родить, если корова—телушку родить, если овечка—двойничковъ принести“. За тѣмъ несутъ снопъ на головѣ въ судкѣ и оставляютъ тамъ стоять въ теченіи 3 недѣль; принеши снопъ въ судкѣ, молятся и угощаютъ гостей саламатой и виномъ. Собраніе вариантовъ дожинокъ могло бы помочь разъясненію исторіи здѣшней колонизаціи.

Рогатый скотъ около Никольска, т. е. ближе къ гребню урало-алаунской гряды, гдѣ луговъ нѣтъ, а пожни малотравны, мелокъ; онъ крупнѣе на Сухонѣ и Двинѣ около Тотьмы и Устюга. На Никольскомъ рынкѣ главный свозъ мяса бываетъ на Рождествѣ; тогда привезенное мясо различается

*) Таракавы.

по качеству на три сорта: устюжское (лучшее) продается по 2 р. 20 к., словинское по 1 р. 50 к. и мѣстное, изъ окрестностей Никольска (худшее изъ всѣхъ), по 1 р. 25 к. пудъ.

Свиньи здѣсь двухъ породъ: крупныя съ висячими ушами, назыв. вятскими и мелкая мѣстная порода съ стоячими ушами. Подъ Устюгомъ свиньи крупнѣе и вѣсятъ по 5 пудовъ. Здѣсь нѣкоторые хозяева держатъ свиней, рассчитывая, что онѣ откормятся сами посредствомъ потравы и потому плохо ихъ кормятъ; въ теченіе зимы и весны, здѣшнія свиньи по этому представляютъ жалкій видъ: онѣ худы и косматы; но къ осени онѣ откармливаются отчасти созрѣвшими травами въ лѣтвищахъ, отчасти ржей, пробравшись черезъ изгороду въ поле. Замѣчательно, что свинья не пользуется равнымъ уваженіемъ съ другими культурными животными, какъ будто она позже вступила въ ряды ихъ; про неё можно сказать, что она поставлена внѣ закона. Потравы куръ въ огородахъ не взыскиваются; предполагается, что каждый хозяинъ караулитъ свой огородъ отъ нашествія чужихъ и своихъ куръ; всякую другую скотину онъ долженъ поймать и возвратитъ хозяину и имѣетъ право требовать уплаты за потраву деньгами. Но если хозяинъ поймаетъ свинью и узнаетъ, что она пробралась въ огородъ черезъ изгороду, которую долженъ городить сосѣдъ—онъ имѣетъ право убить её. Около Устюга (мнѣ рассказывали) поступаютъ со свиньями даже звѣрски; поймавъ свинью на потравѣ, распяливаютъ двѣ колины, загоняютъ свинью между ними, потомъ верхушки колинъ сдвигаютъ снова и бьютъ свинью палками до того, что рвется кожа на брюхѣ и кишки выходятъ, животное кричитъ, но бить его продолжаютъ. Или отрѣзываютъ ему уши и хвостъ—будто безъ этихъ органовъ свинья перестаетъ жирѣть. Вообще свинья не пользуется уваженіемъ наравнѣ съ другими культурными животными; поговорки объ ней показываютъ, что мнѣніе о пользѣ свиньи въ хозяйствѣ очень различно; одна поговорка говоритъ напримѣръ: „если имѣешь много денегъ—заведи мельницу, если имѣешь много хлѣба—заведи свинью, ничего не останется“, за то другая: „посади свинью въ рожь, достанешь грошъ“.—По здѣшнему повѣрью свинья не несетъ жертву Богу; собака, медвѣдь, всякій звѣрь, что съѣлъ: ногу, лодыжку, все на томъ свѣтѣ во рту несетъ Богу, а свинья нѣтъ. Это повѣрье показываетъ, кажется, что нерасположеніе народа къ свиньѣ имѣетъ доисторическое основаніе.

Въ Подболотѣ или Кулигѣ было любопытное общественное дѣло, но крестьяне не охотно объ немъ рассказываютъ, почему я и не могъ собрать объ немъ подробностей.—Извѣстная черта русскаго человѣка смѣяться надъ несчастіемъ ближняго заставляетъ людей, дѣло которыхъ не выгорѣло, избѣгать рассказовъ объ немъ. Народъ былъ недоволенъ своимъ волостнымъ голо-

вой, котораго онъ подозрѣвалъ въ растратѣ общественныхъ денегъ; не зная, что они дѣйствуютъ противузаконно, они отобрали отъ него ключи, отворили ящикъ и пересчитали деньги; едва ли причиной ихъ недовольства была растрата денегъ; вѣроятно они злились на голову за что-нибудь другое и только рассчитывали уцѣчь его, открывъ недостатки въ суммахъ; когда наѣхало начальство, большинство участвовавшихъ въ движеніи деревень отстали, и только четыре деревни остались вѣрными общему дѣлу, именно: Бучиха, Изгачиха Ковшарка и Сосновка, которыя и должны были однѣ выплатить всѣ прогоны и порціоны чиновникамъ пріѣзжавшимъ на слѣдствіе, такъ какъ они были признаны виновными въ самовольномъ распоряженіи ключами отъ общественнаго денежнаго ящика.

10 августа мы пришли въ село Андреевское; оно лежитъ въ системѣ Волги, а не Сухоны, также какъ и слѣдующая деревня Княжева; здѣсь уже нѣтъ такихъ угорій вдоль рѣкъ, какъ въ Никольскомъ уѣздѣ; здѣсь толстые наносы, изъ которыхъ состоятъ угорья притоковъ Юга, смыты въ геологическую эпоху, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются уже обнаженія известняковъ, составляющихъ подножіе наносовъ, и рѣки, протекая по твердому грунту, не вырываютъ такихъ широкихъ долинъ, какъ въ Никольскомъ уѣздѣ, напротивъ текутъ въ крутыхъ невысокихъ берегахъ; иногда впрочемъ они поднимаются до значительной высоты, имѣя однакожъ отвѣсную осыпающуюся въ рѣку поверхность; такіе обрывы назыв. здѣсь слудками. Здѣсь ломается и обжигается известь, которая доставляется отсюда и въ г. Никольскъ. Ломка известняка по моимъ разспросамъ производится въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) близъ села Андреевскаго, въ 2 вер. отъ него, 2) по р. Ёнгину, у дер. Зубриной, 3) по р. Шарженгѣ, выше д. Зеленцовой, 4) въ д. Сараевомъ по р. Килченгѣ и 5) по р. Шонгѣ. Послѣднія два мѣста находятся въ с. отъ Никольска; къ в. отъ этого города, т. е. на южной сторонѣ сузѣма, въ предѣлахъ уѣзда нѣтъ известняковыхъ ломокъ; известнякъ доставляется изъ Вятской губ. Самая ближняя къ уѣздной границѣ ломка известняка кажется находится близъ дер. Доровой, лежащей на р. Дороваткѣ, текущей въ Кобру, а та въ Молому, притокъ Вятки.

Около деревни Зубриной известковый пластъ лежитъ подъ слоемъ глины въ 20 саж. толщиною; пластъ известняка имѣетъ 1 саж. высоты, лежитъ у самаго уровня воды, на глинѣ; вдоль по берегу протяженіе пласта 40 саж. Цвѣтъ известняка бѣлый; въ немъ есть кремнь и можетъ быть другія примѣси, которыя послѣ выжиганія сгораются въ разноцвѣтные и фигурчатые комки, которые собираютъ для дѣтей вмѣсто бабешекъ (игрушекъ). Я самъ не видалъ слоевъ и говорю все это со словъ вѣстьянъ. Работы производятся цѣлой деревней; всей деревней снимаютъ наносъ и жгутъ известь; печи также

общія. Словомъ, здѣсь образуется такая же каменоломная община, какъ въ Плитняковой деревнѣ, близъ Ладожскаго озера или при Брусной горѣ на р. Печорѣ. Подрядчикъ такой же крестьянинъ, какъ и работники, и вмѣстѣ съ ними работаетъ за пай, но получаетъ побольше за хлопоты при продажѣ. Продають известъ бочками, дѣлѣжъ производится въ деньгахъ, рассчитываютъ по числу „топоровъ“ т. е. участвовавшихъ работниковъ. Выраженіе „топоры“ перенесено на каменоломный промыселъ съ говѣбы лѣса, который сплавляется въ числѣ 2500 деревъ внизъ по Увѣжѣ. Лѣсъ этотъ рубятъ и гонятъ артелями по 5, 10 человѣкъ, а деньги по „топорамъ“.

При добываніи известняка, сначала снимаютъ наносъ и отвозятъ его людьми подъ гору на назѣмныхъ однокружкахъ (телѣжкахъ, въ которыхъ возятъ назѣмъ на пашни). Обнаживъ известъ на нѣсколько сажень, подламываютъ её ломами снизу, пользуясь „щельями“; известъ лежитъ такимъ нещелявшимся пластомъ, что стоитъ только немного вынуть снизу, какъ цѣлый „столбъ“ известняка и скатывается самъ внизъ, рассыпаясь на куски; крупныя глыбы разбиваютъ „желнами“. Печи есть двуустныя и четырехъустныя. Въ печь складывается по 10 и 20 топоровъ; бочка продается по 60 коп. Мѣсяцъ работы доставляетъ одному работнику до 20 рублей. За провозъ извести до Никольска брали въ 1872 г. по 27 коп. съ пуда.

Подобныя же общественныя ломки известняка существуютъ, кажется, и въ Тотемскомъ уѣздѣ, въ дер. Демьяновой, на р. Вочѣ, текущей въ Сухону.

Въ с. отъ г. Тотмы известнякъ ломается, между прочимъ въ деревнѣ Маурниковой (Верховскаго общества), на р. Уфтюгѣ, за Ляпинымъ волокомъ, 60 вер. отъ Тотмы; известка ломается подлѣ самой деревни; пластъ толщиной въ $\frac{1}{2}$ арш., а высота всей слуды 20 саж. Выше известняка лежатъ 5 слоевъ—надъ самымъ известнякомъ лежитъ красный слой, состоящій изъ комьевъ или каменьевъ, который ломаютъ ломомъ; еще выше бѣлый слой, состоящій также изъ твердыхъ комьевъ (мергель?); въ немъ содержится известъ, но въ маломъ количествѣ. Вдоль рѣки этотъ пластъ известняка тянется на 300 сажень; точно такой же длины находятся обнаженія известняка и на другомъ берегу р. Уфтюги, а ниже слуда кончается и пойдутъ низкіе берега. Рѣка здѣсь течетъ по перебору, по красному слою, не больше четверти глубиной; подобные слуды съ переборами и выше и ниже Маурниковой, но безъ извести; весь уфтюжскій край пользуется известью изъ Маурниковой деревни. Есть, впрочемъ, еще известъ на Уфртюгѣ близъ погоста Цоцкаго, но хуже достоинствомъ. Сѣвернѣе на р. Кокшеньгѣ, известъ ломаютъ около села Новгородовскаго, въ 40 вер. отъ дер. Маурниковой; близъ него же гдѣ-то ломаютъ и точильный камень.

Объ окаменѣлостяхъ я не могъ собрать свѣдѣній, потому что въ про-

винціи мало распространены свѣденія о существованіи мелкихъ окаменѣлостей. Около г. Тотмы, по р. Виселкѣ, впадающей въ Песью-Деньгу, мѣщане находятъ белемниты, вѣроятно принадлежащія пермской формаціи; коническій конецъ одного такого белемнита находится у меня. Здѣсь же находятъ чистокости крупныхъ многокопытныхъ. Хорошій экземпляръ черепа носорога хранился у г. Кокорева, тотемскаго купца; онъ поднесенъ имъ въ подарокъ Великому Князю Алексѣю Александровичу. Другой такой же экземпляръ черепа носорога (*Rhinoceros trichorhinus*) былъ найденъ на р. Виселкѣ и въ настоящее время хранится у офицера мѣстной команды г. Величковскаго. У тотемскаго купца В. Т. Попова, отличающагося любознательностью, хранится собраніе костей, найденныхъ въ обрывахъ р. Кокшеньги. Многіе изъ этихъ остатковъ теряются для науки, въ особенности если они не составляютъ большой рѣдкости, чтобъ быть купленными какимъ-нибудь музеемъ, между тѣмъ, сохраняясь въ какомъ-нибудь общественномъ учрежденіи уѣзднаго города, они служили бы поучительною демонстраціей при посѣщеніи края каковыми-нибудь путешественниками.

На в. отъ г. Никольска окаменѣлости встрѣчаются не ближе р. Вохмы. Здѣсь была найдена кость большого животнаго около с. Лапшина, которая мѣстнымъ кондукторомъ была представлена въ Вологодскій Статистическій комитетъ.

Село Андреевское лежитъ въ самой лѣсистой мѣстности на Тотемско-Никольской дорогѣ. Со всѣхъ сторонъ село облегаютъ лѣса; до дер. Княжевой считается 20 верстъ лѣсу, до Леменьги 30 в., до Городищнаго 40 в. и наконецъ до Кемы 70 верстъ. Здѣсь жители занимаются сгономъ лѣса внизъ по Уньжѣ. Въ этой же мѣстности находится нѣсколько дегтарныхъ заводовъ: въ 1 в. отъ села въ деревнѣ Селищѣ заводъ крестьянина Черепанова, вырабатывающій до 80 бочекъ дегтя. Въ 2-хъ верстахъ отъ Андреевскаго села другой заводъ поменьше; онъ также принадлежитъ крестьянину. Около д. Княжевой разанскіе купцы купили землю и выстроили дегтарный заводъ, въ которомъ вырабатывается до 100 бочекъ.

Прежде, по преданіямъ, сохранившимся у крестьянъ, село Андреевское и еще деревня Черивдѣ были крѣпостныя; но барина убили разбойники, барыня сдала крестьянъ въ казну; съ тѣхъ поръ будто бы сборщикъ податей сталъ носить оброкъ въ Москву. Погостъ, т. е. церковь со своею духовною колоніей, находится отъ села въ разстояніи ста сажень; здѣсь живутъ священникъ и причтъ. Дома священниковъ лучшіе по уѣзду; они по большей части двухъ-этажны, иногда даже сверхъ двухъ этажей есть еще мезонинъ. Жалобы на бѣдственное положеніе духовенства справедливы здѣсь только въ отношеніи визшихъ членовъ клира; напротивъ, священники живутъ здѣсь бо-

гато. Только въ г. Тотмѣ елишкомъ много церквей, такъ что приходы немногочисленные и вслѣдствіе этого положеніе даже самихъ священниковъ не завидное. Въ Никольскомъ же уѣздѣ погосты напоминаютъ финскія кярви; также они стоятъ въ отдаленіи отъ селеній; также подлѣ церкви красуется лучший въ окрестности домъ священника; также въ домѣ священника проѣзжающіе и проходящіе могутъ найти продажу болѣе изысканныхъ сельскихъ произведеній, чѣмъ галанка или рѣдька, единственные овощи крестьянъ. Даже картина, какую здѣсь представляютъ праздники, напоминаетъ Финляндію, когда встрѣчаешь крестьянъ, ѣдущихъ отъ обѣдни въ раскрашенныхъ саняхъ или телѣгахъ съ наряженными въ цвѣтные платки женщинами.

Вотъ краткія собранныя мною свѣдѣнія о сборахъ духовенства съ крестьянъ: хлѣбъ (рожь и овесъ) собираютъ разъ въ годъ, насобиравъ болѣе, чѣмъ на сто рублей; масла и яйца собираютъ въ Петровкѣ, кто сколько дастъ. Кромѣ зерна съ cadaго дома по двѣ челпашки (печеныхъ хлѣбныхъ ковригъ) въ годъ, и по кучѣ льна (въ кучѣ 21 повѣсма) съ бабы, такъ что если въ домѣ 3 бабы—то съ дому сходить 63 повѣсма. Во время пасхи попы ходятъ съ „Воскресеньемъ на ручкѣ“ *), которое, войдя въ избу, ставятъ въ жито, насыпанное на столѣ въ сундукахъ. Этотъ обычай сохраняется и въ г. Никольскѣ тѣми мѣщанами, которые занимаются земледѣліемъ. Когда-то давно начальство, чтобъ увеличить количество городской земли, уничтожило ближайшіе къ городу деревни: Вахрамѣеву и Мелентьеву и жителей этихъ деревень заставило переселиться въ городъ; они и до сихъ поръ сохраняютъ свои деревенскіе обычаи и деревенскіе промыслы и подати свои въ отношеніи къ клиру несутъ по деревенски. Другіе мѣщане платятъ за посѣщеніе священника въ пасху деньгами, и къ нимъ священники ходятъ съ крестомъ, а не съ Воскресеньемъ на ручкѣ; съ послѣднимъ ходятъ только къ мѣщанамъ земледѣльцамъ, которые въ это время даютъ пошамъ: 3 каравая, 2 пирога и 10 яицъ и тогда же платятъ исповѣдныя по 2 кол. съ душа, между тѣмъ какъ другіе мѣщане свои исповѣдныя платятъ во время говѣнья. Платежъ исповѣдныхъ въ пасху по мѣшнію крестьянъ установленъ за тѣмъ, чтобъ деньги не пропадали за мірянами, потому что многіе изъ нихъ не говѣютъ. Передъ петровками попы съ мѣщанъ земледѣльцевъ берутъ яйца, масло и крупу; съ дома дается три яйца и чашка крупы; въ великій постъ, когда у купцовъ закупъ хлѣба на пристань, они собираютъ ругу хлѣбомъ, именно съ дома двѣ ружницы (такая кадь, которую попъ самъ таскаетъ); въ обѣ ружницы уходитъ 5 пудовъ овса и ржи. Этотъ хлѣбъ

*) Икона Воскресенія Христа съ приделанной къ низу рукояткой, которую вставляютъ въ жито.

попъ продаетъ купцу, а на деньги покупаетъ муку на рынокъ или самъ везетъ на мельницу.

Около Андреевскаго села есть въ лѣсу въ трехъ верстахъ отъ села пять „провалищъ“, расположенныхъ рядомъ; на днѣ ихъ растутъ высокія березы, вершины которыхъ приходятся вровень съ краями ямъ. Ямы эти сухія; въ окрестности будутъ съ избу. Это единственное извѣстіе, какое я услышалъ объ ямахъ по тотемской дорогѣ. Около города Никольска есть также ямы, которыхъ я однако не видѣлъ. Они находятся около того мѣста, гдѣ была деревня Мелентьева, близъ города Никольска, на лѣв. бер. Юга, въ 1 верстѣ отъ него; онѣ называются просто ямами въ бору; лежатъ онѣ на ровномъ мѣстѣ, бугровъ вокругъ нихъ нѣтъ. Въ памяти. кн. Вологод. губ., 1861 г., ст. „Колонизація русскими Вологодской губерніи“ упоминаются ямы, находящіяся на кладбищѣ—я не видалъ ихъ. Вообще ямъ или чужихъ могилъ въ Никольскомъ уѣздѣ вѣжется мало, напротивъ, каменные ножи и лезвія здѣсь встрѣчаются очень часто; ихъ можно найти почти въ каждой деревнѣ; по большей части, ихъ выпаживаютъ въ поляхъ, почему можетъ быть и приписываютъ имъ мистическое вліяніе на урожай.

Въ селѣ, какъ и въ другихъ деревняхъ, народа не было; хозяиномъ нашимъ былъ старикъ, который уже 6 лѣтъ какъ не бывалъ на полевыхъ работахъ; старухи у него не было, и потому онъ замѣнялъ няньку для дѣтей. А у кого здѣсь нѣтъ ни старухи, ни старика, тѣ нанимаютъ пѣстунью, или дѣвочку или мальчика. Нашъ хозяинъ былъ еще бойкій, хотя и сухощавый мужикъ. По его собственному признанію въ молодости онъ былъ даже очень силенъ. „Я богатырь былъ, говорилъ онъ мнѣ. На меня 10 человекъ было надо. Изувѣченъ вѣдь я, съ сарая 5 сажень летѣлъ. А то бы я былъ бы въ Сибирѣ“.

Ремесломъ онъ былъ катальщикъ. Катанье шляпъ изъ овечьей шерсти, катаниковъ, стелекъ въ сапоги, кажется, мѣстный промыселъ на р. Юзѣ. Нашъ хозяинъ бралъ за шляпу 10, 11 и 12 в.; въ день онъ успѣвалъ 4 и 5 шляпъ скатать; онъ ходитъ ватать шляпы на в. до г. Никольска; въ нынѣшнемъ году онъ накаталъ въ одной деревнѣ Талицѣ до 120 шляпъ; онъ уже 45 л. занимается этимъ дѣломъ, прежде зарабатывалъ по 10 р. въ недѣлю, нынѣ въ зиму только по 25 рублей. Шерсть поставляется хозяиномъ шляпы со своихъ овецъ, нынѣшняя шляпа стоитъ только 25 коп.; старыя туесообразныя стоили 5 рублей.—Мода на высокую форму шляпы измѣнилась десять лѣтъ назадъ; хозяинъ нашъ говорилъ, что мода на нынѣшнія шляпы пришла сюда изъ Сибирѣ; но потомъ оказалось, что подъ Сибирью у здѣшнихъ жителей смѣшиваются всѣ страны, которыя лежатъ по

направленію дороги въ Нижній, и что моду на эти шляпы занесли сибирскіе богомольцы.

Измѣненія въ платьѣ хотя медленно, но совершаются и здѣсь. Прежде въ селѣ Андреевскомъ бабы носили суконники т. е. красныя шерстяныя юбки; нынѣ онѣ носятъ синіе холщевыя сарафаны, печатные или простые. На головѣхъ онѣ носили прежде какія-то высокія борúшки, потомъ шамшуръ, потомъ пошла повойники *). Мужики прежде носили два камзола: одинъ печатный, другой сѣрый. А нынѣ у сына нашего хозяина было платья: сибирка въ 15 рубл., другая въ 10, кошуля суконная въ 12 рубл., и 6 полушубковъ.

Одежда здѣшнихъ крестьянъ представляетъ разительный контрастъ, если её наблюдать въ воскресенье въ церкви и въ будни въ деревенской избѣ. Въ праздникъ въ обѣднѣ здѣшніе жители одѣваются довольно нарядно; масса народа въ церкви бросается въ глаза отсутствіемъ гунишекъ; мало франтовски одѣтыхъ, но всѣ одѣты равно прилично; дома же въ избахъ тѣ же люди ходятъ въ грязномъ и бѣдномъ платьѣ.

У cadaго парня есть здѣсь для зимы суконная шуба и для лѣта суконная сибирка, которая онъ надѣваетъ въ праздникъ. Черныя суконныя штаны носятъ по праздникамъ лѣтомъ и зимой. На головѣ зимой шапка въ 3 рубля, на шеѣ галстухъ шелковый въ 80 к., а зимой гарусный шарфъ. Рубахи опоясываются гарусными поясами, которые вяжутъ дѣвицы себѣ и своимъ любимымъ парнямъ даромъ съ длинными, больше четверти, кистями, паренъ долженъ доставить дѣвушкѣ свой гарусъ. У cadaго парня есть сапоги; возу для нихъ покупаютъ въ рынокъ **). Дѣвицы покрываютъ голову платкомъ въ 5 рублей; такими же платками замужнія женщины покрываютъ свои шамшуръ. На ногахъ крестьянки прежде носили въ праздники коты, отличающіеся отъ нынѣшнихъ арестантскихъ только красной оборкой; нынѣ стали носить башмаки, покупаемые на городскомъ рынокѣ. Изъ украшеній дѣвицы носятъ бусы, на шейники, связанные изъ бисера и серьги. Последнія цѣною въ 3 к., въ 5 к. и въ 10 к., есть и серебряныя въ 2 рубля. Въ серьги вставляютъ жировыя желёзы, вырѣзанныя у дикихъ утокъ; высохнувъ, онѣ сильно распушаются; это украшеніе называется пушками; „пушки золотыя ушки“ — здѣшняя поговорка. Пушки носятъ и въ Костромской губерніи.

*) Въ деревняхъ около Никольска (дер. Кумбисеръ) бабы носили прежде сороки, какія и теперь еще носятъ на Кемѣ. Сороки здѣсь смѣнены шамшурами, а шамшуръ въ настоящее время смѣняется дернишкой.

**) Здѣшніе крестьяне сами не умѣютъ дѣлать ни кожи, ни мыла, какъ въ Сибири; даже для шитья одежды къ нимъ приходятъ костромскіе швецы, которые шьютъ и мужскіе и женскіе камзолы.

Но совсѣмъ другое представляется, когда видишь здѣшній народъ въ его обыденномъ платьѣ. Женщины ходятъ въ полинялыхъ сянёныхъ холщевыхъ сарафанахъ, висящихъ на тѣлѣ отвѣсно, какъ рубаха; на ногахъ или ничего нѣтъ, или лапти рѣже лыковые, чаще берестяные; бѣлье моется въ годъ не болѣе 5 разъ, въ томъ числѣ два раза бучать. Въ баняхъ моются безъ мыла, да и воды въ банѣ грѣютъ очень мало—въ одномъ деревянномъ корытѣ, вмѣстимость котораго еще уменьшается калѣными камнями, посредствомъ которыхъ вода нагрѣвается. Въ деревняхъ нѣтъ ни зеркалъ, ни полотенцевъ; утираются какойнибудь трапичей, старой рубахой и пр. Существуетъ анекдотъ: проходящій человѣкъ спрашиваетъ у крестьянскаго мальчика, умывши лицо: чѣмъ у васъ тутъ утираются? Отецъ рукавомъ, мама подоломъ, а я такъ сохну, отвѣчалъ мальчикъ.—Пола здѣсь моютъ только разъ въ годъ, въ пасху.

Мужики въ избѣ сидятъ въ рубахахъ, а въ лѣсѣ надѣваютъ кошули—кафтаны, сшитыя изъ сукманины и покрытыя крашениной. Лапти берестяные, иногда лычные или самодѣланные изъ купленнаго лыка или готовые, или веревочные; послѣдніе теплѣе, менѣе продуваетъ вѣтеръ. Онучи шерстяныя ткутъ сами бабы или суконныя или съ ниткой; первыя прочнѣе, у послѣднихъ нитка мокнетъ и скоро прогниваетъ.

Зимой носятъ войлочные катанки, прекрасная теплая обувь, которую можно назвать истиннымъ благодѣяніемъ сѣвера; лѣтомъ не только въ избахъ сидятъ босые, но я видалъ дѣвицъ, которыя косили на мокрой пожнѣ безъ всякой обуви.

На головахъ крестьяне лѣтомъ носятъ низенькія войлочные шляпы; соломенные плетутъ крестьяне въ дер. Каменкѣ (5 в. штука), но онѣ очень рѣдко встрѣчаются даже въ окрестностяхъ этой деревни.

На шею, идя въ лѣсѣ, надѣваютъ шарфы, вязанные самими мужчинами изъ домашней шерсти; эти шарфы имѣютъ $2\frac{1}{2}$ арш. длины, около $\frac{1}{4}$ ширины.

Постелью служатъ или просто беремя соломы, или соломенная мата, но грубо связанная; рѣдко встрѣчаются подушки и постели, набитыя оленьей шерстью; однакожъ, замѣчаютъ, что число постелей умножается. Въ г. Никольскѣ у мѣщанъ подобныхъ постелей на половину.

Вообще купцы замѣчаютъ, что народъ стремится увеличить свой комфортъ, масса привозныхъ товаровъ увеличивается, число лавокъ въ городѣ Никольскѣ растетъ, но всё это едва ли означаетъ, что жизнь большинства улучшается. Необходимо равномерное богатѣніе, между тѣмъ усиленное потребленіе фабрикатовъ кажется производится отдѣльными разбогатѣвшими личностями изъ крестьянства. По крайней мѣрѣ, я встрѣчалъ много крестьянъ,

обставленныхъ въ хозяйствѣ хорошо, т. е. не нуждающихся въ хлѣбѣ, продуктахъ отъ скота и проч., но очень мало покупающихъ на рынкѣ.

Кромѣ катанья шляпъ жители Юзы ходятъ на сельскіе заработки въ Галицкій уѣздъ Костромск. губ. Юзяне нанимаются тамъ на цѣлое лѣто въ работники; за лѣто берутъ по 50 рубл. Ходятъ и парни и дѣвицы и стараются наняться двуполой парой къ одному хозяину.

Здѣсь мнѣ сказали, что съ Юзы ушли два семейства въ Сибирь на переселеніе; про нихъ здѣсь извѣстно, что они живутъ тамъ хорошо и имѣютъ деньги. Легенда объ этихъ переселенцахъ распространена очень далеко, такъ что я её слышалъ уже въ Зеленцевой. Кромѣ какъ съ Юзы, здѣсь рассказываютъ, что въ Сибирь переселялись еще кокшары, т. е. жители с. р. Кокшеньги Тотемск. уѣзда. Вообще здѣсь Сибирь считают за богатую сторону, но смѣшиваютъ съ Самарской губ. Для здѣшнихъ крестьянъ всё, что идетъ изъ-за Нижняго, все изъ Сибири. Здѣсь даже спрашиваютъ, свѣтъ ли тамъ рожь, бываетъ ли тамъ снѣгъ, т. е. думаютъ, что тамъ тропическій климатъ. И это въ такой области Россіи, которая нѣкогда лежала на главномъ сибирскомъ трактѣ, имѣла большія торговыя сношенія съ Сибирью, о чемъ преданія сохранились даже и въ мѣстныхъ пѣсняхъ. Въ другихъ мѣстахъ Россіи свѣдѣнія крестьянъ о Сибири еще сбивчивѣе и кажется, какъ напримѣръ въ Калужской, Смоленской, Витебской, Псковской и друг., представленія о Сибири скорѣе дурное, чѣмъ хорошее; тамъ говорятъ „сибирный“ вм. отвратительный, несносный и случается даже, что крестьяне даютъ имя Сибири такимъ мѣстамъ, которыя по своимъ дурнымъ качествамъ имъ къ чему не пригодны. Напротивъ, въ русскихъ тюрьмахъ, даже на крайнемъ западѣ, наприм. въ Финляндіи, между заключенными встрѣчаются самыя обширныя географическія свѣдѣнія, какія когда-либо простолудинъ вмѣщаетъ въ своей головѣ. Здѣсь можно услышать названія сибирскихъ рѣкъ и городовъ, рассказы о мѣстныхъ особенностяхъ въ образѣ жизни, даже фразы на бурятскомъ языкѣ, повторяемыя человѣкомъ, который въ Сибири никогда не бывалъ.

Крестьяне всегда бываютъ въ затруднительномъ положеніи, когда задумаютъ переселеніе куда-нибудь, и на какихъ бѣдныхъ данныхъ бываютъ иногда основаны ихъ надежды на счастье въ новой странѣ, можно видѣть изъ слѣдующей исторіи. Мои спутники хохлы были сосланы въ Вологодск. губ. за то, что были коноводами движенія къ выселенію съ мѣста родины въ числѣ 60 семей на Амуръ. Виновникомъ этого движенія было письмо ихъ однопоселенца, кавказскаго солдата, написанное имъ на свою родину дер. Студенокъ. Вотъ это письмо:

„Драгоцѣнные мои братцы и вся родня! Вы просите меня, чтобъ я

разыскалъ вамъ хорошее мѣсто для жительства, но увѣдомляю васъ, что я исходилъ весь Кавказъ вдоль и впоперекъ и не видѣлъ и не находилъ ни гдѣ не то, чтобы хорошаго и порядочнаго мѣста, гдѣ бы можно поселиться, а все хуже противъ нашего мѣста въ десять разъ, а именно чѣмъ: воздухъ тяжелъ и дурной, люди постоянно бѣдные и всегда болѣютъ лихорадкою, хлѣбъ каждый годъ не родится, потому что земля дурная и все пески, лѣсовъ нѣту, страшная жара, приволья нѣту ни на что, ни на скотину, ни на овецъ, ни на хлѣбъ, ни на пчелы, ни на гусей, ни на утятъ, ни на сѣнокосы, ни на что, просто хоть брось, а люди только и живутъ виноградными садами: они садами и кормятся и одѣваются, а если бы не сады, то они бы давно подошли съ голоду; то они и такъ съ Рождества сидятъ голодные, пока новаго хлѣба дождутся, нѣтъ здѣсь ни соловьевъ, ни цвѣтовъ, ни пролѣсковъ, никакой веселости и никакого приволья; всё покрыто вѣчной тьмою и все повяло, какъ зимой, однимъ словомъ гибельный, бездонный, беззаконный, распутный и развратный Кавказъ.

„Любезнѣйшіе мои братцы и вся премилая моя родня! Преубѣдительно и всепокорнѣйше васъ прошу и отъ всего сердца даю вамъ совѣтъ: переселяйтесь вы какъ можно поскорѣй въ Сибирскій край въ Приморскую область на рѣку Усурь; и Амуръ мѣсто хотя очень хорошее и на все привольное въ Амурской области по рѣкѣ Амуръ, но еще лучше и превосходнѣй и прекраснѣй мѣсто и приволье на всё въ Приморской области на рѣкѣ Усурь. Тамъ непроходимые и необозримые лѣса съ разною дичью и звѣрями, тамъ земли видимо, невидимо и весьма хлѣбородная и на все привольная и воздухъ хорошій и здоровый, тамъ земли очень много и хороша, но не кому её возработывать, потому что людей мало, а отчего мало? оттого, что далеко: туда 8000 верстъ и потому людей туда заходить мало. Тамъ по лѣсамъ разной фрукты видимо, невидимо; а что сады съ разною овощью, такъ и описать нельзя; тамъ заводи скота разнаго табуны,—есть гдѣ пасться: степи безконечныя и трава растетъ въ человѣка, тамъ подъ бокомъ лѣсъ и все строевой—руби и дѣлай хату; тамъ же подъ бокомъ ори и сѣй, сколько душѣ твоей угодно; тамъ заводи пчелъ, сколько тебѣ хочется. Однимъ словомъ на все хорошее приволье, на скотоводство, на хлѣбопашество, на пчеловодство, на садоводство, на сѣнокосъ, на здоровье и на все, чего тебѣ только хочется—на все приволье; тамъ растетъ чай, тамъ разныхъ орѣховъ, тамъ разныхъ дорогихъ звѣрей видимо, невидимо; тамъ не жизнь, а царствованіе и просто рай; тамъ будете вы не жить, а блаженствовать и будете вѣчно меня благодарить, если переселитесь въ Приморскую область на рѣку Усурь. Да не думайте, что тамъ Сибирь какое нибудь мученіе, а это такъ называется тотъ край и мѣсто тамъ теплое; да не опасайтесь, что туда далеко,

а подите туда: много пошло людей отсюда съ казаковъ, съ мужиновъ и съ отставныхъ солдатъ, и вамъ будетъ отъ казны пособіе денежное, и вы скоро дойдете туда, потому вы и не берите больше ничего, только платье и рабочую скотину; и когда вы туда прійдете и гдѣ поселитесь, то увѣдомьте меня, чтобы я зналъ, куда до васъ идти и пойдите къ Воцанымъ съ симъ письмомъ, прочтите имъ; они тоже хотятъ идти вмѣстѣ съ вами на переселеніе, но только не записывайтесь въ казаки, а такъ будьте мужиками и переселяйтесь въ мужичье сословіе и непременно поскорѣй туда идите. Отчего та страна не заселена? оттого что туда далеко, и потому всякій человѣкъ боится. Мы спрашивали командира (онъ тамъ былъ) и всѣхъ офицеровъ, которые тамъ были, и солдатъ, которые у насъ служатъ съ того краю, и всѣ говорятъ тоже, что мы пишемъ вамъ въ этомъ письмѣ. Къ тому же Воцаный постоянно и читаетъ книги про этотъ край и въ книгахъ описываютъ все то же; за недѣлю прежде сего и Воцанымъ было послано письмо съ такимъ совѣтомъ. Да не слушайте никого, а прямо переселяйтесь поскорѣй.

Прелюбезнѣйшіе мои братцы и вся вообще дорогая моя родня! Свидѣтельствую вамъ изъ глубины своего сердца почтеніе и съ любовью отъ души пренизко и пренизко вамъ кланяюсь и желаю вамъ отъ Бога всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ, дай Богъ вамъ быть здоровыми и благополучными. И еще скажу, что никого не слушайте и не опасайтесь, а поскорѣй переселяйтесь въ Приморскую Область на рѣку Усурь и Амуръ. 1866 года апрѣля 5 дня.

Григорій Пазушка.

Подобныя письма замѣняютъ для нашихъ крестьянъ Auswandererbuch'и и производятъ, какъ видно, электрическія дѣйствія въ тѣхъ населеніяхъ, которыя особенно доведены крайностью положенія до рѣшимости идти за счастьемъ хоть на край свѣта.

11 августа мы были въ деревнѣ Княжевой уже Тотемск. у., въ 27 в. отъ села Андреевскаго. Между этими деревнями находится длинный волокъ 20 вер. длиной; по срединѣ волока дорога пересѣкала небольшое моховое болото подъ назв. Гусиное, гдѣ растетъ клюква, по здѣшнему журавляха. Въ этомъ волоку лѣтомъ водится много медвѣдей и волковъ; зимой медвѣди по словамъ крестьянъ уходятъ отсюда въ сузѣмъ; въ зиму здѣсь убивается до 5 медвѣдей; въ нынѣшнее лѣто (1872 г.) медвѣдь задралъ уже двухъ лошадей. Въ прошл. году медвѣди много погубили рогатаго скота и лошадей; одной дѣвушкѣ, собиравшей ягоды, медвѣдь оборвалъ груди и она умерла черезъ недѣлю. Скотъ здѣсь ходитъ въ лѣсу; поля здѣсь лежатъ тотчасъ за деревней: лѣтовнище, которое къ З. отъ Ляменьги называютъ пастью ой,

находится за полями *), а такъ какъ лѣсъ начинается также тотчасъ за полями, то пастъва и находится въ лѣсу. Однакожъ, скоть здѣсь не пускаютъ до середины волока, иначе онъ погибъ бы; поэтому пастъва огорожена не только со стороны полей, но и со стороны волока; внутри пастъвы у дороги мы встрѣтили двѣ деревянные доски, качающіяся между стойками. Въ нихъ бьютъ палкой, чтобъ этимъ громомъ отгонять звѣря отъ скота. Въ Тотемск. уѣздѣ по свѣдѣніямъ, собраннымъ уѣздной управой, ежегодно погибаетъ отъ звѣрей скота на 50 т. рубл. Въ видахъ истребленія звѣрей, управа назначила преміи за убитыхъ волковъ и медвѣдей, но не болѣе, какъ черезъ годъ принуждена была уменьшить размѣры преміи.

Въ этой лѣсной мѣстности бьютъ также изъ ружей „вѣвощъ“, охотясь за ними съ собаками; кромѣ того ловятъ зайцевъ нитями на огородахъ (изгородахъ), а поляшей (*Tetrax tetrix*, L.) волосатыми силами.

На волоку мы много собирали разныхъ грибовъ. Здѣсь попадались: рыжики, пушники, синюшки, красныя и бѣлыя краснухи, волнухи, обабки, коровяки, носеляки, сыроѣжки и заячьи грузди. Сыроѣжки здѣсь зовутъ сухарями, а въ Костромск. губ. свинарьѣ; коровякомъ здѣсь называютъ тотъ грибъ, который въ Костромск. губ. зовутъ заячьимъ козельцомъ, а востромской козелецъ здѣсь называютъ козелякомъ. Скважники (*Boletus*) съ грязно-желтой верхней шкурой зовутъ здѣсь краснымъ грибомъ, съ сѣрой шкурой обабкомъ; молодой обабокъ назыв. чилякъ **); лучший обабокъ, чистый, нечервивый, вѣрнѣй, здѣсь назыв. дорогой грибъ; ихъ собираютъ, сушатъ и продаютъ скупщикамъ по 10—12 коп. фунтъ. Въ солку здѣсь идутъ: рыжики, путники, синюшки, грузди, краснухи и волнухи; въ сушку—масленики (растущіе на поляхъ) и обабки. Заячій груздь (мѣстное названіе) въ дер. Княжевой не употребляется въ пищу, а подъ Тотмой идетъ въ солку наравнѣ съ простымъ груздемъ. Въ деревняхъ около Тотмы его называютъ осиновикомъ, а въ Костромской губ. молоковникомъ, потому что при изломѣ изъ него течетъ горькое молоко, какъ и изъ груздя, только не бѣлое, а желтое.

Пища здѣшнихъ крестьянъ отличается перевѣсомъ растительныхъ элементовъ. Больше половины года, какъ вездѣ въ Россіи, проходитъ въ постахъ. Въ это время обѣдъ состоитъ изъ слѣдующихъ блюдъ: рѣдька съ квасомъ, соленые грузди и волнухи, разведенныя водой или вареныя (такъ

*) Это совершенно обратно сибирскому обыкновенію (наприм. въ Томской губ.), гдѣ вокругъ селенія лежитъ выгонъ, огороженный поскотиной, а за поскотиной разбросаны тамъ и сямъ поля.

**) Въ другихъ мѣстностяхъ Вологодской губ. такой грибъ назыв. цыликъ (т. е. цѣликъ).

вазв. грибица), брусника и толокно, подмѣшиваемое въ видѣ приправы къ первому и послѣднему блюду. Если вѣтъ толокна, подмѣшивають просто овсяную муку, которая очень горька на вкусъ. Соленые рыжики вм. груздей и волнухъ уже составляютъ изысканность и встрѣчаются какъ постоянная пища у людей выше общаго уровня благосостоянія. У этихъ послѣднихъ къ предъидущему присоединяется соленая рыба: уха изъ трески или сайды и сельди. Рыба эта привозится изъ Архангельска; вся она готовится нечисто и отличается отвратительнымъ запахомъ; сельди лѣтомъ даже загниваютъ и червивѣютъ. Однакожъ, привозы рыбы лучшаго приготовленія были неудачны; въ Тотму былъ привезенъ лабарданъ, т. е. та же треска, но приготовленная безъ воня, и её мѣстные жители вовсе не раскупали. Въ Никольскѣ иногда привозили волжскую сельдь, которую здѣсь за крупность ея прозвали кобылой, однакожъ она не понравилась—„съ ржавчиной“, говорятъ.

Чтобъ охарактеризовать областную особенность здѣшней пищи, можно сказать, что въ неё сравнительно больше, чѣмъ въ другихъ областяхъ, входитъ овса и ячменя, мало пшеницы, мало жировъ и много грибовъ и бруснику; нужно прибавить еще, что здѣшній край служитъ южной окраиной потребленія бѣломорскихъ рыбъ: трески, сайды и сельдей. Грузди составляютъ значительный процентъ въ здѣшней крестьянской пищѣ; нѣкоторые семейства насаливаютъ ихъ на одну зиму до 20 ведеръ. Брусника составляетъ непремѣнное заключеніе каждаго постнаго обѣда; ея на двухъ чаловѣкъ уходитъ обыкновенно 1½ ведра.

Въ скоромные дни употребляютъ мясо и кислое молоко (т. е. кислый творогъ). Послѣднее готовится такъ—творогъ, свернутый изъ молока посредствомъ нагрѣванія, сваливаютъ ежедневно въ одну кадъ, гдѣ онъ накапливается и закисаетъ. Мясо потребляется сравнительно мало; одно мнѣ знакомое семейство, состоявшее изъ 4 взрослыхъ работниковъ и 1 четырехлѣтняго мальчика, съѣло съ осени до половины фенраля только одну ляшку коровы и 10 ведеръ волнухъ. Оно же заготовляетъ ежегодно 9 мѣшковъ ржаной муки (45 пудовъ), 1 мѣшокъ гороховой муки, 1 мѣшокъ ясной (ячменной) и 2 ступы овсяной муки.

Капусту здѣсь сажаютъ, но не квасятъ, а потому и щей капустныхъ не варятъ, а ѣдятъ её пареной. Щами здѣсь называютъ жидкую овсяную кашу, одно изъ обыкновеннѣйшихъ блюдъ, въ особенности въ скоромные дни; часто любятъ ѣсть ее простуженною.

Изъ другихъ овощей еще нужно упомянуть галанку, которая составляетъ также порядочный процентъ въ здѣшней пищѣ. Её ѣдятъ сырой и пареной; пареную рѣжутъ на узкіе ломтики и сушатъ; это уже составляетъ лакомство для дѣвицъ; эти черные сахаристые на вкусъ ломтики зовутъ кислушками.

Приправы, кромѣ перца и лука, а также и уксусъ, неизвѣстны. Чай пьютъ только богатые по воскресеньямъ и ближе къ Никольску менѣе, чѣмъ

къ Тотмѣ. Вмѣсто чая около Никольска сушатъ звѣробой (Purgesium) и пьютъ его съ сахаромъ или съ молокомъ.

За выть *) по дорогѣ изъ Никольска до Тотмы съ возчиковъ хлѣба, крестьяне берутъ по 3, а иногда и по 2 к. съ человѣка.

Я уже говорилъ, что здѣшній край отличается большимъ употребленіемъ пива, чѣмъ смежная Костромская губ. Пиво варятъ на свадьбахъ и въ извѣстные праздники. Каждый приходъ имѣетъ два храмовыхъ праздника, зимой и лѣтомъ; въ оба весь приходъ одновременно варить пиво; исключеніе составляютъ тѣ лѣтніе праздники, которые приходятся во время полевыхъ работъ; тогда пиво не варятъ. Кромѣ приходскихъ праздниковъ, у каждой деревни есть еще свой праздникъ, когда пиво варить эта одна деревня. Такимъ образомъ Лоха варить общее пиво зимой въ Введеніе, лѣтомъ въ Покровъ; Кипшенъга лѣтнее пиво въ Троицу, зимнее въ Рождество; Ляменьга зимнее въ Николу. Деревня Каменка варить свое пиво въ Спасъ, Аксентьева на Илью и т. д.

Изъ дикихъ травъ и другихъ растительныхъ продуктовъ только дѣти ѣдятъ пѣстики (Equisetum), земляные орѣхи (кажется клубни того же растенія), какую-то рѣпку, молодыя еловыя шишечки (мужскія ?), собираютъ какое-то просо съ сосны и, наконецъ, сочатъ сосновый сокъ; впрочемъ, сокъ сочатъ и взрослые, и партіи сочильщиковъ и сочильщицъ выходятъ изъ г. Никольска весной также, какъ осенью партіи за грибами.

Подходя къ Княжевой, мы увидѣли въ лѣсу расчищенное поле; оно было вычищено цѣлой деревней разомъ; для этого лѣсъ, какъ видно, былъ раздѣленъ на полосы, и потомъ каждый хозяинъ чистилъ свою полосу отдѣльно; два какихъ-то хозяина оставили свою часть не вычищеною, и поэтому двѣ прямыя узнія полосы лѣса пересѣкаютъ поле параллельно бороздамъ. Поле это оставлено отдыхать въ теченіи 15 лѣтъ; послѣ отдыха княжевцы снимутъ съ него 4, 5 хлѣбовъ и опять оставятъ подъ отдыхъ; потому что, безъ навозу земля не дастъ здѣсь болѣе урожаевъ, а навозъ возить далеко.

Почва около Княжевой стала песчаной, и пески отсюда пойдутъ, по словамъ жителей, до самаго Галича. Песчаная почва простирается и къ Тотмѣ. Изъ Княжева идетъ дорога на югъ на Васильево, Березники и село Никольское на Кемѣ. Эта дорога огибаетъ сѣверо-западный конецъ сузема никольскаго лѣсничества; западнѣе, мѣжду Тотемскимъ и Галицкимъ уѣздами, опять тянется суземъ, но между этимъ и Никольскимъ лежитъ населенная полоса, которая ихъ разрываетъ. Вѣроятно, это мѣсто около Княжевой, т. е. вообще въ вершинахъ рр. Шарженьги, Кемы и Юзы, гдѣ такъ близко сходятся вершины рѣкъ, принадлежащихъ къ бассейнамъ двухъ отдѣленныхъ морей, есть въ урало-алаунской грядѣ родъ сѣдловины, какими бываютъ въ горныхъ хребтахъ горные проходы.

12 августа. Менькова. 29 верстъ.

*) Выть называется такое количество пищи, которое нужно чтобы насытиться.

По дорогѣ отъ Княжевой къ Меньковой дорога пересѣкаетъ рѣку Киньжу, около дер. Великій Дворъ, и Юрманьгу въ 3 вер. отъ деревни Горки. Въ дер. Меньковой крестьяне живутъ чище, чѣмъ въ предыдущихъ деревняхъ; вообще отсюда къ Тотмѣ чистота въ домахъ и платьѣ начинаетъ увеличиваться; въ Меньковой много самоваровъ и у многихъ лѣтнія избы построены по бѣлому, а не такія же курвыя, какъ и зимнія, какъ это существуетъ повсемѣстно въ Никольскомъ уѣздѣ. Есть у нѣкоторыхъ и горницы, только безъ печей—въ нихъ спятъ только лѣтомъ.

13 августа мы пришли въ Леденгское Усолъе, 22 вер. отъ Меньковой, на р. Леденгѣ, которая составляется изъ двухъ рѣчекъ: Войманьги и Лѣдьжи. Между Меньковой и Леденгскимъ Усолъемъ находится большой волокъ, внутри котораго лежитъ только одна деревня Аксенова. Недоходя этой деревни, дорога пересѣкаетъ р. Сѣмжу. На этомъ волоку попадаютъ грибы, называемые въ Костромской губ. волуи, а около Никольска быки, а также лишай, который здѣсь зовутъ копытникъ, а въ городѣ Тотмѣ сухой рыжикъ.

Разсолъ въ Леденгскомъ Усолѣ бѣжитъ изъ 4 колодцевъ, изъ которыхъ самый глубокій имѣетъ до 319 сажень глубины. Леденгское усолъе передъ тотемскимъ (въ $\frac{1}{2}$ вер. отъ гор. Тотмы) имѣетъ то преимущество, что разсолъ поднимается по трубѣ колодца безъ подъемной машины. Леденгскій заводъ принадлежитъ казнѣ, которая прежде сама производила здѣсь варку соли, нынѣ же сдаетъ заводъ на аренду; теперь заводъ находится на арендѣ у ростовскаго купца Первушина, срокъ которой недавно продолженъ. Прежде во время завѣдыванія завода казенной администраціей въ дѣйствиіи было 20 варницъ, теперь только 9; большая часть разсола бѣжитъ мимо и пропадаетъ даромъ.

Перемена въ управленіи заводомъ сильно отразилась на мѣстныхъ жителяхъ, которые значительно побѣднѣли. Селеніе завода, по величинѣ не уступающее городу Никольску, повсюду представляетъ слѣды упадка; большіе двухъ-этажные дома стоятъ съ выбитыми стеклами, повсюду развалины, гнилые троттуары, запущенные садики. Въ народѣ слышны жалобы на бѣдность; у хозяина, у котораго мы стояли, въ отдѣльной маленькой избѣ жилъ одинъ рабочій съ женой и матерью и маленькимъ ребенкомъ; онъ занималъ свою квартиру за 7 дней хорошей работы во время уборки хлѣбовъ; у нихъ было всего двѣ деревянные ложки, слѣдовательно одинъ членъ семьи долженъ былъ сидѣть, въ то время какъ другіе ѣдятъ. Они были пущены хозяиномъ въ эту квартиру съ тѣмъ, чтобъ тутъ же помѣщался и этапъ; рабочій говорилъ, что онъ много видитъ проходящихъ ссыльныхъ, приглядѣлся къ нимъ и находитъ, что всѣ они гораздо лучше живутъ, чѣмъ онъ.

Съ уменьшеніемъ эксплуатаціи разсола, народу требуется гораздо менѣе противу прежняго; между тѣмъ леденгское населеніе свыклось съ своимъ промысломъ, и никто не хочетъ перейти къ другой промышленности, для чего можетъ быть нужно еще и переселеніе. Здѣсь можно отлично видѣть живучесть общины, если обстоятельства сложатся для нея разрушительно; вмѣсто того, чтобъ

возникнуть перебиванію работы другъ у друга, леденгское общество само разверстало между собою работу, такъ что въ результатѣ вышло всеобщее равномерное пониженіе благосостоянія. Каждый членъ общины имѣетъ право на 2 дня работы въ варницѣ, остальные четыре въ недѣлю у него гульные; конечно, два дня рабочихъ въ недѣлю, 104 дня въ годъ, не могутъ обезпечить содержаніе рабочаго, особенно семейнаго; прежде именно потому и было больше благосостоянія, что каждый рабочій имѣлъ болѣе рабочихъ дней при той же дневной платѣ. Въ гульное время леденгцы заняты поставкой дровъ; конные занимаются возкой ихъ. Рубка дровъ также раздѣлена между всѣмъ обществомъ; вообще, говорятъ рабочіе, гдѣ бы нужно 2 рабочихъ, тамъ мы поставили 6. По ихъ расчету, 18 рублей рабочей платы за варничныя работы раздѣлены между тремя человѣками, а 30 рублей платы за рубку дровъ между шестью. Такимъ образомъ, человѣкъ съ семьей въ 10 челов. получаетъ въ мѣсяцъ 5 рублей, а ему нужно 10 пудовъ муки, слѣдовательно 10 руб. сер. Можно сказать, что леденгская община тонетъ, но тонетъ разомъ—всѣ члены ея цѣпко держатся другъ за друга. Не устройся они такъ, можно ручаться, что нѣсколько ловкихъ лицъ создали бы себѣ карьеру изъ общенароднаго бѣдствія, какъ это случалось на Кемѣ, гдѣ во время взысканія недоимокъ за нѣсколько лѣтъ нагрѣли руки и обратились въ богачей лица изъ тѣхъ же кемцевъ, которые ссужали своихъ несчастныхъ товарищей деньгами за скотъ, который послѣдніе вели къ нимъ.

Другой примѣръ того, какъ народъ не легко расстаётся съ старыми формами быта, на примѣръ съ общиной, служитъ мѣщанское общество города Никольска. Общество это составлено изъ крестьянъ деревень Мелентьевой, Вахрашеевой, Борисовой, Варламцевой и др., которые были переселены въ городъ. Не смотря на то, что это переселеніе совершено давно, переселенцы и до сихъ поръ не составили одного городского общества, а каждая деревня живетъ отдѣльно. Они дѣлятъ городъ на нѣсколько концовъ, Мелентьевскій конецъ, Вахрамѣевскій конецъ, и т. д., изъ которыхъ каждый сохраняетъ въ своемъ владѣніи тѣ поля и пожни, какія принадлежали имъ на старинѣ; хотя *de jure* всѣ прежнія крестьянскія земли объявлены городской общественной собственностью, но переселенцы до сей поры умѣли *de facto* сохранить старый порядокъ до настоящаго времени. Это дѣлаютъ вотъ какъ: когда городъ сдаетъ земли, Мелентьевскій конецъ избираетъ изъ своей среды депутата, уполномочивъ ему оспаривать на торгахъ всю прежнюю землю на свое лицо до извѣстной суммы, и когда земля останется за депутатомъ, всѣ выплачиваютъ потерженную суму съ расчетомъ по числу душъ, а землей владѣютъ по полосно, какъ владѣли еще прежде, во время существованія деревень. Эти примѣры могутъ служить предостереженіемъ для тѣхъ, которые настаиваютъ на уничтоженіи общины. Вы видите, какъ крестьянинъ привыкшій къ общинѣ, не смотря на всѣ невзгоды, старается удержать её, какъ послѣднее средство спасенія. И дѣйствительно, отнимите её у него, и онъ растеряется, всякое равновѣсіе экономическихъ силъ будетъ нарушено, и онъ не съумѣетъ посреди экономического хаоса устроиться

однимъ своими собственными силами. Мнѣ кажется, если государство Монтезумы представляетъ рѣдкій примѣръ необыкновенно быстрого упадка, которому подобныхъ мало примѣровъ представляетъ исторія, и въ короткій срокъ потеряло свою разнообразную культуру, то это именно нужно объяснить тѣмъ, что испанцы разрушили мексиканскую общину, к а л п у л л и.

Передача Леденгскаго завода въ частныя руки имѣла и здѣсь тѣ же послѣдствія, какъ и въ другихъ случаяхъ. Между капиталистомъ, взявшимъ заводъ на нѣсколько лѣтъ, и рабочимъ народомъ нѣтъ той солидарности, какая можетъ существовать между послѣднимъ и правительствомъ; капиталъ спѣшитъ извлечь всю пользу изъ представленнаго ему въ распоряженіе богатства, какую только можно во время краткаго срока владѣнія этимъ богатствомъ; онъ не гнушается извлекать свои выгоды и изъ стѣсненнаго положенія рабочихъ, продавая имъ муку по 1 руб. 5 коп. или 1 руб. 10 коп., которая заводскимъ управленіемъ была куплена по 80 коп. Бѣднѣйшіе рабочіе берутъ муку у заводууправленія по 90 коп., но это такая мука, изъ которой 10 фн. на пудъ выходитъ высѣвокъ. Совершенный контрастъ съ леденгскими порядками представляла администрація тотемской варницы, составляющей собственность тотемскаго купца г. Кокорева. На тотемской варницѣ муку, покупаемую на рынкѣ по 1 руб. 20 коп., администрація г. Кокорева выдавала по 80 коп.; семейства умершихъ рабочихъ нерѣдко находили въ домахъ заводууправленія даровую квартиру. Казенная администрація въ Леденгскомъ заводѣ имѣла за собой всѣ хорошія стороны собственника завода, а не арендатора. Но судьба кокоревской варницы извѣстна: хозяинъ ея обанкротился; аналогична судьба и казенныхъ заводовъ—правительство нашло себя вынужденнымъ сдать свои заводы въ аренду. Причина паденія и казенныхъ заводовъ и управленія г. Кокорева, мнѣ кажется, одна и та же: желаніе не оставлять безъ вниманія нужды самихъ рабочихъ и въ то же время управленія заводомъ посредствомъ бюрократіи съ лишеніемъ народа участія въ заводууправленіи. Собственникъ, желающій оказать добро рабочему народу, не долженъ думать, что сдѣлалъ всё, если оказалъ народу нѣсколько благотвореній, онъ долженъ предвидѣть, что, пользуясь его добродушіемъ, между нимъ и рабочимъ народомъ вскорѣ вотрутся эксплуататоры, которымъ собственно и достанется главная часть благодѣяній собственника.

Рабочій народъ въ Леденгскомъ усолѣ гораздо развитѣе окрестныхъ; деревенская община почти повсемѣстно остановилась на организаціи землепользованія, нигдѣ мы не находимъ организаціи труда; въ Леденгскомъ заводѣ народъ въ состояніи былъ устроить справедливую разверстку работъ; ему даже не чужды такія идеи, какъ напримѣръ, снятія усолія въ аренду самимъ рабочимъ народомъ; онъ едва ли сомнѣвается и въ томъ, что правительство согласится сдать имъ заводъ съ платежемъ аренды не до, а послѣ періода эксплуатаціи; я встрѣтилъ у нихъ такія выраженія, что «заводы устраиваются для народа», т. е. для рабочаго народа, «что купецъ въ этомъ дѣлѣ лишній» и

«что безъ него можно бы обойтись». И дѣйствительно, правительство, которое устраиваетъ на артельныхъ началахъ заводъ древесной перегонки въ Шенкурскомъ уѣздѣ, нашло бы очень подготовленную почву для устройства артельной эксплуатаціи въ своихъ вазенныхъ заводахъ и фабрикахъ. Рабочій народъ въ Леденгскомъ усолѣ одно видитъ препятствіе къ снятію артелию своей варницы—отсутствіе въ собственной средѣ честныхъ людей, которые бы были проникнуты настолько любовью къ своей общинѣ, что занявъ выборное мѣсто, не погнались бы за личными интересами. Виноваты въ этомъ наши прежніе порядки, которые въ Леденгскомъ усолѣ оставили по себѣ память въ развалинахъ какой-то мызы съ садомъ, гдѣ нѣкогда устраивались гулянья леденгской аристократіи, но не оставили никакой школы. На предложеніе снять варницу на артельныхъ началахъ, Леденгцы говорятъ: «у насъ ужъ есть такія головы, которыя думали объ этомъ; только вздору будетъ много; намъ не справиться; всякому захочется пожитья». Самое печальное обстоятельство въ нашей общинѣ—низкое состояніе нравственности въ общественныхъ дѣлахъ, вслѣдствіе невѣжества крестьянъ. Въ нашей общинѣ, если ближе въ нее всмотрѣться, нѣтъ братства; разныя выраженія и обычаи *), напоминающіе его и дающіе поводъ отечестволюбцамъ признавать русскій народъ за особую расу, одаренную врожденнымъ инстинктомъ братства, есть только слѣды когда-то существовавшихъ другихъ соціальныхъ связей; равенство въ нашей общинѣ держится не на идеѣ, а временнымъ отношеніемъ силъ въ общинѣ; община держится не нравственнымъ цементомъ, а экономическимъ тяготѣніемъ, какъ камни въ циклопической стѣнѣ. Наша община состоитъ изъ людей, которые смотрятъ другъ на друга завистливымъ глазомъ; крестьянинъ мало обижается тѣмъ, что при настоящихъ порядкахъ наживается чиновничество, лишь бы не наживался сосѣдъ; пусть возрастаетъ капиталъ г. Первушина, лишь бы не нарушилось равенство достатковъ у самихъ леденгцовъ. Въ общинѣ нѣтъ людей одаренныхъ, если можно такъ выразиться, патріотизмомъ къ своей общинѣ. Выборные смотрятъ на свою должность, какъ на промыселъ; это лучше всего выказалось въ тюремной общинѣ, какъ видно изъ наблюденій г. Ядринцева. Въ тюрьмахъ у насъ существовала община, непризнанная закономъ и только допускаемая практикой; въ ней законныхъ сроковъ для выборной службы не было, и бродяжеская община смѣняла то и дѣло своихъ старостъ на томъ основаніи, что одинъ наживался, надо же и другому. Вотъ этого самаго и боятся леденгцы.

Вслѣдствіе большаго предложенія рабочихъ рукъ, въ Леденгскомъ заводѣ самая низкая рабочая плата, какая мнѣ встрѣтилась на дорогѣ; именно въ нынѣшнюю страду косили здѣсь за 30 к. въ день, жали ржаное поля по 3 к., овсяное 1¹/₂ и 1 к. Впрочемъ, низкая рабочая плата существуетъ здѣсь повсемѣстно; въ слѣдующей деревнѣ къ гор. Тотмѣ, въ Нижней, жали нынѣ рожь по 4¹/₂ к., овесъ 2 к. за суслонъ. Около Никольска плата за полевые работы

*) Въ Шенкурскомъ уѣздѣ существуетъ обычай: по окончаніи страдной помощи, всѣ участники кланяются другъ другу въ ноги со словами: «добре пострадали».

немного выше; за жатые ржи брали 40 к., а за овесъ 20; въ дер. Селивановой съ трудомъ можно было найти поденщика за 50 к. Въ дер. Мякишевой поденщина 50—60 к. за сѣнокосъ, 30 к. жатые овса, а за суслонъ ржи 5 к., овса 3 к. Посуслонно, здѣсь зарабатывали по 50 к. въ день, слѣдовательно больше, чѣмъ поденщина. Около с. Павина поденщина—сѣнокосъ 30 к., жатые ржи 20, овса 15 к. Въ Вознесенской волости поденщина—сѣнокосъ 30 к. Поденщина на мельницѣ г. Казакова въ Вознесенской волости, состоящая въ тасканьи земли на плотину,—40 к. мужчинамъ, 30 к. женщинамъ. Во время грузки судовъ на Никольской пристани въ 1872 г., мужчинамъ выдавали по 45 к., женщинамъ по 30 к.

Казакъ отъ Пасхи до осенняго заговѣнья получаетъ около Никольска 30—15 р., хозяйскую одежду всегдашнюю и праздничную, которая по отслуженіи остается у хозяина; зимой отъ осенняго Заговѣнья до Пасхи 10—5 р. Казачиха за лѣто отъ 10 до 15 р. безъ одежды.

Въ пѣстуньи нанимаются дѣти до 15 лѣтнаго возраста; около Никольска плата имъ отъ Пасхи до Покрова 6 р.; впрочемъ, съ возрастомъ пѣстуньи плата повышается. Въ старину, за первый годъ только кормили хлѣбомъ и вытывали одинъ поясъ. Въ Вознесенской вол. плата пѣстуньямъ также 6 р.; въ той же волости плата казаченку, боронильщику на 2-хъ лошадяхъ—10 р., а тому, который можетъ боронить только на одной—6 р.

Нѣкоторые крестьяне, продавъ весь хлѣбъ для уплаты податей, и оставшись сами безъ хлѣба, чтобъ добыть его, отдаютъ своего сына въ казаки или пѣстуньи.

Общая выручка поденщиковъ не велика; въ 1872 г. поденщики заработали около Никольска на сѣнокосѣ до 12—15 р.; сѣнокосъ начался за 5 дней до Петровокъ и продолжался до 29 іюля. Одна казачиха изъ Селивановой ушла на заработокъ на время косьбы и жатвы за 16 р.; другая пришла въ д. Селиванову за 16½ р. Во время грузки судовъ хлѣбомъ на Никольской пристани въ три дня одинъ крестьянинъ заработалъ 1 р. *).

Низкая рабочая плата есть одно изъ самыхъ главныхъ бѣдствій здѣшняго края, на которое бы слѣдовало прежде всего обратить вниманіе здѣшнему земству; причина этого неразвитость промысловъ, отсутствіе въ нихъ разнообразія, исключительно земледѣльческій характеръ промышленности, особенно въ Никольскомъ уѣздѣ, промышленная фیزیомія котораго напоминаетъ Сибирь; вся заводская промышленность этого уѣзда заключается въ 2-хъ винокуренныхъ заводахъ, не смотря на то, что рядомъ находятся губерніи съ самымъ развитымъ въ Россіи промышленнымъ движеніемъ. Можно сказать, что урало-алаунская гряда также отдѣляетъ здѣшній край отъ московскаго мануфактурнаго округа, какъ Уралъ отдѣляетъ Сибирь, и что онъ больше разграничиваетъ

*) Въ Шенкурск. у. Арханг. губ., какъ мнѣ писали, платятъ работнику въ лѣто 15 р., работницѣ 8, пѣстунѣ—дѣвчкѣ 3 р. За жатву по суслонамъ за 100 суслоновъ (каждый состоитъ изъ 10 сноповъ) платится 3 руб. 50 коп. сер.

въ индустріальномъ отношеніи, чѣмъ въ ботанико-зоологическомъ. Въ отношеніи ремеслъ, между г. Никольскомъ и Тотмой разница; въ Никольскѣ недостатокъ ремесленниковъ; въ Тотмѣ, напротивъ, сосѣдство соляной варницы постоянно поддерживало ремесленность, а съ закрытіемъ ея ремесленники жалуются на недостатокъ работы. Между тѣмъ, крестьянскія семьи постоянно выдѣляютъ изъ себя казаковъ и казачихъ, которые должны искать заработковъ внѣ земледѣлія; если прежде при меньшей дѣлимости семей они выдѣлялись, то тѣмъ больше становится число ихъ, когда дѣлимость усилилась вслѣдствіе того, что новыя идеи стали давать себя чувствовать и въ крестьянствѣ, и женщины, главныя виновницы дѣлежей, стали болѣе предъявлять свои права на независимость.

Работы, однакожъ, этимъ выдѣлившимся казакамъ и казачихамъ не находится. Не только ремесленники и казаки жалуются на недостатокъ работъ, даже и сами крестьяне жалуются на недостатокъ ихъ, вслѣдствіе чего много лишняго времени у нихъ пропадаетъ даромъ, и лошади остаются безъ работы; извоза въ краѣ большаго нѣтъ, и потому въ зимнее время крестьянамъ нечего дѣлать; не мудрено поэтому, что они готовы работать при постройкѣ барокъ въ теченіи 60 дней за какія-нибудь 10 р.

Земледѣліе, которымъ леденгскіе жители прежде не занимались, стоитъ у нихъ ниже, чѣмъ у крестьянъ; леденгцы жалуются, что и земля у нихъ къ тому не удобна, болотиста. Около завода два большихъ болота: Жупановское (5 вер. длиною) и Барандыково. Можетъ быть и дѣйствительно, что основаніе селенія вызвано было однимъ только солянымъ промысломъ. Скотъ, однакожъ, леденгскій въ славѣ по всему краю: коровы здѣшнія гораздо крупнѣе и красивѣе крестьянскихъ и даже покупаются для приплода тотемскими мѣщанами. Здѣсь мы услышали единственный по всей дорогѣ пастушій рожокъ, потому что скотъ здѣсь пасется пастухомъ, который получаетъ по 30 к. за корову и харчуетъ на счетъ жителей—по дню за корову. Это превосходство рогатаго скота можетъ быть происходить отъ возможности кормить скотъ солью, такъ какъ она подъ рукой, а можетъ быть также, что и здѣшнія травы больше пропитаны солью, и сѣно здѣсь лучшаго качества, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Къ югу отъ Леденгскаго Завода лежитъ суземъ, который простирается съ востока на западъ отъ Кемы до Толшмы. Въ немъ водится сѣверный олень (*Cervus tarandus*, L.). Животное это встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ этого края; къ сѣверу отъ Тотмы въ долину р. Кокшеньги его нѣтъ; однако, есть они около деревни Куловой; здѣсь ихъ ловятъ кряжами, которые ихъ даютъ. Здѣсь существуетъ преданіе, будто въ старое время къ мѣстному празднику ежегодно изъ лѣсу въ извѣстный часъ выходилъ въ деревню олень, котораго кололи и варили въ большомъ пивномъ котлѣ. Однажды котелъ уже былъ готовъ, куловцы ждутъ оленя, но онъ не выходитъ изъ лѣсу; порѣшили заколотъ вмѣсто оленя домашнего быка; только привели въ исполненіе это рѣшеніе, какъ появился изъ лѣсу олень, но увидѣвъ, что его недождали, повернулся назадъ и скрылся. Съ

тѣхъ поръ, олень не сталъ выходить изъ лѣсу и куловцы должны были варить вмѣсто оленя быка. Въ Верхнемъ Куловѣ теперь не варятъ и быка, а въ Нижнемъ и теперь еще по рассказамъ крестьянъ существуетъ этотъ слѣдъ древнихъ общинныхъ жертвоприношеній. На р. Шебеньгѣ, слѣдов. въ противоположномъ концѣ Кокшеньги, существуетъ охота на оленя и такое же преданіе о закланіи оленя, какъ и въ Куловѣ.

На сѣверо-западной границѣ тотемскаго уѣзда въ Минскомъ обществѣ нѣтъ никакой «лѣшни»; но одинъ крестьянинъ этого общества говорилъ мнѣ, что около дер. Березникъ видѣли однажды стадо въ 16 скотинъ. Въ 4-хъ верстахъ отъ этой деревни есть «оброчекъ» изъ 5 деревень Вельскаго уѣзда подъ названіемъ Каменогорье, гдѣ жители охотятся за оленями клѣпами, ямами и гоняются за ними съ собаками по насту. Крестьяне Заячьяго общества, также на границѣ Вельскаго уѣзда, охотятся за оленемъ въ лѣсахъ названнаго уѣзда, примыкающаго къ обществу, а не въ лѣсахъ Тотемскаго уѣзда. Въ 60 вер. отъ Тотьмы, въ вершинахъ р. Уфтыги, въ Верховскомъ обществѣ есть олени и лоси; ихъ заганиваютъ въ великій постъ на лыжахъ; олени здѣсь ходятъ стадами съ телятами.

Около р. Сухоны олень является забѣгомъ; его иногда убиваютъ или ловятъ во время переправы черезъ рѣку; для переправы онъ избираетъ мѣстность, гдѣ волокъ примыкаетъ къ Сухонѣ; такъ олень, рога котораго висятъ передъ лавкой вупца Шилова, въ гор. Тотмѣ, былъ убитъ 25 в. выше гор. Тотьмы, въ волоку, который пересѣкаетъ Сухому въ 12 вер. отъ дер. Кемчуги; еще выше, въ 80 вер. отъ Тотьмы, около дер. Брусеницы находится на Сухонѣ Печенгскій волокъ, гдѣ убиваютъ до 10 оленей въ годъ; однажды здѣсь поймали оленя живого, въ то время, какъ онъ плылъ черезъ рѣку. По словамъ охотниковъ, здѣсь попадаютъ олени всегда одинокіе и старые. Рога, висящіе у Шиловской лавки, также принадлежатъ старому оленю, и вѣсятъ 28 фн. Они очень симметрично и роскошно развиты; каждый рогъ состоитъ изъ трехъ главных отпрысковъ, изъ которыхъ главною не уступаетъ въ величинѣ другимъ и на концѣ имѣетъ такое же дланевидное расширеніе. Къ сожалѣнію, я не успѣлъ разузнать, въ какое время года олени встрѣчаются въ этихъ мѣстахъ.

По дорогѣ изъ Никольска въ Тотму, нѣтъ близко деревень, которыя занимались бы охотой за оленемъ; повидимому на всемъ пространствѣ между р. Сухоней и никольско-тотемской дорогой, а также и въ центральной части Кокшеньги, олени нѣтъ; къ сѣверу отъ Сухоны онъ водится только въ вершинахъ притоковъ Кокшеньги; впрочемъ, я не успѣлъ подробно разспросить о мѣстахъ, извѣстныхъ охотой за оленями; кажется, что она ограничена только одними водораздѣлами, вблизи же большихъ рѣкъ, какъ Сухона, Югъ, Кокшеньга, олени нѣтъ на далекое пространство.

Къ югу отъ Сухоны олень снова появляется въ урало-алаунской грядѣ, какъ въ тотемской, такъ и никольской его части; въ тотемскомъ суземѣ, къ югу отъ Леденгскаго завода, охотой за оленемъ извѣстны деревни, лежащія по

р. Кунышъ. Олени здѣсь водятся на Святѣ болотѣ, которое даетъ начало р. Святицы. Сѣверный олень встрѣчается и южнѣе, на дорогѣ изъ Кологрива въ Солигаличъ. Въ сузѣмѣ Никольск. лѣстничества олень водится во-первыхъ въ южной части Сокольскаго болота, къ ю. отъ р. Кудонги, въ вершинахъ рр. Мичуга, Канюговъ и Шохры, а прежде водились также по Сѣнной *) и Моторихѣ. Здѣсь за ними охотятся крестьяне деревни Кудонги (лежащей на р. Кудонгѣ, текущей изъ Сокольск. болота на с. въ Югъ). Въ настоящее время, кажется здѣсь нѣтъ охотниковъ собственно за оленями, кудонжане охотятся только за лосемъ, такъ какъ за оленемъ очень трудно гоняться—онъ легче лося и снѣгъ меньше проваливается подъ нимъ. Особеннымъ обиліемъ лосей и оленей отличался здѣсь 1852 годъ; лѣсникъ, который мнѣ рассказывалъ о здѣшней охотѣ, вдвоемъ съ братомъ убилъ тогда 9 лосей въ одинъ домъ; вообще же на деревню Кудонгу было убито въ тотъ годъ 60 лосей. Олень здѣсь водится въ мѣстахъ, гдѣ болота и гривы покрыты пихтарникомъ; лось же, гдѣ есть рябинникъ и молодой березникъ. Охотники узнаютъ присутствіе ихъ по «скусамъ» т. е. по слѣдамъ зубовъ на вѣтвяхъ деревьевъ. Скуски у зайца и лося различны: у зайца кусокъ косой, какъ будто отстригнуто ножницами; у лося или прямой кусокъ или есть заломокъ. Тотъ же охотникъ увѣрялъ меня, что олень здѣсь встрѣчается и комолый и съ рогами, но что лось всегда комолый, и что тамъ же водится еще звѣрь лань, котораго самого нынѣ не видятъ, но рога его находятъ на болотахъ. Въ 1871 г. въ Кудонгѣ было убито 2 лося и въ Баданкѣ также 2.

Изрѣдка олени забѣгаютъ и сѣвернѣе Кудонги; такъ, въ прежніе годы его видали иногда одиночками около дер. Упираловой, въ 12 вер. отъ Никольска, къ западу; здѣсь и на р. Выдрихѣ и теперь находятъ иногда оленины рога.

Къ востоку отъ Никольска олени водятся, кажется, въ вершинахъ р. Юга; въ вершинахъ рр. Ирдомы и Луптюга есть олени и лоси (послѣднихъ зовутъ здѣсь сохачами), но вятскіе починцы за ними не охотятся. Охотой за оленями въ этой мѣстности извѣстны красногоры, т. е. жители села Красногорскаго, лежащаго на границѣ.

Вообще сѣверный олень водится повидимому стадами по всей урало-алаунской градѣ; онъ бродитъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, не дѣлая большихъ перекочевовъ; здѣсь онъ выводитъ и дѣтей своихъ. Только старые экземпляры почему-то предпринимаютъ дальнія экскурсіи черезъ Сухону. Есть ли у него и въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ опредѣленные мѣста для лѣтовокъ и зимовокъ, изъ рассказовъ охотниковъ нельзя вывести.

Мясо оленье употребляется крестьянами въ пищу; оно продается въ Тотемскомъ уѣздѣ по 1 в. фн. Бьютъ мясо оленей и давленныхъ кряжами. Олень, рога котораго висятъ у Шиловской лавки, далъ 8 пуд. мяса. Рога обыкновенно бываютъ до 15 фн. вѣсу; въ Куловѣ одинъ рогъ продается по 40 коп.; изъ

(*) Сѣнная впадаетъ въ Юрманьгу, а эта въ Лундонгу. Между вершинами Мичуга и Сѣнной считается 8 верстъ.

нихъ дѣлають гребни; изъ одного рога выходитъ до 30 гребней; гребеньщику платять крестьяне за выдѣлку одного гребня $1\frac{1}{2}$ коп.; цѣна готоваго гребня 5 коп. Волосъ идетъ на набивку матрасовъ; въ Никольскѣ олений волосъ (подъ именемъ котораго вѣроятно продается преимущественно лосинный волосъ) продается по 12 коп. фн.

Деревня Нижняя, въ которую мы пришли 15 августа и которая находится въ 17 вер. отъ Леденгскаго Завода, лежитъ по срединѣ большого лѣсистаго волока, который отдѣляетъ р. Леденгу отъ Сухоны. Здѣсь уже начали жать яровое поле; три дома устроили даже и дожинки, между тѣмъ въ Княжевой 11 авг. только начали жать яровое. Это запаздываніе въ Княжевой вѣроятно нужно приписать ея высокому положенію; едва-ли и Никольскъ, не смотря на свое болѣе южное положеніе, не имѣетъ болѣе холодный климатъ, чѣмъ Тотма.

Хозяинъ нашъ въ Нижней занимается ловлей зайцевъ кряжами, капканами и нитями, и рябей силъемъ. Кряжами называются три бруса, сплоченные вмѣстѣ и настороженные въ родѣ сибирской плашки; кряжи ставятъ послѣ царскаго праздника (?) не на тропѣ, а подъ елью, гдѣ не надуваетъ снѣгу; приманкой служитъ осиновое деревцо. Нити ставятъ въ суземѣ на заячьихъ тропкахъ, ведущихъ изъ сузема къ деревенскому полю. Силья ставятъ на землѣ и на жерди; приманкой служитъ клюква (журавлика), нанизанная на нитку: другія ягоды не употребляютъ, потому что онѣ составляютъ пищу и другихъ птицъ, которыя склѣвываютъ ихъ. Кобылка, устраиваемая при сильяхъ, служитъ для вздергиванья попавшейся птицы, чтобъ горностаи не переняли добычу птицелова.

Кромѣ зайцевъ и горнастаевъ, около Нижней водятся куницы и медвѣди. Послѣдніе каждую ночь раза по два приходятъ въ поля полакомиться овсомъ. Куница водится по всей урало-алаунской грядѣ; въ Кудонгѣ ловля куницы уменьшилась, такъ что въ послѣдній годъ всего была убита здѣсь только одна куница.

Ряби или рябчики идутъ отсюда въ столицы; ихъ покупаютъ скупщики обыкновенно по 20 коп. пара; нынѣ (сенью 1872 г.) въ Никольскѣ пара стоила 10 коп., а по дорогѣ можно было покупать по 8 и 5 коп. пара (въ октябрѣ мѣсяцѣ).

Слова, записанныя по дорогѣ изъ Никольска въ Тотму.

Рѣшето—созвѣздіе Плеяды.

Леденица, заспа—метеорологическая крупа.

Суземъ—тайга, еловый лѣсъ.

Заломокъ—мѣсто въ лѣсу, заваленное буреломомъ. Заломки въ здѣшнемъ суземѣ бывають по 10 верстъ длиною.

Паточника—ручеекъ (вятскіе починки на р. Луптюгѣ).

Лѣшня—лѣсной промыселъ, звѣроловство и, можетъ быть, рубка дровъ (дер. Кулова, близъ Тотмы).

Бырь—переборъ (дер. Кумбисеръ, на р. Лохъ).

Сопласъ—камень, лежащій въ пластахъ земной коры въ отличіе отъ эрратическаго.

Слудки—рѣчные яры.

Струбъ—«рѣка вошла въ струбъ», т. е. въ межень.

«Въ узгу»—въ углу между двумя рѣчками. Шалка узговка—четырёхугольная.

Кулига—1) пятно. «Мотъ побѣлѣлъ кулигами»; т. е. выбѣлился неравномѣрно, 2) Изгибъ, излучина. «Югъ течетъ кулигами». 3) Отдѣльный участокъ земли, вычищенный подъ пашню.

Сохачъ—*Сervus alces*, L.

Поточна—птичка.

Медяникъ—шмель (*Bombus*),

Пильма—мелкое насѣкомое, портящее ботву на овощахъ и черемухъ (*Haltica?*).

Норница, какая-то гусеница бабочки, проглотивъ которую коровы умираютъ.

Самихъ—медвѣдь самецъ.

Самуха—медвѣдица.

Поляшъ—*Tetrao tetrix*, L.

Фыпикъ или фупикъ—*Pyrghula rubricilla*, Pall.

Рябь, рябовъ—рябчикъ (*Tetrao bonasia*, L.).

Ратная червь проходитъ насквозь камни и деревья. Ей приписываютъ дыры, съ которыми находятъ камни на поляхъ.

Колотѣкъ—*Spongilla fluviatilis*, Blainv.

Губы—грибы.

Мянда—низкая кривая сосна. (*Pinus Pumilio*, Haenke) «Мяндовыя» шишки—сосновыя.

Конда—темные центральные слои древесины соснового дерева (сердце, матерая древесина нашихъ лѣсничихъ); свѣтлые, её окружающіе слои, назыв. здѣсь болонь.

Выплавка—капъ у комля дерева, изъ котораго дѣлаютъ курительныя трубки.

Кремневая ель—мелкослойная.

Трунда—древесная гниль.

Лѣтовище—выгонъ скота (около Никольска). На р. Ляменьгѣ лѣтовище назыв. паства.

Радовая земля—общинная, не помѣщичья. Радовые крестьяне—не крѣпостные.

Стожары—колья въ сѣнномъ зародѣ.

Губина—потрава.

Трасогузка, однокружка — тележка для перевозки навоза на пашню.

Ворожейка—флюгарка на гумнѣ, показывающая направление вѣтра. Она состоитъ изъ длиннаго вкопаннаго въ землю шеста, на вершинѣ котораго прикрѣплена планочка горизонтально, а на концѣ послѣдней подвязанъ пучекъ кудели.

Долонь—токъ на гумнѣ, и ладонь.

Дерба—вызженное изъ-подъ лѣса небольшое мѣсто подъ посѣвъ льна.

Банище—мѣсто, гдѣ была прежде баня.

Печище—мѣсто, гдѣ было прежде какое-то жилье (съ печью?).

Вырецъ—разсадникъ для капусты и галанки.

Осыровъ—огородъ (вятскіе починки).

Дикарь—*Avena fatua*, живой овесъ (въ Харьк. губ. Изюмск. у. назыв. вовсюгъ).

Галанка—брюква.

Хива—пыль, лежащаяся во время вѣянія ржи еще далѣе охвостья. Её примѣшиваютъ въ кормъ птицѣ и свиньямъ.

Буколь—пустыя сѣменные коробки конопли, которыми кормятъ свиней.

Оншины—соръ отъ ячменя, толченаго въ ступѣ.

Опихивать—толочь ячмень въ ступѣ.

Тина, ботва—мякина.

Заспа—крупя.

Глибки, грудки—свѣжій творогъ.

Гуша—творогъ.

Мѣлъ—дрожжи.

Зайчики—пѣна, выступившая на пивѣ сверхъ хмѣля.

Лицо—черная поверхность пива подъ пѣной.

Бѣты—солома, которую кладутъ въ пивныя корчаги.

Бѣль—сулема.

Волохъ—глиняная крышка на горшокъ.

Бабѹшки—игрушки.

Сѹдвѣ—передній уголъ.

Бурундукъ—помость впереди нижней ступени крыльца.

Чунки—маленькія саночки. Можетъ быть это слово дало названіе старинному сибирскому: «чуница», звѣроловная артель, потому что соединеніе въ артели при звѣроловствѣ нужно было главнѣйшимъ образомъ для доставки на мѣсто промысла провизіи, которую иногда люди таскали на себѣ.

Порубенья—бревна, распиленные пополамъ, которыми огибають низъ барки.

Уторница—пазъ на днищѣ у края барки, который законопачивается тщательнѣе, чѣмъ остальные пазы на днищѣ.

К а р г а—столбъ на носу и на кормѣ.

К о б ы л и н ы—горизонтально лежащія на городкахъ балки, на которыя настиляется днище.

К о р о т ы ш и—доски, которыми покрываютъ барку, слѣдовательно, которыя образуютъ палубу.

Б а б а й к а—лопатовидный конецъ гребка.

П о н о с н а я—руль.

Г р е б к и—весла барочныя.

Д ѣ в к а—еловая подставка подъ конецъ поносной съ дырой, въ которую вставляется поносная; другой конецъ упирается въ гнѣздо на палубѣ.

П л е ч о—четверть борта барки; такимъ образомъ у барки есть: два правыхъ, два переднихъ и два заднихъ плеча. На лѣвыхъ привѣшиваются гребни, на правыхъ поносиныя.

З ы б к и—ваги для подъема барки.

О з д а—балка, которая служитъ скрѣпой барки въ серединѣ; она кладется горизонтально отъ одной боковой стѣны барки до другой, на серединѣ высоты отъ днища до палубы.

П л и т а—25 бревенъ, связанныхъ для сплава; нѣсколько плитъ, большею частью двѣ, составляютъ плотъ.

Д о р ь, ш а м ь, д о р ь ѣ—соръ. «Отъ лучины дорья много живетъ» (гор. Тотьма). Есть много деревень въ Никольскомъ уѣздѣ, которыя называются дорами: Аникинъ Доръ, Собакинъ-Доръ, Амелинъ Доръ, Карасинъ Доръ; много есть рѣчекъ съ названіемъ Дорѡвая или Дороватка.

С у в и т о к ь—трубица холста.

Н о в о к у п к а—вещь, недавно пріобрѣтенная въ домъ.

П ѣ т у н ь—пѣтухъ.

О б о р а—веревка лычная.

Б а х а р ы—берестяные лапти (р. Вѡхма).

Б а л о, б о л ь ц е—инструментъ, на которомъ загибають дужки въ крышамъ для туесковъ.

Р у б о к ь—такъ называется здѣсь мѣтка, которую дѣлають при отдачѣ полотна или нитокъ въ окраску. Это маленькій деревянный брусокъ, на которомъ обозначается количество матеріала и выговоренная плата за окраску; рубокъ раскалывается пополамъ, одна половина остается у хозяина матеріала, другая у красильщика, который самъ и дѣлаеть ихъ. Ниже Никольска, около деревни Ворониной, ихъ называютъ р у б е ж а м и; при отдачѣ овчинъ около Ворониной дѣлають с к о л к и; конецъ палки сострагивается, дѣлается зарубка и по ней скалываютъ половину, а выше зарубки дѣлается рубчикъ для веревочки, которою сколокъ привязывается къ овчинѣ. Отколотый кусочекъ остается у хозяина и по выходѣ овчинъ изъ дубленья прилагается къ своему мѣсту.

Въ Харьковской губ., Изюмск. уѣздѣ, рубокъ называется к а р б и ж ь, въ Симбирской губ. ж е р е б е ѣ в ь, у казанскихъ татаръ д ж е р е б ѣ .

Жеребьи въ Симбирской губ. употребляются при отдачѣ въ окраску холстовъ, пряжи, въ выдѣлку сырцовыхъ овчинъ и кожъ. Жеребий бываетъ длиной не болѣе вершка; имѣетъ видъ косої четырехгранной призмы; съ одной стороны нарѣзываютъ число аршинъ или всѣхъ или число штукъ; на противоположной цѣну за аршинъ или штуку. Жеребий раскалывается пополамъ повдоль; одна половина остается у мастера, другая вручается хозяину.

Прежде пріемъ овса въ амбары на Никольской пристани производился на бирки; прикащикъ имѣлъ длинную четырех-гранную бирку; когда крестьянинъ привезетъ въ амбаръ хлѣбъ, прикащикъ нарѣзываетъ количество его на биркѣ, потомъ ножомъ перерѣзываетъ бирку до половины и скалываетъ такъ, что часть надписи есть и на сколкѣ, часть и на биркѣ; сколокъ, жеребеёкъ онъ отдастъ крестьянину, который съ нимъ идетъ къ купцу и получаетъ деньги. Такимъ образомъ, у купца скоплялась груда жеребейковъ, которая вечеромъ повѣрялась съ принесенной прикащикомъ биркой. Нынѣ бирки уже не употребляются.

Въ Симбирской губ. бирки употреблялись пастухами для означенія числа скота въ каждомъ дворѣ порознь; хозяевами для амбаровъ съ хлѣбомъ или же при сваживаніи сноповъ въ гумно, богатыми крестьянами для записыванія долговъ, сборщиками податей для записыванія душъ и слѣдующихъ съ нихъ денегъ и т. п. Пастушья бирка бываетъ иногда до 2 саж. длиной. Скотъ помѣчается въ Симбир. губ. чередями, чередь=1 лошадь=1 корова=1½ годовалая телка=1½ годовалый жеребчикъ=1 свинья=5 овецъ=2 козы=2 теленка. Каждый домъ отдѣляется на биркѣ отъ другого чертой; кромѣ того ребро бирки подъ цыфрами одного дома срѣзывается отъ одной крайней цыфры до другой.

Бирка сборщика податей бываетъ такой же длины, какъ и у пастуха.

Здѣсь отмѣчено сначала число душъ, которое отдѣлено знакомъ (|), потомъ количество рублей, отдѣленное опять тѣмъ же знакомъ, и наконецъ число копѣекъ; домъ отдѣляется чертой; ребро подъ цыфрами срѣзывается. Намѣтивъ дома все число душъ въ деревнѣ и количество денегъ по дворамъ, сборщикъ отправляется по деревнѣ и по мѣрѣ уплаты срѣзываетъ тѣ мѣтки, которыя принадлежатъ плательщику; если кто уплатилъ не всѣ деньги, онъ срѣзываетъ старую цифру и на гладкомъ мѣстѣ нарѣзываетъ только недоимку. Бирка по татарски называется там га таягы, по чувашски картъ.

Названіе жеребейковъ рубки получили потому, что можетъ быть служили для метанія жеребья. Намеки на такое предположеніе заключаются въ тѣхъ дѣтскихъ присказкахъ, которыя дѣти приговариваютъ при метаніи жребія передъ игрой. Выраженіе «поломалъ рубля», «дьяконъ пишетъ желѣзнымъ пальцемъ чернымъ углемъ», «осиново полѣно плѣло *), горѣло, куда полетѣло?» намекаютъ на дѣланіе мѣтокъ на деревѣ и на киданіе его. Одна такая сибирская присказка прямо начинается словами: «сѣку, сѣку двадцать». Большинство и остальныхъ начинается счетомъ: первичики, другинчики. Въ присказкѣ

*) Я слыхалъ «тлѣло», а не «плѣло». Кажется, первое вѣрнѣе.

№ 6 число доведено до десяти: первины, дружины, пятанъ, ладанъ, жухтанъ, бухтанъ, дятель, десять. Слѣдующій № 7: пера, ера, шуда, луда, пята, сата, сива, ива, дубъ, крѣсъ, хотя не кончается словомъ десять, но въ ней заключается десять словъ, такъ что крѣсъ стоитъ на десятомъ мѣстѣ; это можетъ быть крестъ, который на биркахъ означаетъ цифру 10. Можетъ быть, деревянный жеребій употреблялся на древнихъ игрищахъ, когда дѣвицы метали жеребій—кому достаться. Свидѣтельство метанія, можетъ быть, содержится въ игровыхъ сибирскихъ пѣсняхъ. Въ одной изъ нихъ поѣтся, что дѣвушка рвала цвѣты и плела вѣнки и потомъ спрашивала: кому вѣнокъ мой достанется? если старому, то убѣгу, если молодому, то съ нимъ гулять пойду. Это намекаетъ, что на игрищахъ метали жеребій при дѣленіи пожни. Отрывокъ изъ другой игровой сибирской пѣсенки: «расколился сырой дубъ на четыре грани, раздѣлился мое желанье на четыре части», кажется, даетъ поводъ думать, что на древнихъ игрищахъ употреблялся и деревянный жеребеекъ.

Лапостка—плюсна.

Усъ—верхняя губа какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ.

Хрястѣкъ—хрящъ.

Печеница—синявица.

Халмыкъ—плетешки, которыя у женщинъ въ волосахъ вяжутъ «суеѣдъ».

Францы—венерическія язвы. «Ты вѣдь весь въ францахъ». Францоватый—сифилитикъ. «Ахъ, францы!» брань мѣстная, употребляемая чаще другихъ.

Вихъ—вывихъ.

Бородавицы—зобы на шеѣ и мелкія шишки на головѣ у коровъ.

Ватага—взрослые члены семьи. У насъ ватага не велика, т. е. мало работниковъ. Ватажникъ—взрослый членъ семьи, способный къ сельской работѣ.

Чумакъ—сидѣлецъ въ кабакѣ.

Казакъ—наемный работникъ. Казачиха—работница.

Пѣстунъ, пѣстунья—нянька.

Боговикъ—сборщикъ на церковь.

Плѣница—рядъ нѣсколькихъ саней или телѣгъ, ѣдущихъ одна за другой. Въ былинѣ объ Ильѣ Муромскомъ, Кирѣевск., IV, 38—46, Батый грозитъ раззорить Кіевъ: «добрыхъ молодцевъ полоню станицами, красныхъ дѣвицъ плѣнцами, добрыхъ коней табунами».

Мирьё—миръ, дружба. Что у васъ мирья нѣтъ? (что не совѣтно живете?)

Сугрѣвъ—тепло. «У нихъ въ избѣ сугрѣву нѣтъ».

Рыситься—искать половыхъ сношеній (о кошкахъ и собакахъ).

Пѣтка—мука, старанье.

Пѣтаться—мучиться, стараться...

Заглумный—забавный.

Лѣно—лѣнливо. «Что лѣно идешь?»

Тусьмянный—тускый (глазь).

Пасти—беречь. Бабы пасутъ корни кукушкиныхъ даровъ.

Кудесить—колдовать.

«Ни сижоть»—не достаесть, не хватаетъ.

Поблазило—миѣ, будто кто стучить—почудилось.

Чуешь?—Слышишь; понимаешь? У богатыхъ, дѣдушка, проси милостыню.

Чую.

Цась, часть—грамматическая частица «чай». Наприм. «Цась часовъ десять есть».

Главная изъ особенностей въ здѣшнемъ говорѣ пѣвучесть, которую можно замѣтить на всемъ нашемъ сѣверѣ, въ Финляндіи у финновъ, даже у финляндскихъ шведовъ, у Кареловъ и у сибирскихъ крестьянъ. Въ особенности это, интонированіе замѣтно у женщинъ и дѣтей. Изъ частныхъ, не у всѣхъ крестьянъ замѣчаемыхъ, замѣтимъ слѣдующія:

Буквы *ц* и *ч* взаимно замѣщаются. Говорятъ: молодича, подай отчу рукавичи: онъ на мельничу поѣдетъ. Цуцело вмѣсто чучело.

Окончанія прилагательныхъ *ска* превращается въ *чка*: вологочка. Вмѣсто чужески люди я слышалъ здѣсь *чучи* *) люди; въ устахъ одного крестьянина «мірская радоница» приняла необыкновенно искалѣченный видъ: *мичкара*. Кажется, въ этихъ неправильностяхъ нѣтъ общей нормы и много зависитъ отъ индивидуальных особенностей.

Можно у нѣкоторыхъ женщинъ при произношеніи замѣтить польскіе звуки *s* и *l*; первый въ словахъ: *цуешь*, *цась*, второй въ окончаніяхъ глаголовъ прошедшаго времени женск. рода: *ходила*, *родила*.

П о г о в о р к и:

Женщина, какъ старый вѣникъ, пошабарчитъ, да и сдастся.

Посади свинью въ рожь, дадутъ грошъ.

Рѣпа брюху не укрѣпа.

Двѣ головешечки соткнутся, больше курятся.

На людей какъ на Бога, на себя какъ на чорта.

И на Мартынку бываетъ мотырка. Вывернулся, какъ Мартынъ съ бала-лайкой.

Доринъ пирогъ все на-поперегъ.

Живемъ въ лѣсу, а дрова съ вѣсу.

Изъ-подъ тишки валятся шишки.

Сторона (т. е. чужіе, неродные люди)—борона.

*) Можетъ быть, отсюда происходитъ сибирское бранное слово *чуча*. Въ Никольскомъ у. говорятъ, что здѣсь прежде до русскихъ жила *чущія* (чудь).

Миръ—нетлѣнна риза (т. е. вѣченъ, несмертенъ).

Рѣпа да горохъ объѣдаще жито.

Три топора лежатъ подъ лавкой не дерутся, а три копыла раздорятъ.

Жена умереть, какъ кошка со столба упадетъ.

Мужъ жену жалѣетъ только 2 раза: какъ отъ вѣнца ведутъ, да на столъ кладутъ.

Народныя названія нѣкоторыхъ растеній, употребляемыя въ окрестностяхъ Никольска и Тотмы:

Боровой, бѣлый или олений мохъ, *Cepomus gangiferina*, Ag. (Никольскъ). Вареный прикладывается, чтобъ произвести на тѣлѣ нарывъ.

Боровой пострѣль, *Asopitum* С. Поятъ женщинъ во время родовыхъ потугъ; скорѣе женщина родитъ, меньше мукъ бываетъ (Никольскъ).

Бронецъ, *Paris quadrifolia*, L. Ягоду глотаютъ, чтобъ вередовъ не было. (Ник.) Съ сушеной ягоды поятъ лошадей больныхъ ящуромъ. Женщины нюютъ еще не зрѣлыя ягоды, пока онѣ красныя, чтобъ не было красокъ.

Бѣлюшки, *Chrysanthemum Leucanthemum*, L. (Тотемскій уѣздъ, дер. Кулова).

Вдовецъ, какое-то колючее растеніе, растущее на пашняхъ—отъ колотья (Тотма).

Волчонѣкъ (дер. Кулова), Волчьи ягоды, Перець (г. Никольскъ), *Daphne mezereum*, L. О цѣлительныхъ свойствахъ этого растенія я здѣсь не слыхалъ, но знаютъ, что разжеванные ягоды жгутъ во рту.

Глушина, *Betula alba*, L., разновидность, листья которой съ нижней стороны шероховаты на ощупь языкомъ. (Никольскъ).

Горожанка, *Dianthus deltoides*, L. (Никольскъ) Вѣроятно такое названіе растеніе получило за яркій цвѣтъ вѣнчика.

Грабли, *Heranium*. (Никольскъ).

Денежникъ, *Khinanthus crista galli*, L. (Ник. и дер. Кулова).

Дудель, *Archangelica officinalis*, Hoffm. (?) Дудели съ нераспустившимися бутонами крестьяне приносятъ изъ лѣсу въ деревни вмѣсто игрушекъ дѣтямъ (Никольскъ).

Дятловникъ, кашникъ, *Trifolium pratense*, L. (Ник.).

Елшина, *Alnus incana*, DC. (Ник.).

Желѣзный мохъ, желѣзнякъ, *Polytrichum*. Его сперангій назыв. кукушкинъ ленъ. (Ник.).

Журавиха, журавлика—*Oxycoccus palustris*, Pers.

Запонки, *Trollius europaeus*, L. (дер. Кулова).

Заячья трава, *Gnaphalium dioicum*, L. (дер. Кулова).

Заячьи пушки, *Eriophorum* (Ник.).

Звѣробой, *Nuregium* (Ник.).

Земляничный цвѣтъ, какой-то продуктъ природы, находимый въ землѣ—употребляется отъ грыжи. (Ник.).

Земляной духъ, родъ паутины, находимый въ щеляхъ почвы, употребляется отъ порѣза, поруба, ранъ и пр. (Ник.).

Земляные орѣхи, клубни *Equisetum*'а (Ник.).

Золотая трава, золотуха, *Thalictrum majus*, Jacq. (Ник.). Такъ зовутъ потому, что листья растенія, облитыя водой, получаютъ блескъ. Употребляется отъ золотухи.

Кашникъ, *Trifolium pratense*, L. и *argense*, L. (Ник.). Если бѣлый кашникъ (*T. argense*, L.) положить на «Ивана и Купальницу» подъ росу, потомъ пить—не будетъ вередовъ.

Квашня, *Samolus cervicaria*, L. Послѣ родинъ, чтобъ «золотникъ» не ходилъ, пьютъ наваръ въ водѣ. Нужно рвать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не слышать пѣтушинаго пѣнія, потому что цѣлительная сила есть только въ такихъ экземплярахъ, которые выросли, не слыхавъ пѣтушинаго пѣнія (Ник.).

Кобылій счечъ, *Rumex confertus*, Will. (дер. Кулова и г. Устюгъ).

Колбочки, плодовые шишки растенія *Trollius eugoraeus*, L., изъ которыхъ маленькія дѣвочки дѣлаютъ себѣ ожерелье (дер. Аксентьева, близъ Никольска).

Колокольчики, *Samolus patula*, L. (Ник.) Красятъ нитки въ синій цвѣтъ.

Колѣшки, *Cirsium* (дер. Кулова).

Копытникъ, *Alchemilla vulgaris*, L. (Ник.).

Кошачьи м—ди, *Geum rivale*, R. (Ник.).

Бряковина, какое-то съѣдобное растеніе (Ник.).

Кувѣшка, *Chrysanthemum Leucanthemum*, L. (Устюгъ).

Кукушкины дари, *Orchis latifolia*, L. (Ник.) Дарами вообще здѣсь зовутъ вещи, которыя во время свадьбы невѣста даритъ родственникамъ жениха, полотенца, вышитыя собственноручно, и т. п. Корень кукушкиныхъ даровъ употребляется, какъ кантаридное средство; свойство это вѣроятно приписывается растенію по сходству его клубней съ testicul'ями.

Кувушкинъ ленъ, спорангии *Polytrichum*'а (Ник.).

Купальница, *Ranunculus acris*, L. (Ник.).

Куриная слѣпота, *Myosotis*. L. (Ник.).

Изгонъ, *Lycopodium* (Ник.).

Лабазникъ, *Spiraea Ulmaria*, L. (Ник.).

Ладонка, *Asarum eugoraeum*, L. (Ник.). Женщины пьютъ отъ тишинъ.

Лутошка, *Tilia parvifolia*, Ehrh.

Лѣсной хмѣль, *Clematis Vitalba*, (Ник.).

Лягушечья вислица, *Rumex confertus*, Will. (дер. Кумбисеръ, около Никольска).

Мачишникъ, *Tussilago Farfara*, L. (по р. Іѣнгишу). Прикладываютъ, чтобъ произвести нарывъ.

Молосная трава, *Asarum europaeanum*, L. (Ник.).

Одаленъ, около Тотмы употребляется отъ грыжи.

Осотъ, *Cirsium* (Ник.).

Палочникъ или сѣянецъ, *Phleum pratense*, L. Сѣютъ на новины вмѣстѣ съ первой рожью, именно пригоршню на 1½ пуда ржи. Въ 1-й годъ сжинаютъ вмѣстѣ съ рожью и просѣваютъ рѣшетомъ; въ теченіе 3-хъ лѣтъ, палочникъ разрастается на новинѣ и его косятъ; на 4-й годъ появляется сорная трава.

Папороть; въ ночь на «Ивана и Купальницу» надо просидѣть подъ скатертью у этой травы; всѣ травы пробѣгутъ мимо и скажутъ, какая отъ какой болѣзни.

Перелой, *Parnassia palustris*, L. (Ник.).

Пивушки (Ник.), пѣтушки (дер. Кулова) *Galeopsis versicolor*, L.

Пѣстикъ, *Equisetum* (Ник.) Весенніе всходы ѣдятъ дѣти; по никольско-устюжскому тракту кладутъ ихъ со сметаной на пироги и пекутъ.

Подлѣсъ (Ник.), бранка (Ямбургск. у. Петерб. губ.), *Ryola rotundifolia*, L. Пьютъ никольскія женщины, если помѣшаются «платныя».

Подлѣсникъ, *Asarum europaeanum*, L. (дер. Кулова).

Поленики, *Rubus arcticus* (Ник.).

Попы, *Chrysanthemum Leucanthemum*, L. Пьютъ отъ головной боли (Ник.). Кажется, и *Tagetes officinale*, Knaut, называютъ здѣсь попами.

Сиверушникъ, *Trollius europaeanus*, L. Дѣвицы нализываютъ цвѣты на шею.

Синюшки, ржаныя (въ отличіе отъ *Polygala*) синюшки, *Centaurea Cyanus*, L. Употребляются для окраски нитокъ. (Ник.) Синюшки, *Campanula patula*, L. (дер. Кулова). Синюшки, *Polygala* (Ник.). Крынки моютъ.

Сорочьи глазки, *Viola tricolor*, L. (Ник.).

Сосошникъ, *Lonicera Xylosteum*, L. Соски, плоды этого растенія (Ник.).

Сѣянецъ, *Phleum pratense*, L.

Тропникъ; это растеніе мнѣ не удалось видѣть; его даютъ отъ кашля лошадямъ съ овсомъ, овцамъ съ хлѣбомъ.

Умывальница. *Lychnis flos-cuculi*, L. (Ник.) Ею умываютъ коровъ послѣ родовъ вмѣстѣ съ листьями елшины, глушины и чистушки.

Уразная трава (Ник.), уразница (на р. Юзѣ), урочная трава (дер. Кулова); растеніе это я не видѣлъ. Въ Никольскѣ имъ лечатъ отъ уроковъ; въ деревнѣ Куловой съ дымомъ этой травы обходятъ отелившуюся корову.

Хмѣлекъ, шишечки (Ник.), хмѣль (дер. Кулова), *Trifolium spadicatum*, L. Этимъ растеніемъ моютъ крынки и коровъ окуриваютъ; дѣлаютъ припарку противъ змѣвика.

Христопродавка (Ник.), Христово копье (дер. Кулова), *Asopitum septentrionale*, Kölle. Въ Никольскѣ говорятъ, что названіе этого растенія основано на формѣ листа (многодольнаго съ разрѣзными долями), будто истыканнаго или изорваннаго копьемъ, которымъ жида кололи Христа, спрятавшагося подъ листьями этого растенія. Въ деревнѣ Куловой находятъ истыканнымъ не листъ, а корень этого растенія.

Чистуха, чистушка, *Betula alba*, L., разновидность въ листьяхъ, у которыхъ нижняя поверхность гладкая (Ник.).

Гр. Потанинъ.

К о н е ц ъ.
